

Парадигмы истории и общественного развития

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Основан в 2016 году

Выходит 4 раза в год

Под общей редакцией Е. Н. Максимовой

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Севастопольский государственный университет»;
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33

Главный редактор:

Е. Н. Максимова, д-р полит. наук, доцент

Ответственный секретарь:

Д. В. Маковская, канд. полит. наук

Редакционная коллегия:

Авдонин В. С., д-р политических наук (Москва); Алиев А. А.-Г., д-р ист. наук (Москва); Аликберов А. К., канд. ист. наук (Москва); Андросов В. П., д-р ист. наук, профессор (Москва); Бармина Е. А., канд. филол. наук, доцент (Севастополь); Белоглазов Р. Н., канд. ист. наук (Севастополь); Гарас Л. Н., канд. филос. наук, доцент (Севастополь); Дмитриев В. В., канд. ист. наук, доцент (Севастополь); Ефременко Д. В., д-р политических наук (Москва); Жиртуева Н. С., д-р филос. наук, доцент (Севастополь); Зайцев И. В., д-р ист. наук, доцент (Москва); Ирхин А. А., д-р полит. наук, доцент (Севастополь); Кабаченко А. П., канд. филос. наук, доцент (Севастополь); Козлов М. Н., д-р ист. наук, доцент – редактор истор. рубрики (Севастополь); Миронов А. В., д-р филос. наук, доцент – редактор филос. рубрики (Севастополь); Наумкин В. В., д-р ист. наук, профессор, академик РАН (Москва); Скворцов Л. Д., д-р филос. наук, профессор (Москва); Скребец Е. В., д-р полит. наук, доцент – редактор полит. рубрики (Севастополь); Чихарев И. А., канд. полит. наук, доцент (Севастополь); Шаронова В. Г., канд. ист. наук (Москва).

Editor-in-chief

Maksimova E.N., Doctor of Political Sciences, Docent

Executive secretary

Makovskaya D.V., Candidate of Political Sciences

Editorial Board:

Avdonin V.S., Doctor of Political Sciences (Moscow); Aliev A.A.G., Doctor of Historical Sciences (Moscow); Alikberov A.K., Candidate of Historical Sciences (Moscow); Androsov V.P., Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow); Barmina E.A., Candidate of Philological Sciences, Docent (Sevastopol); Beloglazov R.N., Candidate of Historical Sciences (Sevastopol); Garas L.N., Candidate of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Dmitriev V.V., Candidate of Historical Sciences, Docent (Sevastopol); Efremenko D.V., Doctor of Political Sciences (Moscow); Zhirtueva N.S., Doctor of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Zaytsev I.V., Doctor of Historical Sciences, Docent (Moscow); Irkhin A.A., Doctor of Political Sciences, Docent (Sevastopol); Kabachenko A.P., Candidate of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Kozlov M.N., Doctor of Historical Sciences, Docent – Editor of Historical Section (Sevastopol); Mironov A.V., Doctor of Philosophical Sciences, Docent – Editor of Philosophical Section (Sevastopol); Naumkin V.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); Skvortsov L.D., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Moscow); Skrebets E.V., Doctor of Political Sciences, Docent – Editor of Political Section (Sevastopol); Chikharev I.A., Candidate of Political Sciences, Docent (Sevastopol); Sharonova V.G., Candidate of Historical Sciences (Moscow)

П18 **Парадигмы истории и общественного развития** [Текст] : сб. науч. тр. / М-во образования и науки Рос. Федерации, ФГАОУ ВО «Севастоп. гос. ун-т» ; под общ. ред. Е. Н. Максимовой ; редкол.: В. С. Авдонин [и др.]. — Вып. 20. — Севастополь : СевГУ, 2020. — 74 с. — ISSN 2500-4190.

Рецензируемый сборник научных трудов, ориентирован на публикацию философских размышлений, результатов исследований по историческим и политическим наукам. Предполагается обмен идеями между теоретиками и обществоведами-практиками. Обсуждаются актуальные проблемы социально-политического бытия.

Настоящее научное издание адресовано научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам и студентам социально-гуманитарных направлений обучения, а также специалистам, интересующимся обществоведческой проблематикой. Сборник выходит 4 раза в год. Издается с января 2016 г. Сборник зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN (ISSN: 2500-4190), Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ № ФС77-64133 от 25 декабря 2015 г.), индексируется в библиографической базе данных научных публикаций российских учёных РИНЦ.

CONTENTS

Historical Studies

Белоглазов Р. Н., Осиповский С. Н.

Историография истории Севастополя в период Великой Отечественной войны: состояние разработки проблемы 5

Дмитриева В. В.

Характеристика основных элементов родильного цикла в родильно-крестильной обрядности греков Крыма и Приазовья 11

Козлов М. Н.

Небесный мир в языческих представлениях восточных славян 16

Матросов М. А., Вакулова Т. В.

Позднеантичный период (IV – VII вв.) в истории Византии. 22

Рыбак И. В.

Религиозные отношения в 30-е годы XX в.: крымский аспект 30

Шахин Ю. В.

Отношение словенского Политбюро к республиканизму (1945 – 1947 гг.) 35

Политические науки

Бичаков С. А.

Роль политической элиты в событиях Арабской весны в Египте (2011 – 2013 гг.) 39

Бунецкий Л. Л.

Модернизация местного самоуправления в городе федерального значения Севастополь: особенности и новые приоритеты 45

Скребец Е. В., Гарас Л. Н.

Система международных и национальных правозащитных учреждений в условиях современных вызовов 55

Шавардова Е. Ю.

Диапазон возможностей языка политики как средства коммуникации в государственном управлении 60

Шопина А. В., Нелина Л. П., Ковалевский А. А.

Союз для Средиземноморья: этапы и проблемы становления 64

Философские науки

Миронов А. В.

Философские основания и формы социальной организации 69

CONTENTS

Historical Studies

Beloglazov R. N., Osipovskiy S. N.

Historiography of Sevastopol History During the Great Patriotic War: State of the Problem Development ... 5

Dmitrieva V. V.

Characteristics of the Main Elements of the Maternity Cycle in the Maternity and Baptismal Rituals of the Crimean and Azov Region Greeks 11

Kozlov M. N.

The Heavenly World in the Pagan Ideas of the Eastern Slavs 16

Matrosov M. A., Vakulova T. V.

The Late Antique Period (the 4th – 7th centuries) in the History of Byzantium 22

Rybak I. V.

Religious Relations in the 1930s: Crimean Aspect 30

Shakhin Y. V.

Position of Slovenian Politburo Towards Republicanism (1945-1947) 35

Political Studies

Bichakov S. A.

The Role of the Political Elite in the Events of the Arab Spring in Egypt (2011 - 2013) 39

Bunetsky L. L.

Modernization of Local Self-Government in the Federal City of Sevastopol: Features and New Priorities .. 45

Skrebets E.V. Garas L.N.

The System of International and National Human Rights Institutions in the Context of Modern Challenges 55

Shavardova E. Yu.

Range of Possibilities of the Language of Politics as a Means of Communication in Public Administration 60

Шопина А. В., Нелина Л. П., Ковалевский А. А.

Union for the Mediterranean: Stages and Challenges of Formation 64

Philosophical Studies

Mironov A. V.

Philosophical Foundations and Forms of Social Organization 69

УДК 930.1:94(47)''1941/1945''

В статье проанализировано состояние научной разработки историографии истории Севастополя в годы Великой Отечественной войны. Объектом анализа стал процесс становления и развития изучения соответствующей тематики на примере историографических обзоров в монографиях, диссертационных работах и специализированных публикациях. Установлено, что проведение комплексного исследования всего массива научной литературы по теме остается актуальной проблемой.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Севастополь, героическая оборона, публикация, исторические источники, освобождение, историк, историография.

Р. Н. Белоглазов, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: belovr73@mail.ru

С. Н. Осиповский, доцент, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: simosip@gmail.com

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ СЕВАСТОПОЛЯ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: СОСТОЯНИЕ РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМЫ

Реконструкция событий в Севастополе в годы Великой Отечественной войны (далее – ВОВ) всегда вызывала интерес со стороны историков, как в СССР и России, так и за рубежом, что выразилось в подготовке многочисленных публикаций, отличавшихся разнообразием по тематическому содержанию, постановке и решению исследовательских задач. На современном этапе историография проблемы формируется в условиях пересмотра устаревших выводов и оценок, применения новых методологических подходов и методов, существенного расширения источниковой базы. Большой объем опубликованной литературы ставит вопрос о необходимости проанализировать состояние научной разработки проблемы, определить основные тенденции развития историографических обзоров и исследований по данной теме.

Начало изучению событий в Крыму и Севастополе в годы ВОВ было положено в 1943 году, когда М. Седов опубликовал в «Историческом журнале» первую научную работу, посвященную обороне города в 1941-1942 гг. [37]. Военно-исторический отдел Генерального штаба Красной армии в свою очередь издал оперативно-тактический очерк по истории обороны Севастополя [11], где обобщался военный опыт проведения этой операции. В течение 1940-х гг. также публиковались отдельные документы по теме и подборки газетных статей периода войны [6, 9], которые были подготовлены в публицистическом формате и в основном описывали героическую борьбу советских военнослужащих, партизан и подпольщиков, воевавших в Крыму, что придавало им ярко выраженный пропагандистский характер. В то же время газетная публицистика наиболее оперативно отражала происходившие события, давала возможность ознакомиться с авторской оценкой ситуации, что позволяет отнести ее не только к числу письменных источников, но и рассматривать как предмет для историографического анализа.

В 1950 – 1960-е гг. проблематика получила дальнейшую разработку в рамках присущего для советской исторической науки т.н. партийного подхода с чрезмерной идеологизацией в контексте апологетики деятельности правящей ВКП(б)/КПСС и других государственных структур, что оказывало большое влияние на содержание соответствующих работ. В плане появления новых публикаций прослеживалось определенное жанровое разнообразие: выходили отдельные исследования, посвященные обороне Севастополя, популярного характера [14, 20, 38], обобщающие труды по истории ВОВ [12] и Черноморского флота [7], в рамках которых рассматривались севастопольские сюжеты.

Наиболее значимым для изучения темы в этот период стало выход в свет двух фундаментальных работ: подготовленной под эгидой Института истории АН Украины «Истории города-героя

Севастополя» в двух частях [13], с соответствующим разделом, посвященным событиям войны, и коллективной монографии «Героическая оборона Севастополя 1941-1942 гг.» [8].

К положительным аспектам научной литературы первых послевоенных десятилетий следует отнести введение в научный оборот большого фактологического материала, расширение источниковой базы, постановку новых исследовательских задач. Систематическую работу по изучению событий военного времени в городе начал Музей героической обороны и освобождения Севастополя, открытый в 1960 г. В рамках приоритетного направления научных исследований «Севастополь в годы Великой Отечественной войны» его сотрудники готовили публикации, на страницах которых нашли отражение вопросы, связанные с обороной 1941-1942 гг., периодом оккупации, деятельностью движения сопротивления и подполья, освобождением города в 1944 г. [16].

Указанный период был важным этапом в изучении тематики событий ВОВ в юго-западном Крыму, в рамках которого было создано значительное число конкретно-исторических трудов, что было необходимым условием для последующих историографических разработок. Первую такую попытку предпринял один из участников обороны Севастополя, бывший комендант береговой обороны главной базы и начальник гарнизона генерал-лейтенант П. А. Моргунов в своем исследовании «Героический Севастополь», опубликованном в 1979 г. [25]. Составной частью этой монографии стал небольшой историографический обзор, в котором соответствующая научная литература была разделена по нескольким жанровым направлениям: фундаментальные обобщающие работы по истории ВОВ в целом и Черноморского флота, в частности, в формате которых были разделы, посвященные Севастополю, и исторические очерки популярного характера. Вместе с тем П. А. Моргунов посчитал необходимым остановиться отдельно на рассмотрении упомянутой выше коллективной монографии «Героическая оборона Севастополя 1941-1942 гг.» [8], которая получила с его стороны высокую оценку как работа с подробным описанием боевых действий и хорошо документированная архивными источниками. Однако при этом были высказаны и определенные критические замечания: наличие некоторых неточностей в характеристике действий противника и недостаточная проработка сюжета, связанного с третьим наступлением немцев летом 1942 г. [25].

Результатом работы советских военных историков в вопросе изучения Черноморского флота, в том числе, в период Великой Отечественной войны, стала коллективная монография «Краснознаменный Черноморский флот», изданная в 1987 г. [18].

В советской историографии итоги состояния разработки темы по истории Крыма в годы ВОВ были подведены в монографии А. В. Басова [4], в которой представлен подробный историографический обзор литературы, как по крымской тематике, так и применительно к Севастополю. В частности, автор отметил, что после отдельных публикаций в периодической печати периода войны и военно-исторических очерков, подготовленных аналитиками Генерального и Главного морских штабов, всестороннее изучение военной истории Крымского полуострова началось значительно позднее. При этом после рассмотрения отдельных локальных сюжетов исследователи стали постепенно переходить к исторической реконструкции операций стратегического масштаба, в т. ч. и как одной из приоритетных тем в рамках этого направления – обороны Севастополя.

А. В. Басов в свою очередь констатировал, что первым достаточно полным научным трудом по указанной теме стала коллективная работа «Героическая оборона Севастополя 1941-1942 гг.» [8]. Однако он не остановился на предметной характеристике ее положительных сторон и недостатков, отметив лишь следующие исследовательские лакуны, которые оставались после ее выхода: история отступления Приморской армии к Севастополю в ноябре 1941 г., организация сил и средств Севастопольского оборонительного района (далее – СОР), последние дни обороны города и причины, не позволившие эвакуировать большую часть его гарнизона.

По мнению отмеченного автора, отчасти эти пробелы были восполнены после публикации мемуаров вице-адмирала И. И. Азарова [2], коллективной работы по истории эскадры Черноморского флота в годы ВОВ «Походы боевые» [10] и исследования генерал-лейтенанта П. А. Моргунова [25]. Последнее представляло особую научную ценность, так как вводило в оборот более 150 документов с комментариями по поводу их разработки и объяснением факторов, под влиянием которых принимались различные командно-управленческие решения в период обороны. Так, причиной срыва эвакуации большей части личного состава СОР в июле 1942 г. были названы отсутствие стабильного фронта и господство в воздухе авиации противника.

Подводя итоги анализу научной литературы по истории обороны Севастополя, А. В. Басов определил тематические направления, требовавшие дальнейшей разработки: военные действия на

территории мыса Херсонес после эвакуации из города командно-политического состава гарнизона СОР, взаимодействие видов вооруженных сил во время третьего штурма города.

Принципиально новый этап в развитии историографии по теме начался на рубеже 1980-1990х гг., что было связано с политикой перестройки и постепенной деидеологизацией общественных наук, расширением доступа исследователей к ранее закрытым архивным документам и материалам. В постсоветский период продолжился процесс увеличения числа конкретно-исторических работ, на страницах которых отражались отдельные вопросы истории Севастополя в период ВОВ. Для современной историографии стали характерными отход от идеологических штампов советского времени, разработка новых сюжетов на основе более широкой источниковой базы. Так, деятельность военно-воздушных сил СОР в период обороны рассматривалась в работе М. Э. Морозова [26]. В публикации А. В. Неменко была предпринята попытка изучить подробно первый штурм Севастополя в ноябре 1941 г. [27]. Положению Севастополя во время осады, деятельности городских органов власти по организации обороны и хозяйственной жизни в условиях военных действий посвящено исследование О. Нуждина и С. Рузаева «Севастополь осенью 1941 г.: хроника осажденного города» [28]. Кроме того, завершающий этап борьбы за морскую крепость проанализирован этими авторами в рамках отдельного исследования «Битва за Севастополь. Последний штурм» [29]. Третий немецкий штурм города и последующие события также рассмотрены в работах И. Маношина [22, 23]. В 2016 г. вышла в свет коллективная фундаментальная монография, посвященная освобождению Крыма в 1944 г. [5]. Десанты в Крыму и их роль в общем ходе военных действий рассматривались в работах А. С. Юновидова и А. Я. Кузнецова [19, 41].

Одной из особенностей данных публикаций является отсутствие в них историографического раздела или наличие обзора научной литературы только по теме одной из глав книги, что можно констатировать в отношении последнего издания (О. В. Романько Глава 5. Крым в период нацистской оккупации (ноябрь 1941 – апрель 1944) [5, с. 507-516].

Среди украинских и крымских исследователей в постсоветский период повышенный интерес вызывала тематика истории различных аспектов развития партизанского движения в Крыму [24, 30, 40], коллаборационизма среди местного населения [21], организации и функционирования оккупационного режима [32, 33, 35]. В течение 1990 – 2010-х гг. было подготовлено ряд разноплановых по содержанию, методологическим подходам и источниковой базе работ по данным вопросам, где проблематика Севастополя нашла лишь фрагментарное отражение.

Крымский историк О. В. Романько подготовил в историографическом ключе обобщающую статью «Крым в период нацистской оккупации (1941-1944 гг.): историография проблемы» [34], в которой провел комплексный анализ отечественной и зарубежной научной литературы по рассматриваемой проблематике, определил ее недостаточно изученные вопросы: национальная и конфессиональная политика немецкой администрации на захваченных территориях, формы и методы проведения нацистами психологической обработки местного населения, военно-политический коллаборационизм среди советских граждан.

Воссоединение Севастополя и Крыма с Россией в 2014 г. вызвало подъем интереса к истории Крымского полуострова периода ВОВ, что обусловило подготовку и публикацию ряда работ популярного характера [36, 46].

В современной российской исторической науке была предпринята попытка с привлечением большого круга источников провести анализ основных направлений развития историографии истории Крыма в годы ВОВ в статье А. И. Пожарова и С. А. Кузевой, опубликованной в 2017 г. [31]. Авторы рассмотрели проблему в рамках двух основных периодов: советского и постсоветского, отметили ключевые идеологические и общественно-политические факторы, повлиявшие на развитие историографического процесса до и после распада СССР. Для советского периода были выделены следующие приоритетные для исследовательской разработки вопросы: операции на территории Крыма по обороне Керчи и Севастополя, героизм советских военнослужащих и мирного населения в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, ведущая роль регионального партийного руководства в организации отпора агрессии, взаимодействие разных видов и родов вооруженных сил во время боевых действий, развитие подпольного и партизанского движения в период оккупации.

На основе анализа литературы постсоветского периода были определены новые тематические направления исследований: коллаборационизм среди населения на территории Крыма в период оккупации, депортация крымских татар и других этносов Крыма в 1944 г., антидиверсионная борьба подразделений специального назначения Черноморского флота, участие советских спецслужб в военных действиях на территории полуострова. В некоторых случаях рассмотрение конкретных работ сводилось только к их краткому обзору. К числу недостатков публикации также относится

отсутствие итоговой части по поводу уровня развития историографии по теме в целом, обобщений ее достижений и недостатков, а также определения перспектив дальнейшего развития.

В рамках изучаемой проблематики заслуживает большого внимания историографический раздел кандидатской диссертации Е. А. Сидорчука «Битва за Севастополь 1941-1942 гг.: военно-политический аспект», защищенной в 2020 г. [39]. Автору на примере конкретных работ советской историографии удалось показать эволюцию оценок и подходов к интерпретации событий обороны Севастополя в исторической литературе в зависимости от общественно-политической конъюнктуры в СССР. В частности, постепенный переход от попыток замалчивать наиболее острые проблемы, связанные с ошибками и просчетами командования и поражениями Красной армии, к более взвешенным и объективным выводам, которые стали появляться во второй половине 1950-х – 1960-е гг. Автор использовал материал как специальных работ, посвященных Севастополю, так и трудов обобщающего характера по истории ВОВ, боевой деятельности отдельных видов и родов вооруженных сил [39].

Рассматривая новый период в развитии советской историографии, начавшийся в условиях либерализации конца 1980-х гг., Е. А. Сидорчук дал высокую оценку монографии А. В. Басова [4] как примеру одного из первых объективных исследований, не испытавших давления партийно-государственной цензуры. При этом было отмечено, что ее автору на основе репрезентативной источниковой базы удалось рассмотреть комплекс как военных, так и политических факторов, определивших характер борьбы за Крым, обоснованно назвать причины поражения Красной армии под Керчью и Севастополем летом 1942 г., осветить ранее неисследованный вопрос о широком использовании противником трофейной советской техники, захваченной после разгрома Керченского фронта.

Анализ широкого круга работ постсоветской историографии позволил Е. А. Сидорчуку сделать вывод о том, что в публикациях современных авторов были отражены новые и недостаточно изученные ранее исследовательские вопросы: влияние советских десантных операций на положение Севастополя [42], деятельность органов государственной безопасности и таких специальных структур, как Экспедиция подводных работ особого назначения (ЭПРОН) [43-45], проблемы организации и функционирования движения сопротивления, развитие оккупационной политики, феномен коллаборационизма среди местного населения [34].

Сопоставив советский и постсоветский периоды развития историографии по теме, автор пришел к выводу, что их главное отличие заключалось в качестве подачи информации, так как в первом случае историческая наука находилась под большим идеологическим контролем со стороны партийно-государственного аппарата. Однако, по нашему мнению, при этом не стоит забывать, что у практики официального цензурирования были и свои положительные стороны: дилетанты и псевдоученые, не имеющие профессиональной подготовки, а также откровенные фальсификаторы были лишены возможности публиковать свои халтурные и низкопробные опусы, подготовленные, в том числе, при помощи плагиата.

Полноту и всесторонность историографическому обзору Е. А. Сидорчука придает анализ диссертационных исследований. Так, в его работе указано, что в соответствующих трудах российских ученых, подготовленных в 2000 – 2019 гг., были рассмотрены следующие аспекты, затрагивающие тематику обороны Севастополя: взаимодействие подразделений армии и флота во время боевых операций в Крыму [15], организация и функционирование аппарата агитации и пропаганды немецкого оккупационного режима на территории Крымского полуострова [17], участие сил морской пехоты в боях за город [1].

Анализ диссертации Е. А. Сидорчука позволяет сделать вывод о том, что обзор исторической литературы, представленный в его работе, в настоящее время является наиболее полным обобщением материала по изучаемой тематике как по выявлению и подбору историографических источников, так и по глубине теоретического анализа.

Подводя итог рассмотрению истории изучения событий периода ВОВ на территории Севастополя, следует отметить, что с момента начала разработки этого вопроса было подготовлено значительное число научных и публицистических работ, насчитывающих сотни наименований. Они с разной степенью объективности освещали отдельные частные аспекты или более масштабные вопросы – обороны 1941-1942 гг., оккупации и освобождения города. Однако история описания прошлого Севастополя в период с 1941 по 1945 годы никогда не была предметом отдельного исследования. Основной массив исторических публикаций по теме в основном подготовлен без историографического раздела, затрагивает достаточно узкие темы, ограниченные временными или тематическими рамками. Остается открытым вопрос о степени изученности различных периодов

военной поры в Севастополе, практически не проводился анализ зарубежной историографии вопроса. В связи с этим проведение комплексного историографического исследования истории Севастополя в годы ВОВ с привлечением всего массива отечественной и иностранной литературы остается актуальной научной проблемой.

Список литературы

1. Абрамов Е.П. Морская пехота в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг.: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / Е. П. Абрамов; Сев.-Зап. акад. гос. службы. – СПб., 2007. – 47 с.
2. Азаров, И. И. В боях и походах / И. И. Азаров. – М.: Воениздат, 1961. – 47 с.
3. Ачкасов, В. И. Боевой путь Советского Военно-Морского Флота / В.И. Ачкасов, А.В. Басов, А. И. Сумин. – М.: Воениздат, 1988. – 607 с.
4. Басов, О. В. Крым в Великой Отечественной войне 1941-1945 / О. В. Басов. – М.: Наука, 1987. – 336 с.
5. Битва за Крым. 1941 – 1944 гг. / А.В. Исаев, Д.Б. Хазанов, Н.Н. Глухарев, О.В. Романько. – М.: Яуза. – 2016. – 896 с.
6. Бои за Крым: сборник статей и документов. – Севастополь: ФГБУК «Севастопольский военно-исторический музей-заповедник», 2019 – 256 с.
7. Вьюненко, Н. П. «Черноморский флот в Великой Отечественной войне» / Н. П. Вьюненко. – М.: Воениздат, 1957. – 366 с.
8. Героическая оборона Севастополя 1941-1942 гг. / Г. И. Ванеев, С. Л. Ермаш, Н. Д. Малаховский, С. Т. Сахно, А. Ф. Хренов. – М.: Воениздат, 1969. – 368 с.
9. Героическая оборона Севастополя. 1941-1942 гг.: сборник документов и материалов / под ред. П. А. Чурсина. – Севастополь: Государственный музей героической обороны и освобождения (ГМГООС), 2018. – 292 с.
10. Годлевский, Г.Ф. Походы боевые / Г. Ф. Годлевский, Н. М. Гречанюк, В. М. Каноненко. – М.: Воениздат, 1966. – 242 с.
11. Замятин, Н. М. Оборона Севастополя: оперативно-тактический очерк / Н. М. Замятин, Ф. Д. Воробьев; Военно-ист. отдел Ген. Штаба Красной Армии. – М.: Воениздат, 1943. – 46 с.
12. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 – 1945, т. 2. М.: Воениздат, 1962. – 682 с.;
13. История города-героя Севастополя: В 2 т. Т. 2: 1917-1957 / АН УССР. Ин-т истории; Отв. ред. С. Ф. Найда. – К.: Изд-во АН УССР, 1960. – 364 с.
14. Кельнер, Е. Героическая оборона Севастополя / Е. Кельнер. – Симферополь: Крымиздат, 1958. – 162 с.
15. Киселев, И.В. Взаимодействие Красной Армии и Черноморского флота в ходе боевых операций в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И. В. Щеглов; Кубанский государственный университет. – Майкоп, 2009. – 34 с.
16. Костюченко, С. В. Развитие исторических исследований в Музее героической обороны и освобождения Севастополя / С. В. Костюченко, И. С. Попова // Вестник Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя: Сб. науч. статей, обзоров фондов коллекций. – Вып. 1. – Симферополь, 2009. – С.4-13.
17. Кохан, А.А. Структура и функционирование органов германской пропаганды в Крыму: 1941-1944 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. А. Кохан; ФГБОУВ «Санкт-Петербургский государственный университет» - СПб., 2019. – 395 с.
18. Краснознаменный Черноморский флот. – М.: Воениздат, 1987. – 334 с.
19. Кузнецов, А. Я. Большой десант. Керченско-эльтигенская операция / А. Я. Кузнецов. – М.: Вече, 2011 – 464с.
20. Максимов, С.Н. Оборона Севастополя 1941—1942 гг. / С. Н. Максимов. – М.: Воениздат, 1959. – 139 с.
21. Мальгин, А. В. «Партизанское движение Крыма и «татарский вопрос». 1941 – 1944 гг. / А. В. Мальгин. – Симферополь: СОНАТ, 2008. – 188 с.
22. Маношин, И. С. Героическая трагедия: О последних днях обороны Севастополя (29 июня – 12 июля 1942 г.) / И. С. Маношин. – Симферополь: Таврида, 2001 – 207 с.
23. Маношин, И. С. Июль 1942 года. Падение Севастополя / И. С. Маношин. – М.: Вече, 2009. – 302 с.
24. Мельничук, Е. Б. Партизанское движение в Крыму (1941-1944 гг.). Книга 1. «Накануне» / Е. Б. Мельничук. – Львов: Гриф Фонд, 2008. – 163 с.
25. Моргунов, П. А. Героический Севастополь / П. А. Моргунов. – М.: Наука, 1979. – 516 с.

26. Морозов, М. Воздушная битва за Севастополь. 1941-1942 / М. Морозов. – М.: Яуза, 2007. – 431 с.
27. Неменко, А. Первый штурм Севастополя. Ноябрь. 1941-го. /А. Неменко. – М.: Яуза, 2017. – 720 с.
28. Нуждин, О. Севастополь осенью 1941 г.: хроника осажденного города / О. Нуждин, С. Рузаев – Екатеринбург: Изд-во уральского университета. – 753 с.
29. Нуждин, О. Битва за Севастополь. Последний штурм / О. Нуждин, С. Рузаев – М.: Яуза, 2015. – 448 с.
30. Поляков, В. Е. Страшная правда о Великой Отечественной. Партизаны без грифа «Секретно» / В. Е. Поляков. – М.: Яуза, Эксмо, 2009. – 448 с.
31. Пожаров, А. И. Крым в Великой Отечественной войне. К историографии проблемы / А. И. Пожаров, С. А. Кузьева // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. № 58, 2017. – С. 352-363.
32. Романько, О. В. Немецкая оккупационная политика на территории Крыма и национальный вопрос (1941-1944) / О. В. Романько – Симферополь: Антиква, 2009. – 272 с.
33. Романько, О. В. Крым под пятой Гитлера. Немецкая оккупационная политика в Крыму (1941-1944) / О.В. Романько. – М.: Вече, 2011. – 432 с.
34. Романько, О. В. Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941-1944 / О. В. Романько – М.: ЗАО Центрполиграф, 2014. – 440 с.
35. Романько, О. В. Нацистская оккупационная политика на территории Крыма (1941-1944 гг.): историография проблемы / О. В. Романько // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. Вернадского. Серия «исторические науки». Том 4 (70), № 4, 2018. – С. 140-145.
36. Рунов, В. А. Битва за Крым 1941-1944 гг. От разгрома до триумфа / В. Рунов, Л. Зайцев. – Москва: Яуза-пресс, 2014. – 84 с.
37. Седов, М. Героическая оборона Севастополя (1941-1942) / М. Седов // Исторический журнал. – № 5-6. – 1943. – С.7-18.
38. Семин Г.И. Город-герой Севастополь. Исторический очерк. Крымиздат, Симферополь, 1958. – 253 с.
39. Сидорчук, Е. А. Битва за Севастополь 1941-1942 гг.: военно-политический аспект: дис. ... канд. ист. наук: 07.02.00 / Е.А. Сидорчук; ФГБОУ ВО «Государственный университет управления». – М., 2020. – 329 с.
40. Ткаченко, С. Н. Партизанская война в крымском небе: История и анализ взаимодействия советской авиации и крымских партизан в 1942 – 1944 годах / С. Н. Ткаченко. – Брянск: Общество с ограниченной ответственностью Издательский дом «Историческое сознание». – 496 с.
41. Тыл Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. – М.: Воениздат, 1977. – 559 с.
42. Юновидов, А. С. Десанты 1941 года / А. С. Юновидов. – М.: Яуза: Эксмо, 2009. – 416 с.
43. Христофоров, В. С. Секреты Российского флота. Из архивов ФСБ / В. С. Христофоров, А. В. Черепков. – М.: ВЕЧЕ, 2014. – 462 с.
44. Христофоров, В. С. Контрразведка ВМФ СССР. 1941-1945 / В. С. Христофоров. – М.: ВЕЧЕ, 2015. – 432 с.
45. ЭПРОН, рожденный в Балаклаве. – Харьков: СПДФЛ А. Я. Терещенко, 2013. – 100 с.
46. Шагланов А. «Севастополь останется русским!». Оборона и освобождение Крыма 1941-1944 / А. Шагланов. – М.: Яуза, 2015. – 570 с.

Статья поступила в редакцию 19.12.2020.

Beloglazov, R. N., Osipovskiy, S. N. *Historiography of Sevastopol History During the Great Patriotic War: State of the Problem Development*

The article analyzes the state of scientific development of the historiography of Sevastopol history during the Great Patriotic War. The object of the analysis is the process of formation and development of the related topics research on the example of historiographic reviews in monographs, dissertations and specialized publications. It has been established that a comprehensive research of the entire array of scientific literature on the topic remains an urgent problem.

Keywords: the Great Patriotic War, Sevastopol, heroic defense, publication, historical sources, liberation, historian, historiography.

УДК 392.1(=411)(1-924.71)

Рассматриваются традиции и обряды родильного цикла родильно-крестильной обрядности греков Крыма и Приазовья, в частности обычай «посыпания солью» новорожденного, первое купание младенца, первое после родов посещение роженицей церкви, система оберегов для матери и ребенка. Уделено внимание особенностям кормления и ухода за новорожденным в первые дни после его рождения. Дается подробное описание конструкции колыбели, ее составных частей и способов применения. Проводятся аналогии с элементами родильного цикла народов Крыма, Балкан, Кавказа.

Ключевые слова: греки Крыма и Приазовья, родильно-крестильная обрядность, родильный цикл, роженица, новорожденный, повитуха.

В. В. Дмитриева, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: viktoriadmtrieva2010@mail.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ РОДИЛЬНОГО ЦИКЛА В РОДИЛЬНО-КРЕСТИЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ГРЕКОВ КРЫМА И ПРИАЗОВЬЯ

В 1778 г. начинается переселение крымских греков с территории полуострова в Приазовье, после этого в этнографической литературе их стали называть «приазовскими греками». В составе этноса по языковому признаку выделяют две этнографические группы: румеи (говорят на диалектах крымскорумейского языка, он схож с новогреческим) и урумы (говорят на диалектах урумского языка (тюркской группы, близок к крымскотатарскому)).

Составной частью семейной обрядности греков Крыма и Приазовья является родильно-крестильная обрядность, которая включает в себя три цикла обрядов: предродовой, родильный, послеродовой. В данной статье будет дана характеристика основных элементов родильного цикла родильно-крестильной обрядности крымских и приазовских греков на основании информации, полученной во время проведения Приазовских фольклорно-этнографических экспедиций (ПФЭЭ), организованных Крымским отделением Института востоковедения им. А. Крымского НАН Украины в 1993, 1994, 1995 гг.

Интересно, что после того, как ребенок у крымских и приазовских греков появлялся на свет, и повитуха перерезала пуповину, его посыпали солью. Информацию о греческом обычае «посыпания солью» мы встречаем как в этнографической литературе – в работах С. И. Маркова, О. Н. Ксенофоновой-Петренко, так и в рассказах наших респондентов. Так, по свидетельству С. И. Маркова: «При рождении ребенка солят и только потом обмывают (посыпают солью только те части тела, которые чаще всего поддаются потению). По утверждению гречанок, «соление» имеет чисто гигиеническое значение, соль укрепляет организм ребенка» [14, с. 413]. По описаниям О. Н. Ксенофоновой-Петренко «на живот новорожденного клали немного соли» [11, с. 180].

Во время первой приазовской экспедиции гречанки рассказывали нам о том, что слышали от своих матерей: «раньше новорожденного посыпали солью или купали их в соленой воде» [19, л. 9, 21].

На протяжении второй приазовской экспедиции наши респонденты подтвердили информацию о том, что сразу после рождения ребенка посыпали солью [20, л. 26], поэтому якобы и существует поговорка: «Все греки соленые» [20, л. 20].

В третьей приазовской экспедиции только в селе Старый Крым нам рассказали о том, что раньше греки купали ребенка первый раз в соленой воде [21, л. 8]. Другие респонденты утверждали, что о посыпании ребенка солью или купании в соленой воде ничего не знают.

Такой же обычай, как и у греков, мы встречаем в описаниях родильной обрядности турок: «После рождения ребенка и обрезания пуповины, тело младенца посыпали соль или ее втирали. При этом верили, что после данных ритуалов тело и здоровье ребенка будет крепким» [5, с. 128].

В Болгарии считали, что обычай посыпать солью новорожденного имеет византийские корни [15, с. 24]. У гагаузов первую ванну для новорожденного делали с использованием соли, а на третий день после рождения повитуха купала ребенка в лекарственных травах [12, с. 92].

У армян повитуха также посыпала солью новорожденного, при этом соль считалась оберегом [9, с. 531]. У равнинных народов Дагестана ребенка после рождения купали в соленой воде [3, с. 277].

Соль играла важную роль в жизни человека. Люди в первую очередь отметили вкусовые качества соли, ее дороговизна превратила соль в особенно ценный продукт, ее стали использовать для проведения многих обрядов [12, с. 68], в частности:

- 1) при жертвоприношениях животных их посыпали солью, чтобы понравились богам;
- 2) соль выполняла функцию оберега от сглаза и колдовства;
- 3) стала символом домашнего достатка, ее начали активно использовать в обрядах, связанных с хлебом, особенно в тех случаях, когда он символизировала богатство [24, с.18].

Информация о том, когда новорожденного купали в первый раз, противоречива. Одни респонденты утверждают, что это происходило в день его рождения [19, л.17]. Другие, что ребенка купали на третий день после родов [21, л.26]. Первое купание новорожденного символизировало его «предцерковное очищение» от первородного греха, имело обереговое значение. Купала ребенка первый раз баба-повитуха, она показывала роженице, как это правильно делается. Воду после купания ребенка было принято выливать в одно и то же место, «туда, куда не ступит нога человека – или под дерево [21, л.23], или под забор [21, л.27]. Иначе считали, что тело ребенка будет все в родимых пятнах. У украинцев с водою после купания новорожденного поступали также, как и у приазовских греков, но в некоторых местностях воду после купания девочки выливали за порог, чтобы быстрее вышла замуж [1, с.46].

После купания повитуха делала массаж новорожденному. Также повитуха показывала молодой матери, как правильно пеленать ребенка. Греки считали это очень важным – так как думали, что правильное пеленание ребенка в дальнейшем влияет на его осанку и ровность ног. Если у ребенка от рождения были кривые ножки, пекли хлеб, вынимали его из печи, ломали на две равные части и кидали через спину собакам [21, л.23]. Похожий обычай был распространен среди народов Северного Кавказа – они также пекли хлеб, делили на куски и отдавали собакам. Но на Кавказе этот обычай назывался иначе – «развязывание ног», чтобы ребенок скорее стал ходить [23, с.72].

Воду после купания новорожденного, согласно народным приметам, нельзя было выливать после захода солнца, также на улице нельзя было на ночь оставлять пеленки. Поскольку ночь в понимании крымских и приазовских греков – это та часть суток, когда господствует нечистая сила, которая через воду или пеленки может навредить новорожденному, повлиять на его здоровье или покой [20, л.46].

Вода после купания ребенка также считалась целебной. Греки верили, что если старый человек попарит в ней больные ноги, они перестанут болеть [20, л.44].

Повитуха ухаживала не только за новорожденным, она помогала восстановить жизненные силы роженице. В частности, организовывала и проводила «купание роженицы». Этот обряд проходил в зависимости от самочувствия женщины на 3-й, 5-й или 7-й после родов. Именно эти числа называли нам на протяжении всех трех экспедиций.

По нашему мнению, купание являлось составным элементом обряда внецерковного очищения роженицы, который существовал в древности. В подтверждении данного тезиса можно привести слова Д.К. Зеленина о том, «что в Греции существовал обряд – ἡμέρα καθαίσεως, который проводили на 5-й, 7-й или 10-й день после рождения ребенка с целью магического очищения матери и ребенка. Во время этого обряда новорожденного обносили вокруг домашнего очага, двери дома украшали оливковыми ветками, и повитуха проводила ритуал мытья рук» [8, с.327]. Этот обряд, по мнению Н. Ф. Сумцова, «должен был защитить роженицу от сглаза и колдовства, а вода выступала в роли символа очищения» [25, с.78].

Ритуальное купание у приазовских греков проводилось следующим образом: в большое корыто помещали две деревянные доски или стул и табуретку, на стул сажали роженицу, на табуретку она ставила ноги. В корыто наливали горячую воду, добавляли лекарственные травы и сено, скошенное на Троицу и семь раскаленных камней. Роженицу сверху накрывали несколькими одеялами и парили около получаса. Потом клали одеяла на пол, на них ложилась роженица, и ей начинали делать массаж, после этого крепко стягивали полотенцем живот, и так женщина ходила несколько дней [19, л.19].

До ритуального купания роженица на протяжении 40 дней не могла появляться на глаза соседям, выходить на улицу, так как считалась «нечистой» [19, л.3]. У большинства народов мира, как и у крымских и приазовских греков, женщина после родов приобретала «особый статус» – она считалась «нечистой», не могла выполнять некоторые работы: печь хлеб, готовить еду для семьи, посещать общественные места (церковь, кладбище, народные гулянья).

У древних греков роженица также считалась нечистой до 40 дней, у них также существовало убеждение о разной длительности «нечистоты» в зависимости от того, кто родился – мальчик или девочка [16, с.40]. У современных греков материковой Греции роженица, как и у греков Крыма и Приазовья, считается «нечистой» на протяжении 40 дней после родов. В этот период она не может ходить в церковь, прикасаться к церковным атрибутам и священным предметам [19, л.43].

Несмотря на то, что все вышеперечисленные ограничения имеют магическую форму, они в своей основе содержат и рациональное зерно. Поскольку наделенная особым статусом, ограниченная в работе, роженица могла немного отдохнуть и окрепнуть, а запрет на половую жизнь совпадал с пуэрперальным периодом, необходимым для нормального восстановления организма после родов.

Поддерживая точку зрения Н. Ф. Сумцова, о том, что представление о «нечистоте» женщины после родов имеет древнее происхождение [25, с.77], мы считаем, что языческие верования были переняты церковью и уже потом, как церковные запреты (вето на посещение церкви на протяжении 40 дней после родов и др.) закрепились в народных традициях.

Роженица у греков, как и у многих других народов, оставалась «нечистой» до тех пор, пока на 41-й день после родов не сходит в церковь и не «примет молитву». Нередко ее сопровождали повитуха или свекровь, они несли младенца на руках [19, л.8]. А до этого момента считалось, что роженица не только чувствительна к влиянию «нечистой силы», но и сама является источником негативной энергии. У греков даже существовала поговорка: «Там куда ступит роженица, трава не растет» [19, л.7].

До 41 дня после родов женщина выполняла нетрудную домашнюю работу, ухаживала за новорожденным, которого с самого момента появления на свет начинали оберегать от нечистой силы и сглаза. С этой целью изготавливали и использовали обереги. Источником веры в сглаз, по мнению Е. Г. Гафферберга, стала вражда и основанная на этом межплеменная борьба людей в первобытном обществе [4, с.39].

В этнографической литературе практически отсутствуют комплексные исследования, связанные с подробным описанием и анализом оберегов, которые использовались в родильно-крестильной обрядности греков Крыма и Приазовья. Зафиксированные нами во время приазовских экспедиций обереги выделены в две группы.

В первой группе обереги направленные на «защитную магию» [2, с.52]. Их главная функция не допустить действия сглаза или нечистой силы. В свою очередь их можно разделить на следующие подгруппы:

- изделия из металла (ножницы, иголка, медные или свинцовые амулеты);
- лекарственные травы (чабрец, бессмертник);
- предметы быта (веник);
- продукты питания (хлеб, соль);
- одежда и украшения (одежда наыворот, пеленки из 3 или 7 кусков материи, повязки на руку из цветных ниток или шнурков, голубая бусина).

Во вторую группу включены обереговые действия, которые относятся к «очищающей» магии [2, с.52]. Они помогают освободиться от действия «нечистой силы», которая уже негативно подействовала на роженицу или новорожденного. Данные обереговые действия были разделены на:

- обереговые действия, связанные с использованием предметов;
- обереговые действия, связанные исключительно с заговорами и молитвами.

Комплекс оберегов у приазовских и крымских греков сохранился частично, некоторые его элементы утратили свое прежнее значение. Хотя часть оберегов существует и сейчас (изделия из железа, хлеб, соль). Они, как правило, связаны с дохристианскими религиозными представлениями и имеют древнее происхождение.

Обнаруженные нами расхождения в оберегах урумов и румеев (лекарственные травы, синяя бусина, повязки на руку из разноцветных ниток), обусловлены не столько разницей их этнического происхождения, сколько степенью интенсивности этнокультурных контактов, что во многом связано с локализацией в Крыму этих этнографических групп.

Хотелось бы отметить, что если у роженицы пропадало молоко, кормить новорожденного ребенка могла другая женщина, которая недавно тоже родила. Но в таком случае грудные брат и сестра не должны были в будущем жениться, если же, дети были одного пола, то они считались молочными братьями или сестрами [21, л.24].

Новорожденного также могли кормить молоком домашних животных (коровы, козы), а также давали пить подслащенную воду. Вместо соски греческие матери давали младенцам завернутые в марлю хлеб или печенье, предварительно раскрошенные и намоченные [19, л.5].

Также интерес вызывает описание колыбели, которая бытовала у крымских и приазовских греков. Многие этнографы считают, что детская колыбель происходит от двух простых конструкций: 1) закругленной внизу корзины или деревянного короба, стоящего на земле, 2) висячей колыбели в виде люльки. Все другие видоизмененные формы детской колыбели являются производными от этих начальных конструкций. Некоторые народы используют исключительно одну модель. У греков Приазовья бытовали обе конструкции [17, с.73]. Ребенок у греков спал ночью и находился днем в кровати, которая называется «бешик» (у урумов) или «куны», «кны» (у румеев). «Бешик» или «куны» был двух конструкций: напольная и подвесная колыбель.

Чаще использовали напольную колыбель, ее делали из дерева, позднее из металла, она имел низкие бортики. Длина «бешика» приблизительно около 1 метра, а ширина – 0,5 м. К ножкам кровати прикрепляли наполовину закругленные деревянные дощечки, с их помощью колыбель можно было раскачивать. К бортикам прикреплялась одна, в некоторых случаях, две деревянные

дути. За них можно было брать «бешик» и переносить с места на место. Через них вешали игрушки, покрывали «бешик» марлей («пенье» – урум.) в виде накидки, чтобы ребенку не мешали спать насекомые. Дно «бешика» состояло из одной или нескольких деревянных дощечек [17, с.98].

К вещам, которые помещали в «бешик» относят: матрац («тошек» – урум.), простыни («эсти» – урум., «ангуни» – рум.), одеяло («йорган» – урум., «паплума» – рум.), свивальники («фундах» – пояс, «пигаза» – рум.). Матрац имел небольшую толщину, был набит шерстью или пухом. Преимущественно использовали шерстяные матрацы, они лучше пропускали воздух, и тело ребенка меньше потело [19, л.7]. Подушку, как и матрац, набивали пухом или шерстью, некоторые родители подушку в колыбель не клали. Пеленок, обычно, было четыре. Они отличались по предназначению: для пеленания рук, ног, та, которую использовали в качестве подгузника, и та, в которую заворачивали ребенка сверху [8, с.329-333]. Важным элементом «бешика» были свивальники, с их помощью ребенка приматывали к колыбели, чтобы он не упал во время переворачивания. Одним свивальником ребенка приматывали возле грудной клетки, вторым – возле ног [20, л.5]. Наши респонденты рассказывали, что свивальники использовались также для того, чтобы у ребенка были ровные ноги [20, л.25]. Как уже отмечалось, свивальников было два – ножной и грудной, их длина достигала 2 метров, ширина от 10 до 20 см. Изготавливали их из ситца, шелка или бархата.

Когда ребенка клали в «бешик», то его голову накрывали платком, а сверху на нее делали повязку (это был второй платок, свернутый в полоску). Повязку накладывали на голову, захватывая затылок, пропуская концы вперед и завязывая на лбу. Респонденты утверждали, «что от такой повязки голова ребенка приобретала красивую форму – лоб становился плоским» [20, л.23]. Но современные исследования в области медицины доказали, что от таких действий форма головы не менялась, а только усиливались те особенности в строении черепа, с которыми родился ребенок [10, с.77]. Из «бешика» ребенка доставали, только чтобы перепеленать. Кормили же, не вынимая из колыбели, опытная роженица прикладывала ребенка с левого, потом с правого бока, чтобы ребенок не поворачивал голову только в одну сторону, и его шея не деформировалась [20, л.32].

Греческим женщина очень нравился «бешик», поскольку ребенок в нем был всегда чистым и сухим, накидка из марли защищала его от разных насекомых. Но в использовании «бешика» были и свои отрицательные моменты – ребенок был недвижимым из-за применения свивальников. По мнению М. К. Рохлина, подобная колыбель негативно влияла на развитие грудной клетки, искривление ног, кожа ребенка постоянно потела, поскольку мало проветривалась [22, с.5-8].

Колыбель подобная греческому «бешику» бытовала у крымских татар. У них она изготавливалась исключительно из дерева. Ребенка в «бешик» укладывали уже на следующий день после рождения [18, л.3].

У караимов также использовали колыбель, наподобие «бешика». Конструкция была аналогична греческой колыбели. Колыбель всегда стояла в женской части дома - посередине комнаты. Также из этнографической литературы известно, что караимские свивальники «бешик-бау», славились своей вышивкой, которая делалась золотыми ли цветными нитками (все зависело от достатка семьи) [6, с.28].

Армяне придумали для своего «бешика» «калоши» – это были два деревянных желоба, в которые помещали ножки колыбели. По своей форме «бешик» у армян напоминал греческий, а вот матрац набивали не шерстью или пухом, а опилками [7, с.11-12].

У грузин колыбель, была похожа на греческий «бешик», называлась «аквани», но в отличие от греческого варианта, под грузинский кроваткой находился выдвижной ящик, в который складывали запасные пеленки, предметы детской одежды [10, с.35].

Колыбель типа «бешик» бытовала у дагестанцев, киргизов, таджиков, калмыков, якутов, бурят и других народов. Ареал существования «бешика» простирался от азиатских степей до Балканского полуострова, включая народы, очень отдаленные друг от друга в языковом и антропологическом отношении. Самая древняя колыбель типа «бешик» была найдена в Киргизии в могильнике Кенколь и датируется началом I тыс. до н.э. Этот факт указывает на восточное происхождение бешика [10, с.38].

Подводя итоги, отметим, что многие элементы родильного цикла приазовских и крымских греков находят прямые аналогии в родильной обрядности крымских татар, турок, болгар, гагаузов, народов Кавказа, украинцев, что может быть свидетельством тесных контактов греков и представителей перечисленных этносов в разные исторические периоды.

Список литературы

1. Борисенко, В. К. Традиції і життєдіяльність етносу : на матеріалах святково-обрядової культури українців / В. К. Борисенко. – К. : УНИСЕРВ, 2000. – 191 с.
2. Гаджиев, Г. А. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана / Г. А. Гаджиев. – М. : Наука, 1991. – 179 с.

3. Гаджиева, С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – н. XX вв. / С. Ш. Гаджиева. – М. : Наука, 1985. – 355 с.
4. Гаффберг, Е. Г. Пережитки религиозных представлений у белуджей / Е. Г. Гаффберг // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М. : Наука, 1975. – С. 45 – 67.
5. Гордлевский, В. А. Рождение ребенка и его воспитание (Материалы по османской этнографии) / В. А. Гордлевский // Избранные сочинения. – М. : Наука, 1968. – Т. 4. – С. 128 – 130.
6. Григулевич И. К этнографии караимства / И. Григулевич. – Б.в.д. – 32 с.
7. Державин, Н. Из жизни артовинских армян / Н. Державин // Сборник для описания племен и местностей Кавказа. – Тифлис, 1906. – Вып. 36. – С. 11 – 14.
8. Зеленин, Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин. – М. : Наука, 1991. – 511 с.
9. Карапетян, Э. Т. Родильно-крестильные обряды армян / Э. Т. Карапетян, С. Д. Лисициан // Народы Кавказа. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – Т. 2. – С. 531 – 532.
10. Касимова, Р. М. О влиянии различных типов колыбели на некоторые антропологические признаки в раннем детском возрасте (в связи с изучением этногенеза азербайджанского народа) / Р. М. Касимова. – Баку : Изд-во «Элм», 1980. – 85 с.
11. Ксенофонт-Петренко, О. Н. Семейные обряды в селе Сартана / О. Н. Ксенофонт-Петренко // Культурно-бытовые процессы на юге Украины. – М. : Наука, 1979. – С. 173 – 185.
12. Курогло, С. С. Семейная обрядность гагаузов / С. С. Курогло. – Кишинев : Штиинца, 1980. – 138 с.
13. Лаврентьева, Л. С. Соль в обрядах и верованиях восточных славян / Л. С. Лаврентьева // Полевые исследования ГМЭ народов СССР 1985-1987 гг. Тезисы докладов научной сессии. – Л.: Наука, 1989. – С.67 – 68.
14. Марков, С. И. Заметки о быте греков г. Мариуполя / С. И. Марков // Мариуполь и его окрестности. – Мариуполь, 1892. – С.406 – 438.
15. Музыченко, А. Ф. Первые годы детства у болгар / А. Ф. Музыченко // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. – 1903, 1904. - № 3, 4. – С.18 – 27, 14 – 25.
16. Плосс, Г. Воззрения на ребенка у диких и культурных народов / Г. Плосс // Знание. – 1877. – № 2, 3. – С. 1 – 32; 33 – 64.
17. Плосс, Г. Ребенок от колыбели до первого шага. Способы ухода за грудными детьми у разных национальностей с 122 рисунками в тексте / Г. Плосс. – СПб., 1881. – 119 с.
18. Полевые материалы по родильной обрядности крымских татар : полевая тетрадь № 1. – 2000. – Л. 1-70. (личный архив автора).
19. Полевые материалы по семейной обрядности греков Приазовья (ПМСОГП) : полевая тетрадь № 7/1, 1993. – Л. 2 – 80. (лич. арх. авт.).
20. ПМСОГП : полевая тетрадь № 1/1, 1994. – Л. 7 – 77. (лич. арх. авт.).
21. ПМСОГП : полевая тетрадь № 1, 1995. – Л. 3 – 30. (лич. арх. авт.).
22. Рохлин, М. К. Влияние грузинской колыбели на физическое развитие грудных детей / М. К. Рохлин. – Тифлис: Издание института Социальной Гигиены НКЗ, 1929. – 24 с.
23. Смирнова, Я. С. Семья и семейный быт у народов Северного Кавказа (вторая половина XIX – XX вв.) / Я. С. Смирнова. – М. : Наука, 1983. – 257 с.
24. Сумцов, Н. Ф. Личные обереги от сглаза / Н. Ф. Сумцов. – Харьков, 1896. – 20 с.
25. Сумцов, Н. Ф. О славянских народных воззрениях на новорожденного ребенка / Н. Ф. Сумцов // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1880. – Ч. ССХII. – С. 68 – 91.

Статья поступила в редакцию 1.12.2020

Dmitrieva, V. V. Characteristics of the Main Elements of the Maternity Cycle in the Maternity and Baptismal Rituals of the Crimean and Azov Region Greeks

The article deals with traditions and rituals of the maternity cycle of the baptismal rituals of the Crimean and Azov Region Greeks, in particular the custom of “sprinkling a newborn with salt”, the first bathing of a child, the first visit of a woman after childbirth to church, a system of amulets for a mother and her child. The author pays attention to the peculiarities of feeding and caring for a newborn in the first days after birth, gives a detailed description of the cradle design, its components and methods of application and draws analogies to some elements of the maternity cycle of the peoples of Crimea, the Balkans, and the Caucasus.

Keywords: Crimean and Azov Region Greeks, maternity and baptismal rituals, maternity cycle, woman in labor, newborn, midwife.

УДК 930.2:393(=16)

Предметом исследования в данной статье впервые стали языческие представления восточных славян о небесном мире мертвых. Опираясь на отечественные и зарубежные письменные источники XI-XVI вв. и данные археологии, автор последовательно проводит реконструкцию представлений наших предков о местоположении и структуре «верхнего загробного мира». Для решения исследовательских задач применялся историко-аналитический метод исследования.

Ключевые слова: небесный мир, загробное существование, рай, кремация, трупоположение.

М. Н. Козлов, доцент, д-р ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: kmn_75@mail.ru

НЕБЕСНЫЙ МИР В ЯЗЫЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Весомые успехи отечественной археологии позволили реконструировать многие аспекты жизни наших предков древнерусской эпохи, в том числе и восточнославянскую языческую культовую систему. Вместе с тем, некоторые детали духовной жизни наших предков остаются для нас загадкой. Так, сравнительно недавно предметом исторических исследований стали такие важные аспекты восточнославянского язычества, как эволюция представлений наших предков о загробном мире, а также древнерусские верования и культы, связанные с подземным миром мертвых (антимиром) [9, с. 95-104], [8, с. 118-126].

Между тем, органически связанные с ними представления о верхнем (небесном) мире мертвых до сих пор не были затронуты в трудах отечественных исследователей гуманитарных направлений. Между тем, без детального изучения представлений наших предков дохристианской эпохи о небесном мире полноценно реконструировать языческое мировоззрение наших предков практически невозможно. Историческая реконструкция языческих представлений восточных славян о небесном мире мертвых – основная цель данной статьи.

Местонахождение «небесного мира» в представлениях наших предков дохристианской эпохи не было четко конкретизировано. У древних славян «верхний мир» находился где-то за гранью видимого мира, там, где сливаются вода, земля и небо. В большинстве случаев его относили к крайнему западу, то есть месту, где якобы каждый вечер «умирало солнце». По мнению В. Е. Ларичева корень данных мифологических представлений возник еще в доисторическую первобытную эпоху, когда жилье первобытных охотников было всегда ориентировано на восток, где якобы «рождается солнце» и противопоставлено западу – месту, где оно якобы умирает [12, с.14]. Гипотеза о «солнечном» происхождении представлений о местонахождении «небесного мира» нашла поддержку со стороны многих исследователей [31, с.17], [26, с. 36], [11, с. 198].

Некоторые ученые придерживаются теории, согласно которой направление «мира умерших» соответствует тому направлению, откуда проходило в прошлом направление движения племени или культурное влияние на него [28, с.75].

Теория о местонахождении «небесного царства мертвых» на крайнем западе подтверждается и данными археологии. Абсолютное большинство трупоположений в восточнославянских погребениях языческой эпохи было ориентировано головой на запад, лицом на восток. Данный факт позволяет допустить, что в сознании наших предков «мир мертвых» находился где-то на далеком западе. Вместе с тем это может значить и движение покойника на восток – навстречу восходящему солнцу [22, с. 136].

Отождествление умерших людей с заходящим солнцем встречается в некоторых письменных источниках XI - XVI ст. В «Слове о полку Игореве», например, погибшие князья Олег и Святослав сравниваются с двумя солнцами, которые «тьмой заволоклись и в море погрузились» [25, с. 9].

Где-то на краю земли, за границей реального мира, по мнению наших предков, находился «рай» - идеальное место, с которым они связывали все свои жизненные идеалы и мечты. Старославянское слово "рай" является производным от древнеиранского слова «рау» – богатство, счастье, санскритское «ṛāyis» означает «подарок», у иранцев – «рай» - «сад», «огражденное место» [30, с. 370].

Этимология этого слова указывает на существование некогда особой древнеславянской языческой системы представлений о «небесном мире», не имеющей ничего общего с христианством. Вся жизнь древних земледельцев зависела от прихотей естественных условий, в первую очередь

количества влаги в почве. Поэтому наши предки считали, что на небе находились большие запасы дождевой (живой воды), которая якобы, весной падая на землю, приносила с собой души растений и людей. В «рай» каждую осень улетали птицы – души умерших, и весной возвращались назад. Не случайно древнеславянский термин «ирей» состоял из двух частей: «в» и «рай» и означает место, куда осенью должны были улетать птицы [29 с. 314].

В пользу данной теории, возможно, свидетельствует отрывок из «Поучения Владимира Мономаха», в котором он сообщает, о том, что «птицы небесные из рая идут и все в наши руки» [4, с. 156]. Хотя Владимир Всеволодович и не был язычником, описание волшебного места, куда улетают птицы, больше напоминает картину языческого рая, чем христианского «царства божьего». О наличии у восточных славян-язычников в представлений о каком-то «сказочном идеальном» месте сообщает нам отрывок из «Записок» Ибн-Фадлана, в котором упоминается ритуальная речь невольницы «знатного руса» перед ее убийством. Согласно данному источнику, девушка перед смертью кричала, что видит рай, который зеленый и чудесный, в нем находятся взрослые мужчины и мальчики [24, с. 99].

Аль-Масуди сообщает в своих «Золотых лугах» о том, что славянские женщины добровольно идут на смерть для того, чтобы в будущей жизни попасть со своими мужьями в рай [24, с.129].

Разграничение представлений о «потустороннем существовании» мертвецов по половым признакам находит подтверждение в некоторых материалах археологических раскопок. Так, в захоронениях радимичей языческой эпохи зафиксирована определенная закономерность: останки мужчин располагались в могиле головой на восток, женщин – на запад [22, с. 155]. Данная черта погребальной обрядности была присуща и некоторым захоронениям из могильников северо-восточных и центральных районов Польши [23, с. 105-106].

Вместе с тем, в захоронениях других восточнославянских племен подобных признаков трансформации погребальной обрядности не зафиксировано. Данный факт позволяет предположить, что представления о том, мужчины в загробном мире получали какой-то приоритет в загробном мире перед женщинами широкого распространения в восточнославянском обществе не получили. Не получил подтверждения миф о том, в небесный мир – царство мужчин и среди высших социальных прослоек в Киевской Руси X ст. Об этом свидетельствует единая ориентация трупоположений как мужчин, так и женщин в «дружинных» погребениях, а также наличие во многих женских захоронениях специального инвентаря, который, якобы, был призван перенести своих хозяек в «небесный мир». Так, например, в одном из курганов Тимиревского могильника было найдено погребение девочки 11-13 лет, возле тела которой были зафиксированы 92 ладейных заклепки и останки коня [3, с.75].

После религиозной реформы 988-989 гг. представления наших предков о «мире мертвых» испытали существенные изменения. Христианские проповедники, пытаясь повлиять на восточнославянский языческий ритуал погребения, старались как можно больше дискредитировать представления о языческом загробном мире в глазах наших предков. С этой целью христианские иерархи признали существование «иного» на западе земли, но вместе с тем предали ему негативные черты. Показательна в этом отношении эволюция старославянского слова «ад». Первоначально оно, очевидно, было синонимом «рая» и означало «царство солнца», но после принятия христианства было переосмыслено как место страшных мук и страданий. В частности, в негативном смысле упоминается существование «города солнца» где-то на краю земли в Ипатьевском летописном своде. Там, согласно данному источнику, живут люди, которые едят всякую дрянь: «комары, котки, змеи, мрвеца не погребати поядыху» [16, стб. 225].

Представлением о месте «постоянных мук» была противопоставлена христианская вера в «блаженное место» на «восточном крае земли», там, где согласно канонам христианской религии Бог-творец создал рай. Пытаясь усилить свое влияние среди новообращенной паствы, христианские проповедники наделяли христианский рай многими языческими атрибутами. Противопоставление древнего языческого царства мертвых христианскому раю хорошо прослеживается на примере апокрифического произведения XIV ст. «Послание архиепископа Новгородского Василия Феодору о рае», в котором сообщается о якобы существовании на крайнем западе царства змея – «червь неусыпающий и скрежет зубный и река огненная, уходящая в преисподнюю» [19, стб. 267]. В то же время где-то на востоке существовал «блаженный остров», где горы от земли к небу – «а на горах техъ светь бы многочастным ...и веселие» [19, стб. 268-278].

«Небесное царство» в языческих представлениях древних славян не было чем-то далеким и недостижимым. Между реальным и потусторонним миром по их мнению существовала постоянная связь. В древних летописях иногда упоминаются предметы и даже живые существа, которые якобы

попадали на землю из «небесного мира». Так, например, в Ипатьевском летописном своде упоминается случай, когда «спаде туча и в той тучи спаде веверица млада, акы топерво рожена и възрастыши и расходися по земли и пакы бываеъ другая туча и спадають оленци мали в ней и възрастають и расходатся по земли» [16, стб. 277-278].

Под 1092 г. в «Повести временных лет» содержится упоминание, о «привеликомъ змеи», который якобы упал с неба во время охоты киевского князя Всеволода Ярославича [15, с.141].

В отличие от христианских канонов, согласно которым «небесное царство» – это какое-то аморфное явление, которое не поддается человеческому пониманию, древнеславянский языческий рай в представлении наших предков имел четкую структуру. Чаще всего он описывается в виде острова, расположенного среди моря (или неба). На острове находится мировое дерево или один из его алломорфов – горы «от земли к небу», «великий столб», «камень Алатьрь» и т. п. В данной схеме своеобразно отразились представления наших предков о мироздании, основанном на единстве четырех главных стихий – земли, неба, воды и огня. Учитывая аморфность христианского рая, древнерусские книжники наделяли его в своих произведениях придавали ему языческие черты. В произведении неизвестного автора XI в. «О всей твари» сообщается о существовании какой-то земли на краю света, которая плавает в воде, и не имеет предела. За океаном же, якобы, ад и муки [21, стб.31].

Дохристианская восточнославянская модель строения «иногo» мира царства богов и умерших людей хорошо прослеживается в структуре языческих храмов, в которой строго соблюдается модель «пространства в пространстве» – или проекция острова мертвых на бескрайний океан. Весьма интересным в этом отношении является найденное археологами в урочище Перынь (неподалеку от устья реки Волхов) языческое святилище. Центральная его часть – это приподнятая над окружностью горизонтальная площадка в виде правильного круга диаметром 21 м, окруженная кругообразным ровом шириной до 7 м, глубиной до 1 м. Точно в центре круга выявлена яма от столба диаметром 0,6 м. Ров, окружающий культовую площадку, представляет собой не простой круг, а ободок в виде огромного цветка с восемью лепестками [22, с. 261].

Подобную дохристианскую модель мироздания повторяет структура и других древнерусских языческих капищ. Большинство из них располагались вдалеке от поселков, на возвышениях. Они представляли собой кругообразные площадки с идолом в центре. Площадка в свою очередь окружалась валом и ровом [20, с. 53].

Пространство, ограниченное внутренним кругом с расположенным на его территории деревянным столбом, символизировало в языческом сознании восточных славян остров мертвых и мировое дерево, расположенное в центре этого острова. Ров, окружающий внешнюю площадку и внешнее кольцо в виде лепестков цветка, – это не что иное, как символ реального пространства – моря или неба. Мотив круга в квадрате или проекции небесного моря на поверхность земли прослеживается и в структуре изображений древнерусских раннехристианских храмов, например в резьбе киевского Софиевского собора [17, с. 122].

Пространство, окружающее «мир мертвых» – море или небо, – это один из главных архетипических образов подсознания. В дохристианскую эпоху и в первые столетия существования христианства море воспринималось нашими предками не как водный бассейн, а как пространство вообще. Это было связано, очевидно, с общеиндоевропейским мифом о существовании где-то на краю земли места, где море сливается с небом. Эти представления оставили свой отпечаток в некоторых древнеславянских вставках к ранним христианским апокрифическим произведениям.

В древнеславянском варианте апокрифической «Книги Еноха», например, рассказывается о небесном море, которое больше "моря земного" и находится на одном из небес посреди рая [4, с. 267].

В "Голубиной книге", море описывается как некая стихия, окружающая землю со всех сторон, – «Океан море всем морям мати, окинуло то море весь белый свет, обошло то море около всей земли, всей подвселенной» [27, с. 34].

Море воспринималось нашими предками одновременно как препятствие на пути в «иной» мир и как защита реального, земного мира от негативного влияния «царства мертвых». На эту мысль наталкивают данные письменных источников. Так, согласно «Повести временных лет» князь Владимир, пытаясь изобразить смерть и путь в потусторонний мир языческого бога Перуна, приказал «влещи статую идола с горы по Боричеву на Ручаи и привлекише вринуша и въ Днепръ» [15, с.80].

Подобное описание процедуры «казни» и «ритуальной смерти» верховных богов восточнославянского пантеона Перуна и Велеса содержится в «Житии» князя Владимира Якова Мниха, в котором подаются данные о том, что слуги киевского князя, «Волоса идола, его же

именоваху скотья бога, веле в Почайну реку вврещи...И привлекий кумира Перуна ввериша и в Днепръ реку...» [2, с. 231].

Представленные данные позволяют прийти к заключению, о том, что спектакль, который устроил великий киевский князь и его окружение, должен был символизировать потустороннее путешествие деревянных идолов в «царство мертвых». Интересная ассоциация, связанная с началом путешествия в «иной» мир содержится в «Слове о полку Игореве», в котором идет речь о том, как киевскому князю Святославу перед смертью приснился сон, где его вороны якобы понесли «к синему морю» [25, с. 8].

Древние языческие верования, связанные с представлениями о каком-то водном бассейне, отделяющем реальный мир от потустороннего, хорошо прослеживается и на примере восточнославянских народных верований и обычаев, сохранившихся вплоть до нашего времени. В некоторых районах Украины, например, существовал обычай на Пасху бросать скорлупу пасхальных яиц в воду, чтобы душам умерших было более легко попасть на небо [7, с.124].

В народном представлении вода играет и охранную роль, якобы защищая людей от влияния мертвых. Так, на севере России при выносе покойника из дома сзади процессии идет женщина с баннм веником, выметает пол до самого порога и разбрызгивает вокруг себя воду, чтобы смыть следы покойника, считая, что для души умершего переход через воду невозможен [6, с. 349]. Аналогичные представления прослеживаются и в славянском обычае выкидывать пепел выкопанного из могилы и сожженного на костре упыря в море, чтобы он уже окончательно оставил реальный мир.

Посреди бескрайнего моря или неба в языческом представлении наших предков находилась волшебная земля, подобная той, на которой проживают живые люди. Чаще всего в источниках она называется «островом». В «небесном мире» или «острове мертвых» якобы существовали люди и те же живые существа, что населяли и «реальный мир». Согласно славянской вставке Феодосия Мниха к «Слову Козьмы Индикоплова к Анастасию о жилище небесном» где-то на краю света белого есть бескрайнее море и «на версе моря пишется земля и вся иже на ней дрова и цветы и скоты, и звери и птицы» [14, стб. 15-16].

В народном представлении на небе находится дворец грозного бога-громовержца. Двор этого бога очень большой, он стоит на семи столбах, окруженных золотым терном с дорогими точеными золотыми воротами. На его дворе калиновые и золотые мосты, столы с самой разной едой [13, с. 9].

Ось потустороннего мира в индоевропейской мифологии представляет собой огромное дерево мертвых, верхушка которого касается неба, а корень – подземного мира. Остров мертвых, очевидно, в сознании наших предков представлял собой основу этого дерева, находящегося в потустороннем мире. С образом мирового дерева были связаны представления древних людей о пространственной структуре мироздания: верхние ветки – это небо и небесный мир, средние, – земля и реальный мир; корень – подземное царство мертвых.

Структура восточнославянского языческого мировоззрения хорошо прослеживается на примере найденного в 1848 г. в реке Збруч четырехгранного двухметрового каменного идола, состоящего из трех горизонтальных ярусов, каждый из которых символизирует один из «миров». Верхний ярус, обозначающий «небесный мир», состоит из четырех граней, на каждой из которых есть изображение четырех разных антропоморфных божеств. Два из них обозначены женскими символами. Одна из богинь держит в руке рог изобилия, другая – небольшое кольцо. Третье божество обозначается в композиции памятники изображением коня и оружия, что указывает на мужской пол и воинственный характер данного мифологического существа. Наконец четвертое антропоморфное изображение верхнего яруса Збручского идола не отмечено никакими символами. Средний ярус скульптуры отмечен фигурами четырех антропоморфных сверхъестественных существ – двух мужских божеств и двух женских. Три грани нижнего яруса Збручского идола занимают изображения антропоморфного божества, которое согласно композиции древней памятники искусства поддерживает собой верхние ярусы. Четвертая грань не имеет никаких изображений.

Таким образом, Збручский идол сконцентрировал в себе пространственное мировоззрение наших предков дохристианской и раннехристианской эпох и представлял собой аналог общеиндоевропейского мирового дерева. В структурной композиции данного древнего артефакта нашло отражение языческое представление восточных славян о вечности существования человеческой души, которая якобы могла путешествовать по разным уровням мироздания.

В письменных источниках мировое дерево, расположенное на острове мертвых, чаще все представлено в виде гор, которые якобы объединяли землю, воду и небо. В Ипатьевской летописи сообщается о каких-то горах на краю земли. Эти горы якобы «заидуче в луку моря, имже высота, акы до нбси...» [16, стб. 225].

Согласно славянскому варианту апокрифической книги Варуха в «раю» в который якобы попал святой, есть гора, высотой подобно небу и посреди той горы якобы находится бескрайнее озеро, заполненное водой [4, с. 28].

В «Сказании об Индийском царстве» также сообщаются данные о волшебных горах, вокруг которых горят огни и проживают водяные змеи и огненные черви [5, стб. 88-89]. Упоминаются «высокие горы еже суть от земля и до небеси» и в «Послании архиепископа новгородского Василия Феодору тверскому о рае» [19, стб. 268-269].

Во время поминок по умершим пекли специальное печенье из теста в виде мостов или лестниц. В русском глоссе к «Слову об идолах» Григория Богослова сообщается, о том, что крестьяне «въ тесте мосты делают...» [1, с. 385].

В восточнославянских волшебных сказках сохранился сюжет, согласно которому главный герой попадает в потусторонний мир через высокую гору с помощью кожаной лестницы.

В языческих представлениях западных и южных славян «рай» от царства живых людей отделяло не только водное или небесное пространство, но и огненная река, которая представлялась серьезным препятствием на пути к «блаженному царству». Упоминания о ней имеют место в некоторых апокрифических произведениях болгарского происхождения или в славянских вставках к аналогичным греческим или латинским источникам.

Так, огненная река в царстве мертвых упоминается, например, в «Славянской книге Еноха», «Хождении Богородицы по мукам» и многих других подобных апокрифических источниках [4, с. 268, 285]. Древние чехи клали в рот или руки своим покойникам мелкие монеты для платы своим божествам *Wuodzy i Plawcy*, которые должны были перевезти мертвых через огненную реку [10, с. 233].

Подобные обычаи, вероятно, имели место и у восточных славян. Так, в целом ряде богатых восточнославянских захоронений раннего Средневековья археологи фиксируют монеты. Это по большей части восточные дирхемы, но встречаются западноевропейские и местные монеты. Всего на территории Древней Руси известно около шестисот захоронений VIII – XI ст. с монетами [18, с. 91].

Ибн-Даста, в частности, в своей «Книге драгоценных сокровищ» сообщает, что в случае смерти у восточных славян кого-то из знатных в могилу вместе с ним опускают монеты [24, с. 270].

Таким образом, небесный мир мертвых в архаическом представлении наших предков имел четко определенную структуру, которая в общих чертах нашла свой отпечаток в символике восточнославянских языческих святилищ. Языческий «рай» согласно дохристианскому представлению восточных славян был обязательным звеном вечного существования всех умерших людей независимо от половых и социальных отличий, а также личного поведения умершего человека.

После принятия христианства языческие верования, связанные с небесным миром мертвых наложились на традиционные христианские каноны. В результате образовались синкретические народные представления о небесном мире мертвых, нашедшие свое отражение как в оформлении раннехристианских храмов, так и древнерусской литературе домонгольской эпохи.

Список литературы

1. Аничков, Е. В. Язычество и Древняя Русь / Е. В. Аничков. – СПб: Типография Грачева, 1914. – 386 с.
2. Голубинский, Е. Е. История русской церкви / Е. Е. Голубинский. – М.: Синодальная типография, 1913. – 986 с.
3. Дубов, И. В. Новые источники по истории Древней Руси / И. В. Дубов. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1990. – 197 с.
4. Изборник. Сборник произведений литературы Древней Руси. - М.: Издательство «Художественная литература», 1969. – 830 с.
5. Истрин, В. М. Сказание, об индийском царстве вошедшее в состав Александрийского и Латинского текстов / В. М. Истрин // Труды славянской комиссии Императорского Московского Археологического общества. – М.: Изд-во Императорского Московского Археологического общества, 1895. – Т. 1. – Стб. 1-75.
6. Зеленин, Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин. – М.: Наука, 1991. – 507 с.
7. Земський, Ю. Народні уявлення про життя та смерть у дослідженнях подільських краєзнавців кін XIX-поч. XX ст. / Ю. Земський // Берегиня. – 1998. – № 3-4. – С. 116-127.
8. Козлов, М. Н. Антимир в языческом представлении восточных славян / М. Н. Козлов // Причерноморье. История, политика, культура. – 2018. – №26. – С. 118-126.

9. Козлов, М. Н. Эволюция языческих представлений восточных славян о загробном мире / М. Н. Козлов // Гуманитарно-педагогическое образование. – 2017. – Т. 3. – № 4. – С. 95-104.
10. Костомаров, М. І. Слов'янська міфологія. Вибрані праці з фольклористики і літературознавства / М.І. Костомаров. – Київ: Либідь, 1994. – 384 с.
11. Котляревский, А. А. Погребальные обычаи древних славян / А. А. Котляревский. – СПб.: Типография Фишера, 1893. – 493 с.
12. Ларичев, В. Е. Колесо времени / В. Е. Ларичев. – Новосибирск: Наука, – 1896. – 272 с.
13. Нечуй-Левицький, І. С. Світогляд українського народу / І. С. Нечуй-Левицький. – Київ: Обереги, 1993. – 84 с.
14. Поучение святого Панкратия о жилище небесном. Списано Феодосием Мнихом // Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. – Т.1. – Вып. 1. – Стб. 99-100.
15. Повесть временных лет / Под ред. и с пред. В.П. Адриановой-Перетц. – М.-Л., Изд-во АН СССР, 1950. – 239 с.
16. ПСРЛ – Т.2.: Ипатьевская летопись. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 938 стб.
17. Пугачева, Н. Т. София Киевская как источник реконструкции модели древнерусской культуры / Н. Т. Пугачева // Отечественная общественная мысль эпохи средневековья. – Киев: Наукова думка, 1988. – С. 119-125.
18. Равдина, Т. В. Погребения с древнерусскими сребрениками / Т. В. Равдина // СА. – 1979. – №3. – С. 91-101.
19. Российская летопись по списку Софийскому великого Новгорода. – СПб.: Изд-во АН, 1795. – Ч.1. – 372 стб.
20. Русанова, И. П. Культурные места и жертвоприношения славян-язычников / И. П. Русанова // Истоки русской культуры. Археология и лингвистика. – М.: Наука, 1997. – С. 164-199.
21. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках И. Срезневского // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – 1867. – Т.12. – Вып.1. – Стб. 31-32.
22. Седов, В. В. Восточные славяне в VI-XIII вв. / В. В. Седов. – М.: Наука, 1982. – 327 с.
23. Седов, В. В. Следы восточнославянского погребального обряда в курганах древней Руси / В. В. Седов // СА. – №2. – С. 103-122.
24. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских с половины VII до конца X в. / Собрание, перевод и объяснения Гаркави А.Я. – СПб. – 1870. – 305 с.
25. Слово о полку Игореве / Вступительная статья и редакция текста И. Глазунова. – СПб. – 1897. – 22 с.
26. Соболев, А. Н. Загробный мир по древнерусским представлениям / А. Н. Соболев. – Сергиев-Посад. – 1913. – 261 с.
27. Стихи духовные. – М.: Советская Россия, 1991. – 335 с.
28. Токарев, С. А. Ранние формы религии / С. А. Токарев. – М.: Политиздат, 1990. – 621 с.
29. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М.: «Прогресс», 1964. – Т.1. – 573 с.
30. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М.: «Прогресс», 1971. – Т.3. – 827 с.
31. Bylina Stanisław. Człowiek i zaświaty w wizji kar pośmiertnych w Polsce średniowiecznej / Stanisław Bylina. – Warszawa. – 1992. – 220 s.

Статья поступила в редакцию 28.12.2020

Kozlov, M. N. *The Heavenly World in the Pagan Ideas of the Eastern Slavs*

The article deals with the pagan ideas of the Eastern Slavs about the heavenly world of the dead. Based on domestic and foreign written sources of the 11th-16th centuries and archaeological data, the author consistently reconstructed the ideas of our ancestors about the location and structure of the «upper afterlife». To solve research problems, the method of historical analysis was used.

Keywords: heavenly world, afterlife, paradise, cremation, corpse-laying..

УДК 94(37+495+56)''04/07''

Раскрывается роль позднеантичного этапа византийской истории (IV – VII вв.) в формировании черт, определявших своеобразный облик Византии до конца её истории. Авторы статьи считают, что основная проблема зарождения византийского государства заключается не столько в конкретной датировке этого события, сколько в происхождении и развитии определивших её историческое лицо черт. В их числе: сильные позиции центральной власти в Византии, особенности ведения внешней политики и уникальность территориальной организации, своеобразная система взаимоотношений светской и гражданской власти («симфония») и сохранение памяти о своей преемственности греко-римскому античному миру. Все эти черты, присущие Византии, либо начали формироваться в позднеантичное время, либо зарождались ещё в античной Римской империи. Однако и в последнем случае период IV – VII вв. сыграл в развитии этих черт решающую роль. Таким образом, именно это время заложило основы, в рамках которых Византия продолжит своё историческое развитие до середины XV в.

Ключевые слова: поздняя античность, Римская империя, Византия, византийская цивилизация

М. А. Матросов, ст. преподаватель

Севастопольский государственный университет

E-mail: mikelonster@gmail.com

Т. В. Вакулова, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: vakulo1@yandex.ru

ПОЗДНЕАНТИЧНЫЙ ПЕРИОД (IV – VII ВВ.) В ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ

Актуальность исследуемой темы связана с тем, что интерес к истории Византии не уменьшается, хотя уже 567 лет разделяет нас со времени её гибели. Изучение роли позднеантичного периода (IV – VII вв.) в складывании специфических особенностей Византии позволит глубже понять особенности данного периода в общей картине истории этого государства; проанализировать основные особенности формирования Византии как самостоятельного политико-территориального образования.

Этот этап сравнительно хорошо освещён письменными источниками, в последние десятилетия растёт интерес к археологическим изысканиям в области позднеантичной византийской истории. До XX в. этот период даже в целом не пользовался особым вниманием исследователей, не говоря уже о Византии, к которой отношение было, в крайнем случае, пренебрежительное. Но к настоящему времени имеется достаточно большая литература, посвящённая византийской истории и отдельным аспектам позднеантичного периода её истории: начиная от фундаментальных работ Ш. Дия, Ю. Кулаковского, М. Левченко, З. Удальцовой, Г. Курбатова и заканчивая многочисленными статьями на узкие темы.

Среди изученных вопросов, разумеется, и особенности, присущие византийскому государству. По разным причинам, особенно во второй-третьей трети XX в. они вызывали живой интерес советских и зарубежных исследователей – и не утратили своей привлекательности сейчас. В настоящее время они достаточно хорошо сформулированы и известны; складывание и развитие некоторых активно изучается. Но при этом целостная картина синтеза данных особенностей в единый организм византийской цивилизации, и сейчас остаётся делом будущего времени.

В данной статье ставится цель выявить роль позднеантичного периода (IV – VII вв.) в становлении и развитии того особенного характера, который был присущ Византии до самого конца её истории.

Опираясь на органическую теорию развития общества Герберта Спенсера, можно считать, что жизнь государства, как и жизнь человека, делится на определённые этапы. Тогда, поздняя античность, как этап истории Византии, выделяется достаточно четко и ясно. В это время Византия формируется как самостоятельное политико-территориальное образование. В IV – VII вв. это ещё во многом продолжающаяся «Римская империя», ей ещё предстоят серьезные изменения, благодаря которым на политической карте Средневековья появится «Ромейское государство». Вместе с тем,

уже в это время вырабатываются черты, которые в полную силу проявляются позже и определяют уникальность Византии как политической и культурно-цивилизационной целостности.

Советский историк Г. Л. Курбатов отмечал, что «оригинальность византийской цивилизации видят в органичном синтезе трёх компонентов: антично-эллинистических традициях общественной жизни, римской государственности и права и христианства» [19, с. 15]. Это сочетание прекрасно характеризует Византию и мы обращаем внимание на то, что синтез трёх указанных Г. Л. Курбатовым элементов имел место в поздней античности. В IV – VI вв. эти три компонента приспособлялись друг к другу, – и из потрясений кризиса VII в. Византия вышла уже как всецело христианское, грекоязычное и в то же время, не потерявшее связи со своим «римским» прошлым, «Ромейское государство». Разумеется, этим черты особенного характера Византии далеко не исчерпываются.

В статье мы предполагаем остановиться на том что: в Византии были сильны позиции центральной власти: в критические моменты это позволяло избежать децентрализации управления и внутреннего раздробления государства; до самого конца Византии была присуща оборонительная внешняя политика; широко применялись договорные отношения и межкультурные взаимодействия с окружением; Византия имела уникальную пространственную организацию (здесь мы обозначаем её как феномен «разорванной территории»); в Византии сложилась своеобразная система взаимодействия центральной власти с церковью, при которой, по крайней мере, создавалась видимость равноправия и гармоничного сосуществования этих институтов в рамках государства; Византия до последнего времени осознавала себя как продолжательницу Римской империи («Романия») при реальной эллинистической основе – грекоязычии и памяти преимущественно о греческом и эллинистическом цивилизационном прошлом.

Для ответа необходимо проанализировать развитие каждой из них на протяжении позднеантичного периода и сравнить результаты сделанного анализа с проявлениями выделенных черт в средневековой Византии.

До последних времён истории Византия оставалась государством с сильной центральной властью. Вследствие этого в Византии не смогли проявить разрушительную силу институты, на Западе ставшие источниками децентрализации управления и политической раздробленности.

Под контролем центральной власти находятся такие функции, как снабжение столицы продовольствием, регулирование импорта и экспорта в торговой жизни, контроль над трудовой деятельностью и общественным правопорядком [18, с. 13]. Государство активно вмешивается в деятельность торговых и ремесленных корпораций, в чём усматривается причина невозможности для торгово-ремесленных городских кругов сопротивляться произволу со стороны властей [18, с. 17]. В эпоху правления Комнинов императоры распределяют провинциальные земли между своими служащими, усиливают централизацию управления, контролируют рост и привилегии крупных землевладельцев [18, с. 21].

Позиции центральной власти в Византии не всегда были одинаково сильны: здесь имели место свои кризисы в отношениях с Церковью или крупными влиятельными землевладельцами, а земли империи временами отдавались под расселение «варварским» элементам. Несмотря на это, Византия по сравнению со многими западноевропейскими государствами выглядела монолитным сильным государством.

Решающим в становлении византийской сильной центральной власти стал внутренний кризис Империи во второй половине V в., связанный с пресечением династии Валентиана-Феодосия и обострением взаимоотношений с варварами, проживающими в империи. Как и на Западе, так и на Востоке встал вопрос поиска лидера, способного сохранить государство. В отличие от Западе, Восток прошёл династический кризис достаточно быстро. Кризис в римско-варварских взаимоотношениях длился до конца V в., однако, события не дошли до передела государства: основной вопрос Восточной империи заключался в том, кому она будет принадлежать: остготам, исаврам, римлянам? Но все правители одинаково были заинтересованы в сохранении государственности. И германский ставленник Лев I, и исавр Зенон, и Анастасий I издавали постановления, направленные на устранение причин разрушения государства. В 468 г. Лев I запрещает горожанам и сельским землевладельцам содержать частные вооружённые силы из наёмников или рабов [21, с. 43]; Зенон запретил крупным частным собственникам, имевшим право самостоятельно собирать налоги с населения своих владений, содержать частные тюрьмы [21, с. 45].

События второй половины V в. были своеобразным экзаменом на выживание для восточно-римского государства, но можно указать на некоторые примеры, свидетельствующие о том, что в восточных провинциях на протяжении IV в. центральная власть более активно боролась с институтами, которые ещё продолжали автономное существование. Большая часть «антихристианских гонений» в IV в. происходит как раз на Востоке: показательно, что когда в правление Диоклетиана на Востоке было издано 4 эдикта, постепенно усиливающие меры против христиан, на Западе не наблюдается активности. Например, о соправителе Галлии Констанции Хлоре мы можем сказать, что он, исполняя антихристианские эдикты, ограничивался лишь разрушением церквей. Мучеников той поры насчитывается немного и предания о их смерти восходят к более позднему времени [28, с. 60]. Наиболее масштабные гонения производились на Востоке, где управлял Диоклетиан – в частности, в Фиваиде, Александрии Египетской, малоазиатских областях Фригии и Понте, в Палестине [14, с. 144].

Внешняя политика Византии всегда носила оборонительный характер. Масштабные войны Юстиниана I на Западе, например, показывают не аннексию чужих территорий, а «возвращение» прежних владений: например, Африки [8, с. 49]. То же демонстрируется войнами, после которых Византия восстановила власть над балканскими и придунайскими владениями после кризиса VII в. Империя и здесь только стремилась вернуть регионы, утраченные во время славянской колонизации. В течение VIII – IX вв. ей удалось установить влияние на территориях, до VI – VII вв. относившихся к «римским Балканам». Хотя добиться этой цели удалось лишь частично: вытеснить с прежних римских владений молодые славянские государства Византия уже не могла. Тем не менее, обратим внимание, что за пределы прежней Римской империи амбиции византийских императоров отнюдь не простирались [25, с. 88].

С внешним окружением византийское правительство предпочитало контактировать дипломатическими средствами и межкультурными связями (в частности, через христиан-миссионеров). В этом отношении характерны взаимоотношения Византии с народами, проживавшими к северу от Чёрного моря; в частности, – с Русью, куда не входили территории, на которые Византия могла быть претендовать на основании прежнего владения. Трактат Константина Багрянородного показывает, что политика Византии в отношении северных соседей сводилась к поддержанию выгодной для неё обстановки дипломатическими мерами. Замечания вроде того, что «пока василевс ромеев находится в мире с пачинакитами, ни росы, ни турки не могут нападать на державу ромеев» [15, с. 39] и множество других, в изобилии приведённых здесь, ясно говорят об этом.

Византия помогает хазарам строить укреплённые крепости: например, при помощи византийских инженеров, выделенных по просьбе хазар императором Феофилом, был построен Саркел [15, с. 171]. Религиозное и культурное влияние Византии на жизнь Киевской Руси укреплялось посредством переноса сюда христианства. Неоднократно происходили династические браки между византийскими принцессами и русскими князьями: здесь наиболее ярким примером может служить брак Владимира и сестры Василия II Анны [25, с. 209-210]. При этом Византия не проводила попыток воздействовать на северных соседей военной силой и завоёвывать их территории.

Эта особенность зарождалась ещё в первые века н. э., когда Римская империя стала ощущать предел своему территориальному расширению. Ещё в I в. н.э. в войнах с отдалёнными странами дела складывались далеко не всегда благополучно, и замена дорогостоящим войнам обнаруживается в разного рода мирных взаимодействиях с народами варварской периферии. Однако традиционным их применение становится лишь в IV – VII вв.

Например, особенностью поздней античности стало привлечение варварского элемента к службе на высших должностях в военной администрации. Во второй половине IV в. и позже такое явление становится нормой: лица варварского происхождения в высшем военном командовании Империи и участие варварских наёмных контингентов в гражданских войнах внутри государства – это уже нормальное явление.

Значимой вехой стало то, что в первой половине IV в. Константин I на правах победителя навязал готам договор, обязывавший варваров защищать границы Империи от внешних угроз и поставить в войско Константина 40 тысяч боеспособных людей. Взамен Константин взялся выдавать союзникам денежное и материальное содержание [29, с. 200]. Это стало прообразом политики, которую вёл Феодосий II по отношению к гуннам, Юстиниан I – по отношению к аварам. Такая политика временами позволяла Империи выдерживать равновесные отношения со своим

окружением, хотя просчёты, допущенные императорами V – VI вв., в конечном счёте, привели к катастрофическим результатам.

В средневековый период Византия была сочетанием территорий, отделённых друг от друга морем. В этом было её отличие от многих государств, занимавших внутренне целостное, ограниченное естественными или искусственными границами, пространство. Границы Византии изменялись со временем, но упомянутый характер территориальной организации виден всегда.

В IV – V вв. восточные провинции Римской империи представляли собой обширное целостное территориальное образование с более или менее определёнными границами. В позднеантичный период более фрагментированной была территория западной части: по всей протяжённости с востока на запад она была разделена на две оторванных друг от друга части: в Европе и в Африке. Захват Северной Африки во второй трети V в. вандалами в этом плане имел положительный эффект: способствовал превращению римского Запада в более целостное по территории образование.

У Константинополя, не считая отрезанных от материка островных владений, со всеми провинциями была сухопутная связь. Определённым исключением являлся Херсон, отрезанный на суше от центральной части империи. Однако его вхождение в состав Империи в IV – V вв. находится под вопросом.

В VI в. всё стало меняться. В 535 – 554 гг. Юстиниан I «вернул» Империи Италию, Африку и прибрежную часть Испании. Теоретически эти владения впоследствии могли быть расширены, однако уже при жизни Юстиниана наступление на западном направлении было остановлено, а в 568 г. вторжение лангобардов в Италию привело к потере части территорий. Далее только продолжались потери: земли, «отвоёванные» в Испании, продержались, самое позднее, до начала VII в.; Африка была завоёвана арабами в конце VII в. В состав Византии эти территории уже не вернулись.

Если мы посмотрим на владения, которыми располагала Византия после Юстиниановых войн, мы увидим государство, состоящее из нескольких территорий, разделённых морем: 1) обширные земли Малой Азии, Сирии, Египта; 2) часть Африки в районе современных Туниса и Алжира; 3) средиземноморская прибрежная полоса Пиренейского полуострова; 4) Апеннинский полуостров; 5) Балканы.

Африка и Египет разделялись Ливийской пустыней – труднопроходимым регионом; Южная Испания отделялась от Мавритании Гибралтарским проливом, а от Италии – огромным пространством средиземноморской береговой полосы, принадлежащим вестготам и франкам. После прихода в Италию лангобардов разные части Италии оказались изолированными друг от друга: владения на юге Италии оказались оторванными от византийских территорий в средней части Апеннинского полуострова.

Позже Византия потеряла «коридор» между балканскими и итальянскими владениями: в IX – первой половине X вв. в подчинении византийского императора находятся области Греции, Малой Азии, несколько анклавов на адриатическом побережье (включая Венецию), крайний юг Италии, Сицилия и острова Тирренского моря. В начале XI в. мы видим её, ещё достаточно обширную территорию разбросанной на Балканском полуострове, Малой Азии, южной Италии и ряде островов Эгейского и Средиземного моря. В 1261 г. под властью Византии были северо-западный угол Малой Азии, часть Фракии и Македонии, несколько крепостей на Пелопоннесе и Эпирский деспотат (на территории современной Албании). Часть северного побережья Малой Азии вокруг Синопы была захвачена сельджуками; восточнее, вокруг г. Трапезунд, образовалось государство Комнинов (Трапезундская империя). К середине XIV в. территории Византии сжались ещё больше: у неё в подчинении только несколько крупных городов и провинция Пелопоннес.

Всё историю Византию её «ядром» оставались Константинополь и значительная часть Малой Азии. Во всех остальных частях её контроль был неустойчив: даже в сравнительно благополучном VI в. императоры практически не присылали воинские контингенты в завоёвываемую лангобардами Италию: исследователь истории этого региона в VI – VIII вв. О. Р. Бородин указывает только три случая, относящиеся к концу VI в. [3, с. 184]. В случае войн с подобной территории было затруднительно мобилизовать ресурсы, что ослабляло позиции Византии в военных конфликтах. Видимо, подобная территориальная организация – одна из причин, почему римская наследница Византия не была столь воинственной, как античная Римская империя.

Взаимоотношения светской и церковной властей в Византии до конца её истории строились в рамках так называемой «симфонии властей», основы которой были заложены ещё опять же в позднеантичный период.

Римская империя строилась на концепции, что религиозными вопросами должна заниматься религиозная власть. Римские императоры носили титул Великих Понтификов, прибегали к религиозным обрядам при совершении каких-либо важных государственных действий (например, гадания – ауспиции). Однако в римский период мы не видим той системы, которую в Византии знаем, как «симфонию властей».

Считается, что этот принцип оформился при Юстиниане I и, как пример формулировки его, приводится фрагмент 6-й части «Новелл». «Два великих дара, – пишет законодатель, – Господь.. даровал... свыше: священство и императорское достоинство. Первое служит Божественному, второе направляет и управляет делами человеческими... Если священники свободны от упреков и молитвы их доходят до Бога, а императоры справедливо и беспристрастно управляют.. государством, возникает общая гармония и всякое благо даруется человеческому роду» [6, с. 137-138].

Следует отметить, что создание этой системы всё же следует относить к более раннему времени: интересно, что формулирование основной идеи этой системы можно видеть в письмах Юлиана Отступника (правление 361-363 гг.) [12, с. 233], [11, с. 259], т. е. она зарождалась ещё в то время, когда Римская империя была единой. Однако впоследствии Восток и Запад пошли своими путями в выстраивании отношений между светской и религиозной властями.

На Западе системы, подобной византийской «симфонии», не сложилось. Если в IV в. и здесь Церковь приобретает настолько большую силу, что может оказывать влияние на государство и в известных случаях противодействовать ему [22, с. 77], то западно-римские императоры начала V в., по-видимому, уже особо не вмешивались в дела церковной власти, а с началом политического кризиса такое вмешательство вообще потеряло смысл. Причём, влияние римской Церкви в это время постепенно возрастает, чего не скажешь об авторитете светской администрации, находившейся в другом городе – в Равенне.

На Востоке же происходило постоянное взаимодействие светских и религиозных властей. Центральная власть инициирует церковные Соборы: например, не без поддержки императорской власти в начале V в. созывается церковный собор, предназначенный для низложения константинопольского патриарха Иоанна Златоуста [19, с. 130-131].

Во второй половине V в. на Востоке вводится принципиальное новшество в традициях, связанных с коронацией новых императоров: участником этих церемоний становится константинопольский патриарх. Позже эта практика стала общей для христианских стран [4, с. 77]. Императоры неоднократно предпринимают меры для восстановления религиозного мира в Империи, причём эти меры выражались не в предложениях или просьбах со стороны центральной власти, а в установлении новых доктрин, которые, по мысли создателей, должны были стать взаимоприемлемыми для всех сторон конфликта компромиссами. Для примирения ортодоксальных христиан с монофизитами в 488 г. Зеноном был издан «Энотикон» – документ религиозного содержания, предлагающий доктрину, претендующую на примирение ортодоксов и монофизитов [22, с. 212]. Анастасий I и Юстиниан I вносили правки в церковные гимны [16, с. 428], [17, с. 196]. В правление Юстиниана мы видим очень активное взаимодействие не только с константинопольской, но и римской церковью: причём, будучи по своей ориентации сторонником возвышения религиозного авторитета Рима, Юстиниан, тем не менее, неоднократно добивался от римских епископов исполнения своих требований силовыми путями. Наконец, это взаимодействие явно выражается в акте переноса даты начала консульств с 1 января на христианское Рождество 25 декабря [17, с. 340].

Эту византийскую систему нельзя, конечно, назвать абсолютной гармонией. Но на Западе того времени мы не видим даже подобия ей: здесь тенденцией развития является противостояние светской и церковной властей, центры которых разделены в пространстве (например, борьба светской власти Германии с религиозным центром Римом в Средние века).

Примечательно, что с конца VI - VII в. в Византии неизвестные документы и произведения, созданные на традиционном «римском» языке – латыни. Здесь она была давно забытым языком; позиции единственного разговорного и официального занял греческий язык.

Эта интересная двойственность тоже следствие позднеантичного развития Византии. Греко-римский дуализм был присущ Римской империи ещё во времена поздней Республики. В Риме и

западных провинциях Империи основным языком была латынь; в восточных употреблялся, сложившийся в эллинистический период, вариант греческого языка – «койнэ». Но распространение этих языков не всегда имело чёткие пространственные разграничения. Так, греческий язык был популярен в среде образованных римлян, а в римской церкви I – III вв. он был основным языком богослужений; на Востоке разговорным языком был греческий, а языком провинциальной администрации была преимущественно латынь.

В III веке на Западе богослужения начинают проводиться на латинском языке, а греческий – выходит здесь из обращения [10, с. 18]. Начинает формироваться чёткая граница, позже отделившая «латинский» Запад от «греческого» Востока.

Далее это разделение углубляется. Этому, в частности, поспособствовал перевод Священного Писания на латинский язык, произведённый в 385 – 405 гг. Иеронимом Стридонским. Несмотря на то, что этот перевод вызвал неоднозначную реакцию современников и до IX в. не являлся единственно принятым латинским переводом Библии, уже в начале V в. он находит поддержку и применение у авторитетных богословов своего времени: в частности, именно переводом Иеронима пользовался величайший авторитет средневекового богословия Аврелий Августин [28, с. 636].

Начавшаяся в IV в. постепенная романизация восточных провинций, не имела принудительного характера и была довольно поверхностной: латинский язык применялся, главным образом, в сфере административных дел, законодательства, судопроизводства, армии, но, например, в литературной жизни, в разговорной речи использовался греческий [2, с. 37]. Показательно, что даже императоры IV в. были вынуждены порой издавать постановления не только на латыни, но и в греческих переводах [1, с. 71]. При Юстиниане I расстановка языковых составляющих выступает ещё резче. Фундаментальный «Свод гражданского права» составлялся в 528-533 гг. на латинском языке в то время как более поздние постановления, собранные в сборник «Новеллы», уже приведены на греческом. Это расценивается, как первый случай официального использования греческого языка [6, с. 56]. Статус латыни как официального языка не исчезает до конца VI в. или первой половины VII в. [1, с. 72; 1, с. 38]. Распределение основных языков по сферам использования (и то, с известной условностью) сохраняется [2, с. 37]. Однако с VII в. латинский язык был вытеснен из жизни Византии окончательно.

К тому же, с VII в. латиноязычных территорий у Византии почти не осталось. Если до арабских вторжений в пределах Византии было 5 основных ареалов распространения латыни: Северная Африка, диоцез Дакия, нижнедунайская Малая Скифия, пограничная область в Иллирии и Македонии с Эпиром, Италия [2, с. 37], то позже у неё осталась только часть Италии.

Однако жители Византии считали себя преемниками Римской империи, а не эллинистических государств. Сами себя они называли «ромеями», а своё государство – «Романия». Так, в «Воинском законе» VIII в. византийское войско именуется «ромейским» [20, с. 279]. Константинопольский император именуется «императором ромеев» в источниках IX в. [9, с. 268]. В X веке Константин Багрянородный именуется своё государство «Ромейским» [26, с. 161]. В конце XI века Михаил Акоминат говорит об Андронике Комнине как «царелюбивом и преданном Ромеям» [24, с. 125]. Кажущийся парадокс раскрывается прекрасно иллюстрирует характерный для византийцев консерватизм.

В законодательном своде Юстиниана I единственным видом гражданства Империи объявляется «римским» [13, с. 27]. При этом говорится, что прослойка дедитициев давно уже упразднена, а случаи латинского гражданства встречаются очень редко [13, с. 25]. Это явная отсылка к реалиям времени, когда создавался более ранний памятник римского права – «Институции» Гая (II в.). По крайней мере, в нём мы видим перечисление именно этих категорий населения [5] и именно «Институции» Гая упоминаются как основной источник для создания «Институций» Юстиниана I [13, с. 13].

Согласно Гаю, население Империи разделяется на категорию римских граждан, латинских граждан и так называемых «*dediticii peregrini*» («иностранцев, покорённых с оружием в руках»). Законодатель VI в. рассматривал население современной ему Империи с тех позиций, с которых в своё время разделял население юрист Гай и, обнаружив, что две из этих трёх категорий явно не играют никакой роли, просто объявил всё население принадлежащим к сохранившейся одной (категории «римских граждан»).

Отметим, что составитель «Свода гражданского права» никаких новшеств в законодательство не вводил, целью было очищение старых правовых норм от накопившихся противоречий и закрепление актуальных законов в виде единого сборника. Особенностью этого свода стал запрет на произвольное

редактирование и комментирование собранных в нём законов, т. е. это законодательство носило консервативный характер [8, с. 65, 67]. Римское законодательство, сложившееся ещё в античное время, по замыслу Юстиниана, должно было действовать и впредь в неизменном виде.

Можно понять, почему господство эллинского языка могло сочетаться с ощущением себя наследником римского государства. В первом случае мы наблюдаем языковую преемственность, во втором – политико-правовую. Что касается исторической памяти византийцев, то в ней сохраняются преимущественно элементы греческой и эллинистической античности, а римской – в меньшей степени.

Таким образом, IV – VII вв. – особенный в истории Византии период, когда складываются черты, определяющие своеобразный облик и характер этого государства. В этот период происходят события, предопределившие сильные позиции центральной власти, характерные для средневековой Византии. Закладываются новые принципы и методы ведения внешней политики, меняется территориальная организация, появляется своеобразная система взаимодействий светской и религиозной властей.

Византия формируется в государство, говорящее на греческом языке, но считающее себя продолжателем Римской империи.

Внимание к вопросам генезиса черт, характерных для известной нам Византии, позволяет по-новому посмотреть на вопрос рождения этого государства. До кризиса VII в. мы не видим исторического разрыва между ней и античной Римской империей: империя Юстиниана и Маврикия прямо преемственна империи Августа и Антонинов. Кризис VII в. приводит к существенным изменениям в жизни империи, однако характерные для неё черты возникают не в это время, а гораздо раньше – в позднеантичное и даже античное римское время. Поэтому в проблеме зарождения Византии более интересным вопросом представляется не датировка начала её истории, а происхождение и развитие тех черт, сочетание которых позже создаст уникальный облик средневекового византийского государства.

Список литературы

1. Азаревич, Д. История византийского права. Т.1, Ч.1 / Д. Азаревич. – Ярославль: Типография Г. В. Фальк, 1876. – 118 с.
2. Болгов, Н. Н. К вопросу о латинской культуре ранней Византии / Н. Н. Болгов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2011. – №1(96). – Вып. 17. – С. 33-37.
3. Бородин, О. Р. Византийская Италия в VI – VIII вв. (Равеннский экзархат и Пентаполь) / О. Р. Бородин. – Барнаул: День, 1991. – 366 с.
4. Вальденберг, В. Е. Государственное устройство Византии до конца VII в. / В. Е. Вальденберг. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2008. – 224 с.
5. Гай. Институции. – URL: <http://ancientrome.ru/ius/i.htm?a=1446001000> (дата обращения: 25.07.2020)
6. Геростергиос, А. Юстиниан Великий – император и святой / Пер. с англ. прот. М. Козлова. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 2010. – 448 с.
7. Дашков, С. Б. Цари царей – Сасаниды. Иран III–VII вв. в легендах, исторических хрониках и современных исследованиях / С. Б. Дашков. – М.: СМИ-АЗИЯ, 2008. – 352 с.
8. Дигесты Юстиниана / Пер. с латинского; отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т.1. – 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2008. – 584 с.
9. Жития византийских святых / Пер. С. Поляковой. – СПб.: Corvus, Terra Fantastica, 1995. – 543 с.
10. Задворный, В. Л. Сочинения Римских понтификов эпохи поздней Античности и раннего Средневековья (I – IX вв.) / В. Л. Задворный. – М.: Издательство Францисканцев, 2011. – 480 с.
11. Император Юлиан. Письма // ВДИ. – М.: Наука, 1970. – №2(112). – с. 233-259.
12. Император Юлиан. Письма // ВДИ. – М.: Наука, 1970. – №3(113). – с. 226-250.
13. Институции Юстиниана / Пер. с лат. Д. Расснера; под ред. Л. Л. Кофанова, В. А. Томсинова. – М.: Зерцало, 1998. – 400 с.
14. Князький, И. О. Император Диоклетиан и конец античного мира (Государственные и правовые реформы начала Домината) / И. О. Князький. – М.: Московский общественный научный фонд, 1999. – 220 с.
15. Константин Багрянородный. Об управлении империей / Константин Багрянородный. – М.: Наука, 1991. – 496 с.

16. Кулаковский, Ю. А. История Византии. Т.1: 395-518 гг. – 3-е изд., исправ. и доп. – СПб.: Алетейя, 2003. – 492 с.
17. Кулаковский, Ю. А. История Византии. Т.2: 518-602 годы. – СПб.: Алетейя, 1996. – 400 с.
18. Культура Византии. Вторая половина VII – XII в. / Отв. ред. З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин. – М.: Наука, 1989. – 678 с.
19. Курбатов, Г. Л. Ранневизантийские портреты: К истории общественно-политической мысли. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. – 272 с.
20. Кучма, В. В. ΝΟΜΟΣ ΣΤΡΑΤΙΩΤΙΚΟΣ (К вопросу о связи трех памятников византийского военного права) // Византийский временник, Том 32 (57). 1971. – С. 276-284.
21. Левченко, М. В. История Византии. Краткий очерк / М. В. Левченко. – М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. – 264 с.
22. Максимович, К. А. История Древней Церкви: Ч.1. 33-843 гг. / Под общ. ред. К. А. Максимовича. – М.: Издательство ПСТГУ, 2012. – 592 с.
23. Медведев, И. П. Правовая культура Византийской империи / И. П. Медведев. – СПб.: Алетейя, 2001. – 576 с.
24. Неизданные речи и письма Михаила Акомината // Восточная литература. – URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Byzanz/XII/Michail_Akominat/reden_briefe1.htm (дата обращения: 24.06.2020).
25. Оболенский, Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов / Д. Оболенский. – М.: Янус-К, 1998. – 655 с.
26. Сборник документов по социально-экономической истории Византии / Отв. ред. Е. А. Косминский; под ред. Б. Т. Горянова, Ф. М. Россейкина. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – 320 с.
27. Шафф, Ф. История христианской церкви. В 8 т.: Т. II. Доникийское христианство. 100 – 325 г. по Р. Х. / Ф. Шафф. – СПб.: Библия для всех, 2010. – 589 с.
28. Шафф, Ф. История христианской церкви. В 8 т. Т. III. Никейское и посленикийское христианство. От Константина Великого до Григория Великого: 311 – 590 г. по Р. Х. / Ф. Шафф. – СПб.: Библия для всех, 2011. – 688 с.
29. Щукин, М. Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура) / М. Б. Щукин. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 576 с.

Статья поступила в редакцию 1.12.2020

Matrosov, M. A., Vakulova, T. V. *The Late Antique Period (the 4th – 7th centuries) in the History of Byzantium.*

This article reveals the role of the late-antique stage of Byzantine history (the 4th – 7th centuries) in the formation of features that defined the original appearance of Byzantium until the end of its history. The authors of the article believe that the main problem of the birth of the Byzantine state is not so much in the specific dating of this event, but in the origin and development of the features that defined its historical face. Among them are the strong position of the Central government in Byzantium, the peculiarities of foreign policy and the uniqueness of the territorial organization, a peculiar system of relations between the secular and civil authorities (“symphony”) and preserving the memory of its continuity to the Greco-Roman ancient world. All these features inherent in Byzantium either began to form in the late antique time or originated in the ancient Roman Empire. However, in the latter case, the period of the 4th-7th centuries played a crucial role in the development of these features. Thus, it was that period that laid the foundations within which Byzantium would continue its historical development until the middle of the 15th century.

Keywords: late antiquity, Roman Empire, Byzantium, Byzantine civilization.

УДК 322:271.22(292.471)''1929/1939''

Рассматриваются проблемы взаимоотношений между органами власти и Российской православной церковью в Крыму в 30-е гг. XX в.. Исследуются последствия деятельности советских органов власти по отношению к православной церкви в свете грифованных архивных документов 30-х годов XX в., рассекреченных для открытого доступа. Можно провести параллель государственно-религиозных отношений первой половины XX в. и начала XXI в.

Ключевые слова: духовность, «лишенцы», религиозные общины, репрессии, церковные ценности.

И. В. Рыбак, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: i32437@yandex.ru

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В 30-Е ГОДЫ XX В.: КРЫМСКИЙ АСПЕКТ

В современных условиях жизни, все больше и больше ученых, специалистов искусства, представителей церкви, рядовых граждан приходит к выводу, что причины негативных последствий покоятся в историческом прошлом. Они, прежде всего, связаны с односторонностью общественного сознания, которая формировалась на устоях коммунистической идеологии, которая абсолютизировала рационализм в науке, технический прогресс и экономику в жизнедеятельности, физическое тело как сущность человека. Вместе с тем материалистическая идеология, вирусом которой заражено и настоящее время немало соотечественников, отвергала духовность как реальную субстанцию жизни.

Проблемами духовности призвана заниматься церковь, поэтому анализ причин духовного кризиса, в частности в Крыму, дает возможность обобщить опыт работы православной церкви, определить его особенности и извлечь исторические уроки, которые, с одной стороны, позволили бы предотвратить повторение ошибок прошлого, с другой – способствовали бы налаживанию гармонии развития общественной жизни, духовного возрождения людей.

Религиозная политика в Крыму в 30-е годы была логическим продолжением курса советских органов власти, который осуществлялся еще в 20-е годы. На рубеже 20 - 30-х годов политика советских органов власти Крыма была направлена на борьбу с православной церковью экономическими путями. Создавались такие условия, при которых церковь не могла существовать.

Во-первых, священнослужители и другие служители культа платили высокие налоги. В городах они приравнивались к частным торговцам и вынуждены были оплачивать налог от 156 до 235 рублей. В сельской местности служители культа, занимавшиеся домашним хозяйством, должны были выплачивать «самообложения» в соответствии от доходов в сумме 151 руб. 90 коп. (максимальная ставка); 8 руб. 44 коп. (минимальная).

В соответствии с циркулярным распоряжением от 10 октября 1929 г., № 619 духовенству запрещался во время сбора урожая обход сельских дворов с целью сборов зерна, и не допускалось получение пожертвований хлебными продуктами. На рубеже 20 - 30-х годов органами НКВД (народный комиссариат внутренних дел) были проведены аресты целого ряда священнослужителей за неуплату налогов, за принудительный сбор зерна у населения. В результате положение духовенства усложнялось. Значительная часть из него была вынуждена оставлять службу в храме и стать «лишенцами». А это подрывало устои деятельности церкви, так как она оставалась без служителей [1, Л. 390].

Во-вторых, властные структуры стали требовать срочную оплату за аренду храмов. Сумма налогов по отдельным культовым зданиям симферопольской православной церкви составляла следующие величины:

- Александро-Невский кафедральный собор (ул. К. Маркса, 19) - 298 руб. 93 коп.;
- Мартыновская Церковь (ул. Шестерникова, 6) - 20 руб. 86 коп.;
- Преображенская церковь (ул. Кладбищенская, 5) - 11. руб. 85 коп.;
- Спасская церковь (ул. Луговая, 16) - 61 руб. 22 коп.

Не все общины могли находить средства, чтобы своевременно рассчитаться за арендную плату.

В-третьих, государство облагало культовые здания страховкой. В 1929 – 1930 гг. Госстрах Крыма провел оценку каждого культового здания. В результате в реестр госстраха в Крыму было внесено 118 православных храмов. Сумма страховых выплат зависела от оценки состояния здания. Так, страховые выплаты по строениям: Александро-Невского собора составляли в Ялте 44 руб.;, Владимирского собора в Севастополе – 57 руб. Однако уже в 1930 г. местные районные администрации страховых отделов Крыма значительно увеличили сумму страховых выплат.

Выплаты страховой компании увеличились только за год в несколько раз. Это вызвало протест у верующих людей [1, Л. 390].

В-четвертых, в 1929 г. по инициативе местных органов власти началась компания по обязательному проведению капитальных ремонтов всех храмов православной церкви, что объяснялось ветхостью зданий храмов, которые имели государственно-культурное значение. Ремонт зданий храмов требовал внесения общинами больших средств. Например, только по Керченскому району на ремонт необходимо было затратить 1500 руб. Поскольку таких денег у религиозных общин не было, они стали отказываться от ремонта. В Симферопольском районе отказалось от ремонта храмов 3 общины, в Джанкойском районе – 12 общин. Однако не все храмы отказались от ремонта, несмотря на недостаток денежных средств. В 1929 г. ремонт провели Александро-Невский собор и Пантелеймоновская церковь в Феодосии [5, с. 265]. Содержать храмы в отремонтированном состоянии и оплачивать большие налоги за них государству для верующих людей становилось все сложнее и сложнее. В результате этого значительная часть общин отказывалась от выполнения требований экономического государственного давления.

В-пятых, параллельно мероприятиям экономического характера, которыми создавались невозможные условия для деятельности православной церкви, проводилось перерегистрация религиозных общин. Перерегистрация происходила в соответствии с постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК), Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР от 8 апреля 1929 г.

Цель перерегистрации заключалась в приведении деятельности религиозных общин в соответствие с действующим законодательством. Кроме того, в тех общинах, где имело место нарушение требований властных структур, предусматривалось закрытие культовых зданий. Согласно архивным документам за 1929 г. в крымских городах было закрыто около 20 культовых зданий (см. таблицу 1): [3, Л. 143-144]

Дата	Название культового здания
27 марта	Николаевский собор (г. Севастополь); Домовая церковь (Феодосийский р-н)
29 марта	Домовая церковь (г. Симферополь); Церковь у Байдарских ворот (Симферопольский р-н)
24 апреля	Церковь Константина и Елены (г. Симферополь)
29 мая	Церковь Рождества Христова (г. Севастополь); Георгиевский монастырь (Балаклавский р-он); Часовня (Карасубазарский р-н)
21 август	Домовая церковь (Симферопольский р-н); Две часовни (г. Керчь)
25 декабря	Александро-Невский кафедральный (г. Симферополь); Успенская церковь (п. Гурзуф); Николаевская церковь (г. Феодосия); Покровская домовая церковь (Симферопольский р-н); Успенская церковь (Симферопольский р-н); Николаевская церковь (Симферопольский р-н); Воздвиженская церковь (п. Балаклава)

Таб.1 Православные культовые здания Крыма, закрытые в 1929 г.

В результате перерегистрации религиозных общин православной церкви на 1 октября 1930 г. было закрыто 124 храма (55 %). Осталось действующих храмов православной церкви в Крыму – 109.

Закрытие культовых зданий происходило по разным причинам, а именно:

- отказ религиозных общин от сохранения храмов (ремонт, оплата различных государственных платежей и тому подобное;
- решение общего собрания на местах большинством голосов о закрытии не перерегистрированных церковных храмов

Процесс ликвидации в Крыму церквей и монастырей, и конфискации принадлежавшего им имущества нашел подробное отражение в делах хранящегося в ГАРК фонда Центрального Исполнительного Комитета Крымской АССР.

Количество закрытых культовых зданий православной церкви по районам Крыма показано ниже (см. таблицу 2).

Название района Крыма	Общее количество храмов	Общее количество закрытых храмов	Доля закрытых храмов	Осталось действующих храмов к 01.10.1930 г.
Симферопольский	44	27	61	17
Севастопольский	48	30	62	18
Ялтинский	39	31	78	8
Феодосийский	33	8	27	25
Керченский	25	14	86	11
Евпаторийский	8	3	37	5
Джанкойский	15	8	53	7
Бахчисарайский	17	6	35	11
Карасубазарский	9	4	44	5
Судакский	5	3	66	2
Всего	243	134	55 %	109

Таб. 2 Количество закрытых культовых зданий православной церкви на 1 октября 1930 г.

Из них, например, явствует, что в симферопольском Александро-Невском кафедральном соборе хранились такие святыни, как Евангелие, пожертвованное крымчанам в 1794 г. императрицей Екатериной II, а также Высочайшая грамота императора Александра II, в которой он выражал благодарность жителям Таврической губернии «За жертвы святому делу Отечества» во время Крымской войны. Из дел фонда ГА РК Р-663 явствует, что имущество ликвидируемых церквей и монастырей распределялось следующим образом:

- имущество, имеющее историко-художественную и научную ценность, передавалось в ведение Крымохриса (Крымского комитета по делам музеев и охране памятников искусства, старины, народного быта и природы);

- имущество культового характера, не имеющее историко-художественной ценности, передавалось «в центральное хранилище НКВД»;

- все прочее имущество, имеющее «хозяйственную ценность», передавалось в распоряжение отделов управления исполкомов «на предмет распределения» по их «усмотрению».

Однако архив Крымохриса бесследно исчез. В результате исследователи лишены возможности проследить по документам Крымохриса пути следования и имена новых владельцев наиболее ценных предметов, конфискованных советским государством у РПЦ в Крыму [2, Л.6-8].

В 1932 г. в связи с неуплатой налогов и не прохождением перерегистрации был закрыт Владимирский собор в Севастополе, который возводился более трех десятилетий с 1854 по 1888 гг. при участии российских монархов. Однако с 1932 г. он постоянно разрушался, несмотря на то, что он являлся усыпальницей адмиралов – героев первой обороны Севастополя (1853-1854 гг.). Церковное имущество передали в Госхран, а захоронения подвергались надругательству. После закрытия здание Собора было передано авиационному спортивному обществу под мастерские. Позже в нем располагался склад, госпиталь и бомбоубежище [6, с. 59-60].

В Крыму использовались закрытые культовые здания по-разному: тридцать четыре из них было отдано под устройство клубов, восемь – под школы, шесть – под лечебные учреждения, три – под детские сады, двенадцать – под жилье, три – использовались в спортивных целях и т. д. двадцать восемь культовых зданий были полностью разрушены. В результате целого ряда экономических мер на рубеже 20 - 30-х годов были созданы такие условия, которые препятствовали деятельности Православной церкви [4, с. 305].

В непосредственной связи с созданием экономических условий с целью разрушения общин православной церкви проводилась идеологическая работа. Она усиливалась в соответствии с Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР о религиозных объединениях (08.04.1929 г.), согласно которому священнослужители исключались из состава религиозных общин, запрещалась благотворительная деятельность, не допускалось частное обучение религии.

Для контроля над деятельностью религиозных организаций при Президиуме ВЦИК была создана специальная комиссия. Надзор «возлагается на регистрирующие органы, причем в сельских местностях этот надзор возлагается также и на сельские советы».

Указанное выше Постановление и разработанная в соответствии с ним Инструкция, были направлены на то, чтобы свести фактически на нет роль церкви в нравственной сфере общества, в

организации культурно-просветительских мероприятий. Что позволяло материалистической идеологии большевистской партии вытеснить православную церковь из духовной жизни общества и занять в нем господствующее положение.

Довольно остро развернулась идеологическая компания против православной церкви в Крыму. В центр идеологической борьбы попали священнослужители. В средствах массовой информации они изображались как «пособники мирового капитала», «враги народа». Священнослужителей обвиняли в саботажах, увольняли с работы, объявляли «лишенцами». Это ставило священнослужителей, их семьи на грань голодной смерти.

Священнослужители, оставившие службу в храме, не могли устроиться на работу. Например, в августе 1929 г. Центральное административное управление (ЦАУ) Крыма разослало во все районы полуострова уведомление о запрете принимать на работу священнослужителей, без их самоотречения от духовного сана [5, с. 270].

Для такого отречения существовало два пути:

- публикация в прессе;
- открытое осуждение религии и отречения от сана на общем собрании верующих.

Таким образом, в 20-30-е годы были созданы условия, для усиления репрессий против верующих и духовенства. Верующие иностранцы проходили предварительную регистрацию. Чтобы ограничить вероисповедание иностранцев, крымчане, в соответствии с требованиями советских властных структур, вынуждены были давать расписки: «Мы, нижеподписанная группа верующих С. Малютай,... даем эту расписку Столу Религиозных Культур Бахчисарайского административного отдела в том, что обязуемся не допускать иностранных подданных к исполнению религиозных обрядов, к выражению религиозных проповедей; выступлений на религиозных собраниях, также не допускать их избрания на должности в религиозных организациях».

Подобные расписки давали верующие в конце 20-х годов по всей Крымской АССР. Это означало фактический запрет для иностранцев права на веру, на совесть. В результате иностранцы не выдерживали такого психологического давления и были вынуждены покидать Крым.

Репрессивные методы преследования православной церкви усилились в начале 30-х годов XX в. В это время набирала силу практика выселения духовенства с территории полуострова. Это объяснялось тем, что Крым является приграничным регионом, что в нем есть закрытые режимные зоны (Севастополь, Балаклава), поэтому в качестве государственной безопасности необходимо неблагонадежных лиц, «врагов народа», которыми считалась значительная часть духовенства, выслать за пределы Крыма. В результате летом 1930 г. было переселено за пределы Севастополя 40 монахов православной церкви. Из Ялты было снято с регистрации и выслано 34 православных священнослужителя.

В сложном состоянии находилось руководство Православной церкви Крыма. Архиепископу владыке «староцерковного» движения Крыма Дионисию Прозоровскому ЦИК Крыма разрешал находиться и проводить церковную службу лишь в г. Феодосии. С 25 июля 1930 года должность владыки «староцерковного» движения Крыма занял архиепископ Арсений (Смоленец), который был арестован органами НКВД летом 1931 г. На его место был назначен Священным Синодом епископ Симферопольский и Крымский Порфирий (Гулевич). Однако в 1933 г. и он был арестован органами Государственного Политического управления (ГПУ) Крыма. Епископ находился под арестом два месяца. После чего владыка получил разрешение служить в Симферопольском Преображенском соборе в окружении единомышленников: протоиерея Николая Казанского, протоиерея Димитрия Полежаева, игумена Макария (Гонцы) [4, с. 261].

9 октября 1936 г. епископ Порфирий был вновь арестован. На провокационные вопросы следователя отвечал просто и твердо, не роняя архиерейского достоинства. Владыку обвинили в поощрении «нелегальной деятельности некоторых монашеских подпольных организаций», в «проявлении излишней ревности в борьбе с обновленцами» и во многом другом. С ним было арестовано десять человек. Четыре месяца он содержался в симферопольской тюрьме, а 3 января 1937 г. был приговорен к пяти годам административной высылки в Казахстан, где 1 декабря 1937 г. епископ Порфирий (Гулевич), епископ Макарий (Кармазин) постановлением тройки УНКВД Алма-Атинской области были приговорены к смертной казни, через расстрел (2 декабря 1937 г.). Массовые репрессии против духовенства происходили и в 1936-1937 гг. протоиерей М. Мезенцев арестован 15 декабря 1937 г. и 14 февраля 1938 г. расстрелян; 9 декабря 1937 г., арестован священник г. Ялты А. Корж, и 14 марта 1938 г. расстрелян. Репрессии духовенства и ликвидация храмов способствовали распаду религиозных общин. К 1939 г. в Крыму осталась действующей только одна церковь «Всех Святых» (г. Симферополь), которая принадлежала к «обновленческому» течению православной церкви [4, с. 304].

Таким образом, исторический опыт взаимоотношений государственных, партийных органов с православной церковью в Крыму в 30-е годы учит:

- поправление духовности ведет к жестокости людей, к страданиям. Об этом свидетельствуют голод 1933 г., репрессии 30-х годов, в которых погибли массы людей;
- поправление духовности как крайность в политике привели в 90-е годы к противоположной крайности, когда сама природа через страдания заставила людей возвращаться к духовности;
- строить общественную жизнь соразмерно, без крайностей, путем так называемой золотой середины, где бы имела место гармония духа и физического тела, где бы политика вела к равновесию в обществе, а не к его разрушению. Опыт уроков религиозной политики в 30-е годы в Крыму убедительно требуют этого.

Важнейшими источниками по истории РПЦ в Крыму, отложившимися в недавно рассекреченном архивном фонде крымского уполномоченного (ГАРК. Ф. Р-2647), следует признать следующие документы:

- копии отчетов крымских уполномоченных, отправленных в Москву, в Совет по делам РПЦ;
- копии годовых отчетов о деятельности Крымского епархиального управления, составлявшихся главою епархии.

Документы архивного фонда крымского уполномоченного позволяют достаточно полно представить историю Крымской епархии после революции 1917 г.

Есть еще один, увы, практически недоступный исследователям и потому чрезвычайно слабо изученный комплекс источников по истории РПЦ в Крыму – это делопроизводственные материалы крымских спецслужб. В 2010 г. сотрудниками Главного управления Службы Безопасности Украины в Крыму в распоряжение исследователей был передан сборник ксерокопий извлечений из ежемесячных докладных записок о результатах работы 4-го отделения 2-го отдела по борьбе с антисоветскими элементами из числа духовенства, церковников и сектантов Управления Министерства Государственной Безопасности (МГБ) СССР по Крымской области за 1947 - 1951 гг. Эти документы касались слежки со стороны крымских чекистов за архиепископом Крымской епархии. Они раскрывают формы, методы, масштабы слежки за архиепископами и содержат подробную информацию о результатах слежки. Общую оценку деятельности архиепископов органами госбезопасности находим докладных записках агентов НКВД. Таковы важнейшие группы, комплексы, виды и разновидности источников по истории РПЦ в послереволюционном Крыму. Они свидетельствуют, что в трагические для РПЦ послереволюционные годы подавляющее большинство представители крымского духовенства сохраняло верность традициям Русского Православия, в результате чего многие из них были признаны новомучениками. Дальнейшее изучение подобных источников будет способствовать исследованию остающихся малоизученными вопросов истории Крымской епархии, истории надзиравших за епархией государственных органов, истории взаимоотношений РПЦ и советского государства.

Список литературы

1. ГАРК, Ф.Р. – 663, ОП.10, Д.1746.Л.390.
2. ГАРК, Ф.Р. – 663, ОП.10, Д.1614, Л. 6-8.
3. ГАРК, Ф.Р. – 663, ОП.10, Д.6, Л. 143-144.
4. Даненко, Н. Н. (протоиерей). Претерпевшие до конца: священники Крымской епархии 30 – х годов / Н. Н. Даненко. – Симферополь: Таврида, 1997. – 250 с.
5. Катунин, Ю. А. Православие Крыма в 1917-1939 годах: проблема взаимоотношений с государством / Ю. А. Катунин. – Симферополь: МСП «Ната», 2002. – 416 с.
6. Собор Святого Равноапостольного князя Владимира – усыпальница выдающихся адмиралов Российского Императорского флота / Ред. М. П. Апошанская. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2004. – 336 с.

Статья поступила в редакцию 13.12.2020

Rybak, I. V. Religious Relations in the 1930s: Crimean Aspect

The problems of relations between the authorities and the Russian Orthodox Church in Crimea in the 1930s are considered. The article examines the consequences of the activities of the Soviet authorities in relation to the Orthodox Church in the light of classified archival documents of the 1930s declassified for public access. We can draw a parallel between the state-religious relations of the first half of the 20th century and the beginning of the 21st century.

Keywords: spirituality, "deprived persons", religious communities, repressions

УДК 94(497.1)“1945/1947”

В статье исследована позиция партийного руководства Словении, которую оно занимало в отношении конфликта между интересами республики и федерации в 1945-1947 гг. Автор показывает, что Политбюро ЦК Коммунистической партии Словении в целом принимало сторону центральных властей, но при этом позволяло себе обсуждать справедливость их требований и уже тогда заботилось об интересах республики. В это время оно еще не осознавало специфику своих региональных интересов, но уже тогда не было готово к слепому подчинению. В перспективе эти особенности открывали возможность для смены приоритетов и выдвижения республиканских интересов на первый план. Расклад сил в руководстве Словении автор рассматривает с позиций теории государственного капитализма.

Ключевые слова: Югославия, Словения, коммунистическая партия, федерация, центробежные процессы.

Ю. В. Шахин, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: y-v-shahin@yandex.ru

ОТНОШЕНИЕ СЛОВЕНСКОГО ПОЛИТБЮРО К РЕСПУБЛИКАНИЗМУ (1945-1947 гг.)

В предшествующих исследованиях автору уже приходилось обращаться к проблеме республиканизма в Югославии. Его суть заключалась в том, что местные интересы ставились впереди общегославских. В Словении, на материалах которой проводилось исследование этого явления, республиканизм получил распространение с момента создания югославской федерации в 1945 г. При этом его носители встречались среди управляющих крупных государственных предприятий, работников окружных и местных народных комитетов, в массовых организациях и среди офицеров. На всех уровнях они были представлены как беспартийными, так и партийными кадрами. Тем не менее, ключевой вопрос, насколько республиканизм захватывал высшее партийное руководство республики, ибо там была сосредоточена вся реальная власть, и от его политики зависела возможность активизации или наоборот последующего угасания данного явления. Подробному выяснению этого вопроса посвящена настоящая статья.

Словенские историки порой отвечают на вопрос о позиции Политбюро ЦК Коммунистической партии Словении несколько упрощенно – высшее партийное руководство в то время было полностью послушно Белграду и поддерживало его политику централизации, а сторонники республиканизма не находили у него поддержки, когда возникали конфликты интересов [4, s. 26; 5, s. 432]. Эта оценка справедлива лишь в конечном счете. Главный ее недостаток – игнорирование специфики настроений в Политбюро ЦК КПС по сравнению с партийными руководствами других республик.

В первые послевоенные годы в Политбюро ЦК КПС атмосфера отличалась известным своеобразием. Вероятно это связано с кадровым составом словенского партийного руководства. В нем сохранялись деятели, пришедшие в коммунистическое движение еще до сталинизации Коминтерна и КПЮ, в частности Иван Регент. Преемственность с 1920-ми гг. неожиданно дала о себе знать весной 1948 г., когда начался конфликт с СССР по линии Коминформбюро. Словенское Политбюро, пожалуй, единственный партийный орган в Югославии, где участники дискуссии связали этот конфликт с проблемами мировой революции! [6, s. 109-110] В то время этот термин вообще не употреблялся в партийной лексике КПЮ, и только в словенском руководстве о нем, как выяснилось, не забыли. Одним словом, на общем фоне югославской партии Политбюро ЦК КПС выглядело как очаг свободомыслия. Это обстоятельство имеет прямое отношение к республиканизму. В первые послевоенные годы там позволяли себе обсуждать высшие партийные директивы и даже прямо высказывать критические замечания, а расстановка приоритетов не во всем совпадала с линией Политбюро ЦК Коммунистической партии Югославии. Рассмотрим это более подробно на материалах трех заседаний словенского Политбюро.

3 августа 1945 г. Политбюро ЦК КПС осудило критику централизма со стороны республиканских министерств. Но при этом у министерств нашелся защитник – Франц Лескошек. Он был в то время не только министром промышленности, но и членом Политбюро ЦК КПЮ, хотя и редко участвовал в работе последнего. Лескошек заявил: «Сопrotивление Белграду это порой лишь сопротивление некоторым людям, которые из Белграда приезжают регулировать готовые вопросы в Словению. Эти люди порой [применяют] неправильные методы. Поэтому: у нас не сопротивление против централизма или правительства, но прежде всего сопротивление против методов работы

вышестоящих людей» [6, s. 36]. Главный поборник централизма Борис Кидрич вынужден был оппонировать, доказывая, что бюрократизм «на юге» (т.е. в центре) не растет. Для сравнения: когда берешь протоколы заседаний Политбюро ЦК КП Хорватии за этот же период, там даже намек на такую дискуссию найти нельзя. Там в принципе не существовала проблема: может ли быть оправданной критика союзных властей?

Показательно заседание Политбюро от 17 декабря 1945 г. касательно поставок угля. В декабре 1945 г. сложилась напряженная ситуация в югославской энергетике: топлива и электричества не хватало. Внезапно союзное правительство прислало в Любляну телеграмму, где потребовало от Словении передать в свое распоряжение часть местных запасов угля. Между тем, в республике лишнего угля не было. Она в тот момент не могла даже выполнить свои обязательства по поставкам электричества в Хорватию. Для обсуждения возникшей проблемы собралось заседание Политбюро. На нем опять-таки Лескошек оспаривал распоряжения свыше. Он считал, что приказ союзного правительства выполнить нельзя. Он доказывал, что вина союзных властей в дефиците угля больше, чем вина Словении. Даже Кидрич, который ему опять возражал, в ряде вопросов с ним соглашался, например, что словенские шахтеры лучше, чем шахтеры в остальной Югославии. В конечном итоге члены Политбюро решили выполнить требования правительства, организовав дополнительную добычу угля, а не просто отдав часть запасов. В этой истории обращают на себя внимание два момента: характер обсуждения проблемы и подход к ее решению. Во-первых, словенское Политбюро свободно обсуждало, в чем союзная власть не права и как ее действия задевают интересы республики. В том же хорватском Политбюро в этот период ничего подобного не было. Во-вторых, решение искали такое, чтобы выполнить требование и при этом учесть местные интересы. Принцип был сформулирован так: «Мы должны дать на юг, раз требуют. Также наши фабрики не должны остановиться из-за отправки угля на юг, и нужно также в этом отношении найти решение» [6, s. 55]. Словенские историки любят цитировать только первое предложение и чаще всего не упоминают, кто автор этих слов. Ирония истории заключается в том, что их произнес Стане Кавчич. Возглавив Словению в 1960-е гг. он старался поставить дело так, чтобы не давать «на юг» вообще ничего. Словенская историография его за это ценит и не испытывает охоты афишировать «темные пятна» в его политических взглядах.

Еще одно показательное заседание Политбюро состоялось 11 октября 1946 г. На нем Кидрич излагал свою программную речь, произнесенную 4 октября 1946 г. на совещании в Белграде. Речь касалась проблемы дальнейшего строительства нового хозяйственного механизма и среди прочего усиления централизации. Речь Кидрича полностью опубликована в его сочинениях. Когда сравниваешь речь и протокольную запись о ней в словенском Политбюро, бросается в глаза серьезное смещение акцентов. В Белграде Кидрич направил острие критики на республиканский партикуляризм по отношению к центру и республиканский централизм по отношению к нижестоящим административным единицам. Союзный централизм, по его мнению, не представлял никакой опасности, так как шел на спад [1, s. 305-307, 319-320]. В Любляне, если верить записи, он тоже говорил о проблемах партикуляризма и бюрократического централизма, но по-другому. Республиканский партикуляризм он вывел из-под удара, зато призвал направить борьбу против республиканского централизма, но при этом «сигнализировать и о явлениях союзного централизма» [6, s. 73]. В Белграде к борьбе с союзным централизмом он не призывал.

Это расхождение можно объяснить двояко: либо сам Кидрич сместил акценты, либо их сдвинул писавший протокол, исходя из понимания опасностей, созвучного настроением органа, чью документацию он ведет. Тогда за составление протоколов отвечал Кавчич. Оба варианта объяснения, тем не менее, приводят к одинаковому выводу: для словенского Политбюро борьба с союзным централизмом была важнее, чем для их коллег из других республик, а борьба с республиканским партикуляризмом наоборот представлялась менее приоритетной, чем это выглядело за пределами Словении.

Таким образом, поддерживая политику центрального правительства Югославии, словенское Политбюро не вело себя как простой передаточный элемент в механизме госаппарата. Оно старалось действовать осмысленно: не быть слепым орудием центра и учитывать интересы республики. Более того, в Политбюро входил как минимум один явный сторонник республиканизма – Франц Лескошек. Для него интересы республики стояли на первом месте, а его отношение к Белграду было весьма критическим. Эти обстоятельства открывали возможность для эволюции словенского Политбюро как в сторону большего республиканизма, так и в сторону большего централизма в зависимости от воздействия последующих обстоятельств.

В 1945-1947 гг. Политбюро ЦК КПС все-таки делало выбор в пользу централизации и ограничения республиканизма. Уже 3 августа 1945 г. его члены настаивали, что нужно запретить в министерствах дискуссии об отношениях Словения-Югославия, доведя до них официальную

позицию ЦК [6, s. 35]. С декабря 1945 г., после назначения Кидрича секретарем ЦК, курс на подавление республиканизма усилился. 4 марта 1946 г. Кидрич выступил с большой речью на конференции партактива Словении, где много внимания уделил сепаратизму в экономике. Он провозгласил, что основная задача парторганизаций теперь – «борьба против шовинизма и национализма в области экономики и в других сферах», и призвал партийцев разоблачать противника по горячим следам [1, s. 183, 199]. 7 июня 1946 г. словенское Политбюро обсуждало кадровую политику и взяло на вооружение номенклатурный подход к расстановке кадров, хотя и без употребления термина номенклатура. При этом было сделано важное замечание о принципах, которыми должны руководствоваться отделы кадров и персонала. Они «будут следить за правильным размещением кадров с учетом потребностей всей Югославии» [6, s. 63]. Таким образом, кадровая политика тоже подчинялась задачам искоренения республиканизма. Кстати, по иронии истории автором приведенной цитаты вновь был Кавчич.

В первый же год борьба с республиканизмом в Словении дала неожиданный побочный эффект. Если в августе 1945 г. Иван Мачек отмечал на Политбюро, что противники централизма «явно выражают свое недовольство» [6, s. 35], то уже в марте 1946 г. Кидрич яркими красками живописал картину двойного поведения: «Я не говорю, что здесь находятся в центре политические сепаратистские тенденции. Ясно, что народные массы преданы Югославии, но факт, что у нас, даже у функционеров, на языке, на словах великое братство и единство, но в том, что касается экономики и единого обновления Югославии, укрепления силы Югославии как целого, у этих людей совсем противоположная практика. Часто случается: братство и единство на языке, но в то же время и радость, если ты от кого-то вокруг взял, если ты несколько больше контингента [товаров] удержал для себя, когда ты, в сущности, удержал для себя вещи без оглядки на то, прогрессирует ли обновление в целом или не прогрессирует». «Совершенно недопустимо, когда случается, что коммунисты в хозяйственных учреждениях от министерства до окружного и местного [народного] комитета официально занимают такую и такую позицию, а когда находятся сами, радуются, что могут говорить по углам». «Наши товарищи постоянно впадают в ошибку, о которой мы позавчера говорили, а именно, что исполнены слов о братстве и единстве, о революционности, а на практике этого нет. Они сами про себя убеждены, что правда – это то, о чем ворчат. На собраниях говорят одно, а из-за углов другое» [1, 183, 199].

Эти наблюдения Кидрича имеют важное источниковедческое значение для исследователя. Получается, что начиная с 1946 г. проявления республиканизма в Словении и особенно его крайних форм очень трудно отследить по письменным источникам. Сторонники республиканизма могли и дальше действовать в духе своих воззрений, но декларировать прямо противоположное. Поэтому выявлять республиканизм можно преимущественно по совокупности фактических действий его сторонников, отраженных в источниках лишь косвенно. Такая картина сохранялась до начала 1950-х гг.

Централистски настроенным словенским лидерам того времени казалось, что республиканизм, даже доросший до степени сепаратизма, исторически преходящее явление, которое уйдет в прошлое в связи с успехами строительства социализма. Кидрич даже развил теорию, объясняющую противодействие централизации в Словении. По его мнению, здесь сказывался исторический опыт малого народа, для которого в прошлые эпохи противодействие любому централизму служило важным способом национального самовывживания [1, s. 180, 181, 198; 2, s. 364; 6, s. 36]. Теоретики того времени вполне логично могли ожидать, что развитие национального словенского государства и общественной собственности оставит республиканизм в прошлом. Но с высоты сегодняшнего дня этот вывод опровергнут практикой. Возникает правомерный вопрос: в чем истоки его теоретической несостоятельности?

На наш взгляд корень этих неверных ожиданий в ошибочном понимании природы общественного строя, который они создавали. В Югославии формировался вовсе не социализм, а государственный капитализм – общество, в котором проблемы собственности и накопления капитала играют решающую роль, как и в рамках обычного капитализма. Правда, борьба за собственность проявляется в несколько иной форме – а именно в форме права управления и распределения управленческих полномочий, контроля за потоками инвестиций и товаров. Именно данные проблемы составляли суть конфликтов по линии республика – центр. Таким образом, это были не случайные конфликты – они отражали объективный конфликт интересов в рамках государственного капитализма, а потому не могли быть преодолены в ходе его строительства. Если мы говорим о государственном капитализме, то должен быть и господствующий класс, в рамках которого происходят все эти конфликты за контроль над капиталами и факторами их накопления. Такой господствующий класс формировался в это время в лице партийно-государственной бюрократии, которая обслуживала процесс накопления капитала. По происхождению многие представители этого

класса были рабочими и крестьянами, поэтому им требовалось время, чтобы изменить свои привычки и сперва бессознательно вести себя в соответствии с их новым классовым положением, а затем, на более отдаленном этапе, осознать свой классовый интерес. Более того, верхи словенской партийно-государственной бюрократии с известным критическим отношением все-таки в большинстве своем поддерживают курс югославского правительства на централизацию, и тем самым на этапе с мая 1945 по начало 1947 г. противостояли поведению, к которому их толкало объективное положение в системе госкапитализма. Им нужно было время, чтобы они осознали себя не лидерами парторганизаций региона, а отдельным политическим центром со своими особыми интересами, отличными от общесоюзных. Атмосфера значительной независимости суждений, свойственная словенскому Политбюро, закладывала для этого процесса благоприятную предпосылку, которой не было в других республиках. Наконец, в Словении в рядах господствующего класса оказалось достаточно много людей, испытавших влияние словенского национализма, а общественное мнение республики из-за специфической политики КПЮ в годы войны не было готово к ограничению полномочий Словении в пользу союзного центра. Это закладывало предпосылку, облегчающую идеологическое осознание классового интереса республиканской партийно-государственной бюрократией, причем в формах националистического сознания.

Разумеется, если бы в 1945-1947 гг. с такими выводами ознакомился не только Борис Кидрич, но и любой теоретически грамотный партийный пропагандист, ему было бы что на это возразить. Он бы указал, что конфликты интересов обусловлены не объективными свойствами создаваемой системы, а пережитками прошлого, с которыми партия решительно борется. Он бы справедливо заметил, что люди входят в строительство социализма такими как есть, как их сформировал капитализм, и несут в себе привычки, сформированные у них этим строем. Невозможно избавиться от этих привычек «в одночасье» - новый человек не рождается в готовом виде. Он изменяет реальность и строя социализм постепенно переделывает самого себя. Еще бы он добавил, что партия борется с бюрократизмом, следит, чтобы чиновники не теряли связи с народными массами.

Ответить на эти возражения на материале 1945-1947 гг. конечно же было бы невозможно, так как югославская общественная система еще только формировалась, а ее последующая траектория и финал развития были неизвестны. Социальный опыт, накопленный в годы становления нового строя, был слишком мал, чтобы уверенно судить о его природе и перспективах развития. Это можно сделать только с высоты сегодняшнего дня.

Список литературы

1. Kidrič, B. Sabrana dela / B. Kidrič. – Beograd: Komunist, 1985. – Knj.4. – 569 s.
2. Milosavljević, O. “Centralizam” i “republikanizam” (Nacionalizam u Jugoslaviji 1945-1955) / O. Milosavljević // Socijologija. – 1992. - № 3. – S.359-370.
3. Prinčič J. Mesto Slovenije v procesu industrijalizacije Federativne Jugoslavije (1945 - 1956) / J. Prinčič // Slovenci in država. - Ljubljana: SAZU, 1995. – S.345-354.
4. Prinčič, J. Slovensko gospodarstvo v drugi Jugoslaviji / J. Prinčič. – Ljubljana: Modrijan, 1997. – 88 s.
5. Štih, P. Slovenska zgodovina: družba – politika – kultura / P. Štih, V. Simoniti, P. Vodopivec. – Ljubljana: Institut za novejšo zgodovino, Sistory, 2008. – 574 s.
6. Zapisniki Politbiroja CK KPS/ZKS, 1945-1954. - Ljubljana: Arhivsko društvo Slovenije, 2000. – 386 s.

Статья поступила в редакцию 13.12.2020

Shakhin, Y.V. Position of Slovenian Politburo Towards Republicanism (1945-1947)

The article examines the position of the party leadership of Slovenia which it held in relation to the conflict between the interests of the republic and the federation in 1945-1947. The author shows that the Politburo of the Central Committee of the Communist Party of Slovenia as a whole took the side of the central authorities, but at the same time allowed itself to discuss the fairness of their demands and even then took care of the interests of the republic. At that time, it was not yet aware of the specifics of its regional interests, but even then it was not ready for blind submission. In the future, these features opened up the opportunity for a change of priorities and the advancement of republican interests to the fore. The author examines the balance of power in the leadership of Slovenia from the standpoint of the theory of state capitalism.

Keywords: Yugoslavia, Slovenia, communist party, federal state, centrifugal processes.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

* * *

УДК 323.396:321.02(620)''2011/2013''

В статье анализируется роль политической элиты Египта в событиях Арабской весны. Рассматриваются причины вовлечения различных политических групп в протестные акции 2011 г. Протестные движения, инициируемые толпой, не смогли бы увенчаться успехом, если бы не была оказана поддержка различных политических сил, преследующих свою выгоду от свержения правительства Х. Мубарака. Приводятся характеристики основных политических сил Египта до протестных акций и ввремя т. н. «переходного периода» (2011 – 2013 гг.): военной элиты, либерально-демократического блока, а также особое внимание уделяется позиции исламистов.

Ключевые слова: Арабская весна, «Братья-мусульмане», Х. Мубарак, протесты в Египте, политическая элита.

С. А. Бичаков, аспирант

Севастопольский государственный университет

E-mail: bichakov@mail.ru

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В СОБЫТИЯХ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ В ЕГИПТЕ (2011 – 2013 ГГ.)

В начале 2011 г. в арабском мире произошла волна социально-политических протестов, названных в историографии «арабской весной». Довольно быстро протестные акции вылились в революционные события, направленные против правящих режимов ряда государств Северной Африки и Ближнего Востока с целью их свержения.

Катализатором, вспыхнувших протестов выступали разного характера социально-экономические и социально-политические противоречия в государствах арабского Востока. Причем были противоречия как повсеместные – встречавшиеся практически во всех странах, затронутых арабской весной, так и отдельные – наблюдаемые в конкретной стране.

Основные причины протестных акций были связаны с внутренними проблемами арабских государств, с которыми они вошли во второе десятилетие XXI в. Мировой финансовый кризис 2009 г., довольно сильно ударил по экономикам арабских государств, что в свою очередь нанесло серьезный ущерб по важнейшим отраслям национальных экономик, приведший к инфляции, сокращению экспорта и покупательной способности. Экономический кризис привел к еще большему обнищанию среднего и низшего слоя арабского общества.

Экономические проблемы дополнялись социально-политическим застоем арабских правительств и проблемами демократического развития общества. Самым серьезным раздражителем арабского общества являлся тот факт, что в ряде государств главами правительств являлись несменяемые руководители, пришедшие к власти (в том числе насильственным путем) еще в прошлом веке. В результате, к моменту революционных событий 2011 г., в арабских странах происходила монополизация власти наиболее приближенными к несменяемому правителю государства, что в свою очередь порождало главные внутренние социально-политические причины арабских волнений – коррупцию и безработицу.

Какими бы ни были «истинные» причины «арабского пробуждения», ясно одно – рядовые граждане арабских стран не смогли бы добиться поставленных протестными акциями целей без поддержки отдельных политических элит, состоящих как в оппозиции, так и находящихся в действующем правительстве. Наглядным примером роли политических элит в осуществлении революций являются события, происходившие в январе 2011 г. в Египте.

В целом, «египетский сценарий» арабской весны начал развиваться в русле происходивших событий в Тунисе. Главной целью протестующих было свержение действующего тогда президента Египта, «последнего фараона» Хосни Мубарака, а также предполагаемое за этим расширение

демократических прав и свобод в стране. Очагом протеста стала главная площадь Каира – площадь Тахрир.

Очень скоро на месте площади возник палаточный городок, где, начиная с 25 января (в «День гнева»), происходили непрекращающиеся и беспрецедентные акции протеста, с которыми силами одной только полиции невозможно было справиться. Однако успешное проведение протестных акций и дальнейшее свержение правительства во главе с Х. Мубараком стало возможным благодаря позициям главных акторов египетской политики – военных, экономической элиты (включая либерально-демократический блок), а также представителей различных религиозных организаций и сообществ.

Расстановка политических сил накануне протестных движений

В самом начале революционных событий происходил внутренний конфликт элит, связанный с противостоянием т. н. «старой гвардии» и «молодой гвардии». «Старой гвардией» именовалось высшее военное руководство и силовые структуры страны, сохранявшие за собой достаточно прочные позиции в египетской вертикали власти. «Молодой гвардией» являлись представители новой экономической элиты страны, группа ведущих бизнесменов Египта, включая сына, еще действующего на тот момента президента – Гамаль Мубарака.

Противоречия между старой и новой элитой были обоснованы историческим значением армии в политике Египта еще с XX в. После того как 6 октября 1981 г., во время военного парада в Каире был убит президент Анвар Садат, руководство страной перешло вице-президенту страны Хосни Мубараку. Для упрочнения своего положения, Мубарак принял ряд мер, в числе которых было введение чрезвычайного положения в стране, а также инициирование коррупционных расследований, связанных с приближенными бывшего президента Садата, в том числе с его родственниками. Являясь выходцем из военной верхушки, Мубарак на начальном этапе своего правления опирался на поддержку, оказываемую военными.

Военная элита Египта контролировала не только вооруженные силы страны, но и получала преференции и колоссальный доход в экономической сфере государства. Помимо военных предприятий, в их пользование поступали: большие земельные массивы, различная недвижимая собственность, автозаправочные станции, строительные и транспортные предприятия, фабрики и заводы, выпускающие не только продукцию оборонного назначения, но и различную бытовую продукцию гражданского потребления, вплоть до телевизоров и холодильников [6, с. 96].

Однако в начале XXI века, с реализацией экономических реформ в Египте, к военной элите прибавляется бизнес-элита, которая постепенно начинает контролировать экономический блок египетского правительства, стремясь ускорить проводимые экономические реформы. Так, на пост премьер-министра Египта в 2004 г. был назначен Ахмед Назиф, собравший вокруг себя образованную команду экономистов, в большинстве своем получивших образование на Западе [6, с. 97].

В итоге, финансово-экономический блок правительства постепенно переходил в руки «молодой гвардии», что не могло не беспокоить военных. По мнению американского социолога Непштада, помимо обеспечения безопасности от внешних угроз государства, военные приобретали ценную недвижимость и предприятия, посредством которых контролировали 40 % экономики страны [6, с. 96].

Кроме этого, серьезные опасения в военных кругах вызывали распространявшиеся слухи о назначении президентом Мубараком своим преемником сына Гамаль. Являясь сторонником (и фактически «руководителем») «молодой гвардии», Гамаль смог бы осуществить политику приватизации экономической собственности военных. Причем подобный сценарий мог осуществиться. Крупные бизнесмены вполне могли бы в случае прихода к власти Гамаль Мубарака, «перенять» собственность военных, ссылаясь на неэффективность использования вверяемой им собственности. К моменту протестных движений, «молодая гвардия» занимала доминирующее положение в Совете Шура и Национал-демократической партии, где ключевой пост руководителя политического комитета с 2002 г. сохранялся за Г. Мубараком.

Во время протестов армия стремилась воспользоваться происходившей неразберихой и досадить своим политическим оппонентам. В течение всех протестных движений, египетская армия эффективно охраняла все важные государственные объекты, жестко пресекая любые попытки протестующих их захватывать. Но в тоже время в самые первые дни революционных событий (28–29 января 2011 г.) армия позволила оппозиционным манифестантам захватить, разгромить и сжечь

штаб-квартиру Национально-демократической партии, руководителем которой был Гамаль Мубарак [6, с. 98]. Таким образом, военная элита, используя протестующих наносила серьезный удар по «молодой гвардии», в особенности по их представителям.

В общем, позицию «старой гвардии» в революционных событиях января-февраля 2011 года, можно охарактеризовать как «доброжелательный нейтралитет» по отношению к манифестантам. Отчасти это связано с нежеланием военной верхушки «проливать кровь», а отчасти с возможностью еще больше усилить свои позиции в политическом истеблишменте страны.

Разительно отличалась позиция «молодой гвардии» в происходивших протестных акциях. Отчасти на деньги бизнес-элит осуществлялись попытки разогнать протестующих силами внутренних органов и «сторонниками» действующего президента Мубарака. Причем, по мнению российских исследователей Л. Исаева и А. Коротаева: «если бы протестующие на Тахрире подверглись удару государственных репрессивных сил, а не нанятых бизнесменами люмпенов, вряд ли результатом конфронтации была бы столь легкая «победа революционных масс» [6, с. 97]. Кроме этого, в либерально-демократическом крыле, поддерживающем «молодую гвардию», начались брожения. В дальнейшем, ряд политических сторонников бизнесменов перейдет к исламистам, обретающим с каждым днем протестов все большее влияние.

В тоже время в противоречия между «старой» и «молодой» гвардией вмешалась третья сила, которая также претендовала на власть в стране. Этой влиятельной политической силой, являлся религиозный (исламистский) политический блок. Данный блок представляла ассоциация «Братья-мусульмане» (запрещенная в РФ), а также суфийские и салафитские движения. При втором президенте Египта Г. Насере деятельность ассоциации в стране находилась под запретом. Несмотря на поддержку, оказываемую исламистами в свержении монархии и поддержке революции 1952–1953 гг., военная верхушка во главе с Насером усмотрели угрозу республиканскому правлению, и, в частности, угрозу существованию «молодому» режиму. Учитывая симпатии простых египтян к «Братьям-мусульманам», правительство Насера было против подобной конкуренции, которая к тому же могла пошатнуть светские устои молодой республики.

Однако находясь «в подполье», организация не останавливалась в своих стремлениях обрести политический вес в государстве. К тому же, общественная ситуация в Египте к этому подталкивала. На рубеже 1980-1990-х гг. с обрушением доктрин «национальных социализмов» из арабской общественной мысли почти полностью исчезла левая, социалистическая идеология. Образовавшийся вакуум необходимо было как-то заполнить, иной, но схожей идеологией, дающей надежду населению на преодоление социально-экономических кризисов [11, с. 30]. Подобную идеологию могли предложить исламисты.

С приходом к власти Хосни Мубарака в начале 1980-х гг. «Братья-мусульмане» продолжали оставаться за пределами государственной политики. Им было запрещено формировать собственную политическую партию ввиду того, что Конституция Египта исключала возможность создания политической партии по религиозным признакам [9, с. 113]. Но в тоже время ассоциация имела возможность проводить небольшие мирные акции [11, с. 31].

Несмотря на периодически выдвигаемых из своего окружения «независимых» кандидатов на парламентские выборы, а также сотрудничество с некоторыми другими политическими партиями, преследуемых целей достигнуть не удавалось. В самом правительстве Мубарака попросту не давали возможности выдвигаемым независимым кандидатам (если они поддерживали контакты с ассоциацией) пробиться в парламент законным путем.

Для лидеров «Братьев-мусульман» протестное движение было выгодно. Однако в первые дни протестов позиция «Братьев-мусульман» отличалась пассивностью. Отчасти это было связано с проблемой достоверности информации о действительном положении и внутренней стабильности (взаимодействия правящих элит и позиции военных) политического режима Мубарака в первые дни революционного движения. По-видимому, лидеры ассоциации боялись очередных репрессий против своего движения в случае провала протестных акций [11, с. 31].

В дальнейшем, «Братья-мусульмане» определились с тактикой ведения протестных акций. Так, ассоциация решила не принимать участие в демонстрациях различных политических движений и организаций. Свою позицию они аргументировали тем, что призывы вывести людей на улицы исходили из социальных сетей и были адресованы не политическим партиям и движениям, а напрямую народу. В этой связи «Братья-мусульмане» приняли решение не участвовать в акциях протеста в качестве организованной группы. Однако эта позиция руководства ассоциации несколько

не запрещала ее членам участвовать в демонстрациях индивидуально (что на самом деле происходило). Только 28 января «Братья-мусульмане» приняли официальное решение о полномасштабном присоединении к протестам [6, с. 100].

Кроме этого, перед началом протестов «Братья-мусульмане» преследовали относительно «скромные» цели: получить признание правительства, право сформировать политическую партию и в конечном итоге участвовать в политической жизни страны [9, с. 114].

При этом, осуществление намеченных целей привело к спору внутри организации и дальнейшему расколу на «умеренных» и «консерваторов». Умеренные считали, что для сохранения Ассоциации, пусть и на полулегальном положении, необходимо выбрать тактику «малых шагов» – принимать условия режима, по возможности участвовать в выборах, но параллельно с этим последовательно расширять поле своей общественной и политической деятельности. Такая сдержанная позиция позволяла «братьям» сохранять становой хребет Ассоциации. Консервативное крыло выступало против компромиссов с властями, полагая, что игра по правилам режима дискредитирует движение. Они предлагали всеми способами добиваться падения «прогнившего» режима – «лакея США». Радикальные позиции консервативного крыла служили для властей отличным поводом для продолжения репрессий, которые в конечном итоге наносили урон всей ассоциации [8, с. 356].

Конфликты с властью, никак не отражались на их деятельности в социальной сфере. Многолетняя работа с населением, оказание помощи нуждающимся, создание собственной социальной инфраструктуры (школы, госпитали, диспансеры) и благотворительная деятельность стали залогом популярности Ассоциации среди бедных египтян [8, с. 356–357]. Благодаря разветвленной сети ячеек на местах, «Братья-мусульмане» оказались самой организованной силой.

В начале 2011 г. только в Каире под эгидой «братьев» действовали, по разным оценкам, около 500 благотворительных организаций. Реальная помощь населению со стороны ассоциации особенно ярко контрастировала с высоким уровнем коррупции, ростом неравенства и неэффективностью государственной социальной политики [8, с. 357]. По мнению российского исследователя И. М. Моховой, также была выгодна правительству Мубарака: «Социальная деятельность «братьев» была своеобразным «амортизатором» для режима, снимая напряженность в наиболее уязвимых местах и поддерживая относительную стабильность. Именно поэтому власти не препятствовали социальной работе «братьев» [8, с. 358].

Благодаря использованию исламских тезисов и терминов как в политическом дискурсе, так и в повседневной деятельности, Ассоциация выстроила прочную «связь» с египетским населением. В этих условиях любое давление или репрессии режима представлялись «братьями» как борьба «прогнившего режима» и союзника США не просто с Ассоциацией, но и с исламом. Именно исламская идеология позволила «братьям» прочно укорениться в египетском обществе.

Позиции политических элит после протестов и свержения Х. Мубарака

Итак, понадобилось всего 23 дня, чтобы свергнуть режим, просуществовавший 30 лет. С началом массовых беспорядков в Каире 25 января 2011 г., началась агония правительства Х. Мубарака. Уже 11 февраля президент объявил о своей отставке, после которой был сразу же арестован [2, с. 21].

Какие изменения произошли в расстановке политических сил Египта в переходный период после свержения Х. Мубарака?

1) *Военный блок.* Военная элита не потеряла свои позиции во время протестных движений, а наоборот – ее позиции упрочились. По мнению российского эксперта И. Чайко, в ходе арабской весны армия стала единственным институтом, способным стабилизировать ситуацию в стране. Причем, Высший совет вооруженных сил поначалу стал во главе правительства.

Военное руководство пообещало отмену чрезвычайного положения, проведение президентских и парламентских выборов и последующую передачу власти демократически избранному правительству. Предпринятые командованием национальных вооруженных сил шаги, способствовали тому, что происходящие в Египте события приобрели контролируемый со стороны высшего военного совета характер [10, с. 80].

Военным удалось провести ряд реформ, прежде всего, содействовать составлению проекта новой конституции, которая была принята на референдуме в марте 2012 г. [5, с. 171]. В 2013 г. именно военные, занимавшие нейтральную позицию в ходе противостояния президента Х. Мубарака и оппозиции, в решающий момент взяли власть в свои руки и сместили с президентского поста

ставленника «братьев-мусульман» М. Мурси. В 2014 г. президентом Египта станет выходец из военной среды А. Ас-Сиси.

2) *Либерально-демократический блок (частично представители «молодой гвардии»)*. Во время протестных акций сформировался широкий оппозиционный блок, в котором объединились левые молодые либеральные революционеры-секуляристы и исламисты, что в свою очередь обеспечило быстрый успех протестующих [6, с. 100]. Однако дальнейшие события, после протестов (вплоть до «контрреволюционных» событий 2013 г.), продемонстрировали глубокий раскол оппозиционного «макроблока».

Именно либерально-демократический блок оказался самым слабым компонентом при создании нового правительства Египта. По мнению российского исследователя Г. Мирзаяна: «Они (либералы – С. Б.) фактически проиграли все, что можно, и превратились из субъекта в объект египетской политики. При этом поначалу их считали едва ли не главной силой постмубараковского Египта» [7, с. 114]. Вместо объединения в одну серьезную политическую силу – либерально-демократические партии оказались разобщенными. Партии «Аль-Гад», «Новый Вафд», «Свободная египетская партия», «Либеральные демократы», имевшие, в общем, одинаковые взгляды, цели и принципы, погрязли в выяснении отношений, спорах о судьбе Мубарака и его сыновей, о легитимности нахождения у власти Высшего совета вооруженных сил [7, с.115]. В результате несогласованности действий либерально-демократический блок в погоне за властью проиграл исламистам.

3) *Религиозно-исламистский блок*. Во время переходного периода, перед выборами в Народное собрание в январе 2012 г. происходило соперничество приверженцев светского пути развития страны и нескольких проектов политического ислама, которые конкурировали и между собой, и со светскими силами [1, с. 203]. Причем «простые» египтяне (имеются ввиду египтяне-мусульмане) активно поддерживали религиозное крыло, позволив укрепить позиции исламистов в парламенте в 2012 г.

После свержения Х. Мубарака с поста президента Египта оппозиционные исламские движения получили возможность включиться в реальную борьбу за власть. Исламистские группировки получили право легально формировать политические партии. Появилось множество партий, представляющих широкий спектр исламистских политических мыслей: от «Братьев-мусульман» до радикальных салафитских групп [5, с. 173].

«Братья-мусульмане», получив легальную возможность участвовать в политической жизни страны, стремились полностью изменить общество и государственный строй, консолидировать мусульман Египта. С этой целью, еще в 2011 г. была образована Партия свободы и справедливости. Политический лозунг партии: «Ислам – вот решение!» являлся неоспоримым и поддержанным значительной частью египетского общества [3, с. 158]. В июне 2012 г., руководитель партии М. Мурси был избран главой государства [4]. Дополнительную поддержку «братьям» оказывал престижный, старейший мусульманский университет Аль-Азхар, тем самым усиливая религиозно-политический вес ассоциации [5, с. 174].

Помимо «Братьев-мусульман» в политическую борьбу стали вовлекаться различные суфийские и салафитские движения, создавая новые политические партии. Так, отойдя от традиционной тактики невмешательства в политические события Египта, движение «Салафитский призыв» сформировало свою собственную партию «Ан-Нур» [1, с. 203; 12]. Во время избирательной кампании «Ан-Нур» позиционировала себя как по-настоящему новую политическую силу. «Ан-Нур» выступала как новая партия, также, как и «Братья-мусульмане», ранее подвергавшаяся преследованиям, но не запятнавшая себя сотрудничеством с режимом. Лидеры салафитов обвиняли «братьев» в отрыве от жизни обычных людей, прежде всего сельской бедноты. В своей агитации салафиты использовали дискурс социальной справедливости [1, с. 206]. На парламентских выборах 2011 – 2012 гг. партия «Ан-Нур» заняла второе место и была второй по популярности исламистской партией. Тем самым, появление салафитских политических партий привело к конкуренции в исламском политическом поле. Теперь ни одна мусульманская партия не могла выступать от имени всех мусульман.

Таким образом, египетская революция 2011 г. одержала неожиданно легкую победу ввиду позиций политической элиты. Протестные акции не увенчались бы успехом без поддержки политических элит, заинтересованных в усилении своих позиций в новом правительстве.

В период «арабской весны» в Египте (2011 – 2013 гг.) политические элиты стремились достигнуть различных целей. Военные («старая гвардия»), не применяя силу против протестующих надеялись на упрочнение своих позиций в египетском обществе, а также усиления влияния на

сформировавшееся новое правительство. Либерально-демократические партии (при поддержке некоторых выходцев из «молодой гвардии») стремились завладеть властью с помощью протестных движений, и провести прогрессивные реформы, нацеленные на выход из экономического кризиса и расширение демократических прав и свобод. Исламистские силы стремились легитимизировать свою деятельность в правительстве, а также предоставить альтернативный путь развития Египта, направленный на консолидацию общества вокруг ислама.

Однако либерально-демократические партии не смогли образовать единое правительство, чем воспользовались исламисты, придя к власти летом 2012 г. Их реформы не имели под собой конкретных действий, направленных на выход из кризиса переходного периода. К тому же в стане исламистов также произошло брожение и разделение религиозного истеблишмента на «официальных» (включающих «Братьев-мусульман») и «теневых» (различные салафитские движения). В конечном итоге, летом 2013 г. власть захватили военные, сместив исламистов с правительственных постов и назначив новое правительство, положив конец переходному периоду.

Список литературы

1. Абалян, А. И. Роль салафитской партии «Ан-Нур» в современном Египте / А. И. Абалян, А. Л. Магомадов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. – 2017. – № 3. – С. 202 – 209.
2. Азимов, Т. М. «Молодежный бугор» – фактор свержения режима Х. Мубарака / Т. М. Азимов // Казанский вестник молодых ученых. – 2020. – № 1. – С. 16 – 22.
3. Исаев, Л. М. Генералы ушли, генералы вернулись: Египетской революции три года / Л. М. Исаев // Россия и мусульманский мир. – 2014. – С. 151 – 159.
4. Исламистская организация «Братья-мусульмане» // ТАСС – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/680792> (дата обращения: 20.12.2020).
5. Кадилова, Г. Ш. Арабская весна как попытка демократизации Ближнего Востока по западному образцу / Г. Ш. Кадилова // Государственное управление. Электронный вестник. – 2020. – № 81. – С. 165 – 184.
6. Коротаев, А. В. Анатомия египетской контрреволюции / А. В. Коротаев, Л. М. Исаев // Россия и мусульманский мир. – 2015. – С. 95 – 112.
7. Мирзаян, Г. «Зеленое» будущее Египта (приведут ли «Братья-мусульмане» к большой войне на Ближнем Востоке) / Г. Мирзаян // Россия и мусульманский мир. – 2013. – С. 113 – 127.
8. Мохова, И. М. Эволюция «Братьев-мусульман» в «послереволюционном» Египте / И. М. Мохова // Конфликты и войны XXI века. Ближний Восток и Северная Африка. – М.: ИВ РАН, 2015. – С. 354 – 380.
9. Сабери, Ф. Политический ислам в Египте: причины поражения «Братьев-мусульман» и Мухаммеда Мурси / Ф. Сабери // Власть. – 2014. – № 10. – С. 113 – 115.
10. Садери, Ф. Братья-мусульмане в Египетской революции 2011 г. / Ф. Садери // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2014. – № 2. – С. 78 – 82.
11. Сурков, Н. Ю. Место религиозных партий в политических системах арабских стран / Н. Ю. Сурков // Исламоведение. – 2020. – № 1. – С. 26 – 37.
12. Хизриев, А. Я. Внутренняя политика Египта: 5 лет после революции Тахира / А. Я. Хизриев // Россия и мусульманский мир. – 2016. – С. 72 – 93.

Статья поступила в редакцию 25.12.2020

Bichakov, S. A. *The Role of the Political Elite in the Events of the Arab Spring in Egypt (2011 – 2013)*

The article analyzes the role of the Egyptian political elite in the events of the Arab spring. The reasons for the involvement of various political groups in the protest actions of 2011 are considered. The protest movements initiated by the crowd could not have been crowned with success if it had not been for the support of various political forces pursuing their own benefits from the overthrow of the government of H. Mubarak. The article describes the main political forces of Egypt before the protests and during the so-called "transition period" (2011 - 2013): the military elite, the liberal-democratic bloc, and special attention is paid to the position of the Islamists.

Keywords: Arab spring, "Muslim brothers", H. Mubarak, protests in Egypt, political elite.

УДК 316.354:352.07-048.35(470.75-21)

Рассматриваются некоторые проблемы и особенности модернизации института местного самоуправления как основной формы в сфере реализации народовластия в городе федерального значения Севастополь. Сформулированы некоторые авторские выводы, предложения и возможные риски модернизации органов местного самоуправления, обеспечения межмуниципального сотрудничества в городе федерального значения Севастополь.

Ключевые слова: муниципальная власть, муниципальное управление, муниципальная собственность, муниципальное имущество, муниципальный бюджет, межмуниципальное сотрудничество.

Л. Л. Бунецкий, доцент, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: bunetskiy@mail.ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ГОРОДЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЬ: ОСОБЕННОСТИ И НОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

Организация муниципального управления в современных реалиях все чаще сталкиваются с быстрыми изменениями потребностей и настроений населения, нормативно-правовой базы осуществления их полномочий, другими изменениями не только внутренней, но и во внешней их жизнедеятельности. Для того, чтобы соответствовать новым условиям, необходимо непрерывно адаптироваться к происходящим переменам. Необходимо найти причины и ответы на такие вопросы, как: что является главным тормозом создания эффективной системы, стратегии социально-экономического развития местного территориального самоуправления, проблемных зон и каковы возможные пути устранения этих препятствий.

Краткая ретроспектива вопроса. Очевидно, создано эксклюзивное явление в общественно-политической жизни России – некий «феномен Севастополя»: во-первых, опыт Севастополя в построении системы местного самоуправления совершенно уникален в силу особенностей нашей истории и статуса Севастополя как города федерального значения. Все то, что построено за прошедшие годы, как бы банально это ни звучало, сделано было «с нуля»: у нас не было приобретенного опыта и устоявшихся нормативов и традиций российского местного самоуправления, не было готового ориентира или модели для его формирования и действий.

Город Севастополь точно так же, как Москва и Санкт-Петербург, представляет собой единый хозяйственный комплекс, в силу чего многие вопросы местного значения в нем более целесообразно решать на уровне субъекта РФ в целом. При этом перечень вопросов местного значения, источники доходов местных бюджетов внутригородских муниципальных образований определяются законами субъекта РФ – города федерального значения Севастополя, исходя из необходимости сохранения единства городского хозяйства.

В этой части город федерального значения Севастополь – скорее исключение, чем правило. В нем, как новом субъекте РФ, практически только начался процесс формирования института местного самоуправления. В условиях децентрализации власти, преодолевая в некоторых вопросах сопротивление институтов власти, можно увидеть явную тенденцию – местное самоуправление набирает сегодня полную силу и обороты. Де-юре и де-факто, все десять внутригородских муниципальных образований зарегистрированы в качестве юридических лиц, приняты их уставы, прошли общественные слушания и приняты местные бюджеты, активно начали работу их распорядительно-исполнительные органы – «местные администрации», набран штат сотрудников, разработаны и приняты первоначальные нормативные правовые акты, регламентирующие их деятельность и многое другое.

Во-вторых, как известно, во всех развитых странах мира местное самоуправление создавалось в несколько этапов, и этот процесс носил исторически длительный характер. В силу высоко взятых политических трансформаций у Севастополя времени для «эмпирического анализа» и «глубинных прогнозов» не было, поэтому пришлось строить «Рим...» буквально «за один год». И главными архитекторами были, безусловно, сами главы внутригородских муниципальных образований, муниципальный депутатский корпус, которому впервые как на практике, так и в теории пришлось решать вопросы развития своих территорий, вопросы местного значения, не имея на это особых

полномочий. В итоге уже сейчас, спустя после проведения муниципальных выборов, к реализации своих полномочий в полном объеме приступили сформированные органы местного самоуправления и должностные лица местного самоуправления образованных в результате преобразования муниципальных образований.

Безусловно, это был первый этап и первый созыв состава организации и развития местного самоуправления – создание внутригородских муниципальных образований... Безусловно, и профильному управлению Правительства пришлось от «А» до «Я» изучить и разработать весь этот процесс дорожной карты процесса развития местного самоуправления в городе и регионах. Нужно признать, немало удалось сделать, специалисты старались работать ответственно в тандеме с муниципалитетами, их главами и депутатами. Безусловно, это был положительный результат и опыт плодотворного творческого взаимодействия исполнительной, законодательной и муниципальной власти, системы местного самоуправления, который предыдущим Губернатором, Председателем Правительства Севастополя Д. В. Овсянниковым был разрушен и уничтожен.

Местное самоуправление в городе Севастополе определено есть, но оно особое, построенное не так, как в других регионах нашей страны. И начинался этот процесс правильно, главная ценность, которого в том, что оно должно открывать гражданам возможность самостоятельно решать свои локальные проблемы без указаний и распоряжений сверху. Но время, как и власть, меняется. Избран новый Губернатор Севастополя, новое Правительство, новые чиновники в сфере местного самоуправления. Нужно признать, что значительная часть чиновничьего состава прибыла из материковой России. Формируются новые, с опытом региональной практики, подходы и модели по развитию местного самоуправления. И источник проблемы здесь в одном – это поиск оптимального эффективного взаимодействия органов государственной власти с органами местного самоуправления. Ведь наделение или исключение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями – это исключительно компетенция органов государственной власти! В этом отношении, в отличие от государственной власти, местное самоуправление имеет определенные преимущества: во-первых, «круг» проблем местного значения лучше всего знаком и ближе всего местным жителям, которые как никто другой заинтересованы в успешной и качественной работе муниципалов и решении этих проблем. Во-вторых, местное самоуправление развивает в гражданах чувство инициативы, самоорганизации, содержит множество элементов прямой демократии, непосредственного участия граждан в управлении, оно непосредственно связано с каждым жителем и является с этой точки зрения важнейшим инструментом развития гражданского общества. Ведь именно участие граждан в непосредственном принятии решений наполняет местное самоуправление подлинным смыслом. В соответствии со ст. 2 Европейской хартии, местное самоуправление — это основа конституционного строя, выступающая одним из важнейших принципов организации и функционирования власти в обществе и государстве, которая является необходимым атрибутом любого демократического строя. Это означает установление демократической децентрализованной системы управления, которая базируется на самостоятельности территориальных громад, органов местного самоуправления при решении всех вопросов местного значения. В этой связи органы государственной власти, профильные органы в первую очередь, не то что должны, а обязаны не только создавать правовые и экономические основы развития системы местного территориального самоуправления, всех органов муниципальных образований, но и активно объяснять населению государственную политику в сфере развития местного территориального самоуправления, способствовать тому, чтобы севастопольцы имели реальную возможность и желание активно участвовать в решении вопросов местного значения, территориальном общественном самоуправлении.

Именно государственной власти законодательно даны полномочия в отношении местного самоуправления: право местных сообществ граждан на местное самоуправление, компетенцию, права и обязанности органов местного самоуправления; гарантии политической, экономической и организационной самостоятельности местного самоуправления; формы контроля за местным самоуправлением; минимальные стандарты услуг, оказываемых органами самоуправления населению. Власть следит за их выполнением, гарантируя тем самым определенную защиту населения в случае неэффективных действий или бездействия местных властей и др. Только действуя открыто, демократично, мы сможем обеспечить реализацию ключевых принципов, заложенных в Европейской хартии местного самоуправления, Конституции Российской Федерации, Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», Указах Президента Российской Федерации, постановлениях Правительства Российской Федерации, Законах города Севастополя и иных нормативно-правовых актах, регулирующих вопросы местного

самоуправления. Хотя для севастопольцев, смысл даже не в этих нормативных документах, имеющих большее значение для чиновников, а в действенной и эффективной работе института местного территориального самоуправления.

Проблема в том, где необходимо провести четкую границу между функциями и полномочиями системы государственного управления и местного самоуправления, когда местные муниципальные органы должны эффективно осуществлять «вопросы местного значения» и таким же образом решать определенные задачи и функции, делегированные им государственной властью. В этой части, нужно честно признать: в Севастополе еще не сложилась такая система. Главы многих внутригородских муниципальных образований жалуются, что курирующие департаменты Правительства, в частности городского хозяйства и др., в процессе взаимодействия не всегда торопятся проводить разъяснительную работу с сотрудниками муниципальных образований, каким образом можно более эффективно и результативно решить вопросы, связанные с осуществлением благоустройства своих территорий, контейнерных площадок, ТБО, ремонта внутридворовых дорог, территорий общественных пространств и др. Соответственно, в Севастополе при таком отношении Правительства к органам местного самоуправления не сможет сложиться система единой муниципальной оппозиции и муниципальной элиты как самостоятельной муниципальной власти. И это является одной из причин, когда некоторые главы муниципальных образований занимают конформистскую позицию в отношении государственной власти, понимая ограниченность своих возможностей и ресурсов.

Безусловно, эффективность данной стратегии напрямую зависит от государственных и корпоративных институций, слаженных взаимодействий органов государственной власти с органами местного территориального самоуправления. Ведь наделение или исключение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями – это исключительно компетенция органов государственной власти. Поэтому система местного территориального самоуправления в Севастополе как еще только формирующийся институт гражданского общества не сложилась и с не меньшей степенью продолжает эволюционировать координацией государственной властью, ее статусно-правовыми, финансово-экономическими и др. инструментами. Эта естественная «борьба противоречий» перерастет в «диалектическое единство», когда система коммуникаций между государственной (государство) и муниципальной (общество) системами власти будет строиться на несколько иной модели коммуникационного искусства – «Модели уважения и партнерства», которая рассматривает отношения местных и центральных властей как отношения партнеров и равноправных товарищей, преследующих общие цели и оказывающих необходимые услуги населению. В рамках данной модели местное самоуправление рассматривается, в первую очередь, как органичный элемент самовыражения соответствующего местного сообщества, благодаря которому его граждане имеют возможность самостоятельно организовать в своих интересах необходимые им службы. Таким образом, чтобы в Севастополе система местного территориального самоуправления эффективно заработала необходим новая доверительная Стратегия взаимодействия системы государственной власти и еще не сложившейся системы местного территориального самоуправления.

Чтобы в Севастополе, как городе федерального значения, система местного самоуправления сегодня эффективно заработала необходимо системно выстроить следующих 9 базовых приоритетов:

1. Формирование стабильной и совершенной законодательной и нормативной системной базы местного самоуправления, создающей юридические гарантии организационной, финансовой и хозяйственной самостоятельности местного самоуправления в решении вопросов местного значения. Законным основанием для начала формирования местного самоуправления в городе Севастополе, деятельности внутригородских муниципальных образований стал принятый 30 декабря 2014 года Закон города Севастополя №102-ЗС «О местном самоуправлении в городе Севастополе», который вступил в силу 10 января 2015 года. На данный момент, с учетом сложившихся обстоятельств, внутригородские муниципальные образования города Севастополя (далее – ВМО) прошли этап своего формирования. Вышеуказанный Закон города Севастополя № 102-ЗС сыграл свою роль в этом процессе.

Небольшая ретроспектива: многие севастопольцы помнят «эпопею» с принятием закона 102-ЗС «О местном самоуправлении в городе Севастополе»: законодательная и исполнительная ветви власти долго согласовывали свои позиции, что завершилось неким подобием «симбиоза» совместного компромисса. Реальных полномочий муниципальная власть по существу, так и не получила, но возможность их приобрести все-таки существует, причем несколькими способами: во-первых, муниципальные депутаты могут самостоятельно обратиться к Законодательному Собранию с

предложением добавить конкретные полномочия в закон; во-вторых, Правительство Севастополя по результатам деятельности органов местного самоуправления может делегировать часть своих (государственных) полномочий. Сегодня данный № 102-ЗС следует не дорабатывать, дополнять и изменять, а настал момент создания и утверждения Нового законопроекта «О развитии местного самоуправления в городе Федерального значения Севастополе», более совершенного, более системного, с учетом существующего городского хозяйства, комплексного подхода, реальных местных особенностей, изменений и требований, более соответствующего федеральному законодательству.

2. Создание оптимально новой административно-территориальной модели местного территориального самоуправления. В настоящее время существующая система местного территориального самоуправления в г. Севастополе показала свою неэффективность, нужны существенные качественные административно-территориальные изменения. В качестве предложения, следует оптимально реорганизовать Гагаринский, Ленинский, Нахимовский, Балаклавский и ВМО г. Инкерман (модернизовав их структуру, государственные полномочия и вопросы местного значения). Сократить Терновский, Орлиновский (реорганизовав в Балаклавский ВМО); Андреевский, Верхнесадовский и Качинский ВМО, создав новый ВМО «Северный округ», включив в него государственные полномочия и вопросы местного значения Андреевского, Верхнесадовского и Качинского ВМО, соответственно, с Нахимовского ВМО снять часть полномочий по Северной стороне. Таким образом, вместо десяти ВМО практически остается половина, всего – 6 ВМО, что, безусловно, будет способствовать экономии средств и ресурсов, значительно увеличит оперативность коммуникаций с органами исполнительной власти в принятии управленческих решений.

3. Законодательное утверждение границ ВМО. Вопросы правовых основ определения территорий и границ муниципальных образований стали одной из наиболее широко обсуждаемых тем в рамках развития местного самоуправления (как на этапе их разработки, так и на этапе внедрения). В принятых региональных законах от 3 июня 2014 года № 17-ЗС «Об установлении границ и статусе муниципальных образований в г.Севастополе» и 03 июня 2014 года №19-ЗС Об административно-территориальном устройстве города Севастополя» были нарушены базовые принципы выделения объектов государственного управления и местного самоуправления. По общим законодательным принципам базовым объектом для государственного управления является территориальный принцип, а для местного самоуправления – поселенческий принцип. Таким образом, при формировании и утверждении границ муниципальных образований Законодательным Собранием Севастополя были допущены неточности, в результате которых в границах города появились территории, не относящиеся ни к одному из муниципальных образований (в основном, это земли сельхозназначения и лесные зоны).

4. Перераспределение государственных полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления. В этой связи сегодня назрела острая необходимость целесообразным законодательным образом пересмотреть объем полномочий ВМО в разных сферах деятельности. Нужно отдать должное, последнее время сделан шаг в области развития государственных полномочий ВМО, правда, только с частичным их финансированием. В частности, в вопросах благоустройства внутриквартальных дорог, территорий, ТБО, ЖКХ, частичной торговли и административных комиссий и др. Это позволило частично активизировать и повысить ответственность сотрудников ВМО за их исполнение, ограничит дублирование, позволит определить объемы необходимых финансовых ресурсов, разграничит различные виды ответственности.

Сегодня представляется целесообразным законодательно наделить муниципалитеты более существенными полномочиями, кроме тех немногих, которые они имеют, например: в сфере озеленения территорий в границах своего округа, содержания мест захоронения (кладбищ), организации ритуальных услуг, транспортного обслуживания населения своего округа, создания условий для обеспечения жителей своего муниципального округа сферой общественного питания, торговли и бытового обслуживания, деятельности муниципальной милиции, муниципальной пожарной охраны (для сельской местности) и в других важных полномочиях. Наделение этими и другими полномочиями муниципалитетов позволило бы им в полной мере и оперативно решать вопросы развития местного самоуправления в городе Севастополе по качественному обустройству территорий в собственных границах и предоставлению соответствующих муниципальных услуг, а также повысить их ответственность, исключить дублирование государственных полномочий с департаментами Правительства. Безусловно, наделение тех или иных муниципальных образований определенными полномочиями следует проводить дифференцированно. Если для Гагаринского или

Ленинского муниципалитета, к примеру, содержание мест захоронения (кладбищ) не является актуальным полномочием, то для Андреевского, Верхнесадовского, Качинского или же Орлиновского муниципалитетов это объективная необходимость. В случае наделения органов местного самоуправления внутригородских муниципальных образований в городе Севастополе отдельными государственными полномочиями необходимо внести соответствующие изменения в Государственную программу города Севастополя «Развитие жилищно-коммунальной инфраструктуры города Севастополя на 2017-2022 годы».

Наступило время решения вопроса разделения полномочий Главы ВМО, председателя Совета и местной администрации (сейчас действует система 3 в 1, т. е. одно административное лицо совмещает все три должности, что было предусмотрено, как временная мера в формировании деятельности ВМО, а этот процесс уже затянулся на 6 лет. Следует законодательным образом решить данную проблему: необходимо их разделить и сделать 2 должности: Глава ВМО и председатель Совета – 1 чел., председатель местной администрации (Сити-менеджер) – 1 чел. Это даст возможность ожидать более качественное и эффективное выполнение возложенных обязанностей. Этот момент нужно закрепить законодательно – в новом законе «О развитии местного самоуправления в г. Севастополе».

5. Формирование местной бюджетной системы местного самоуправления, увеличение источников ее наполнения, а также исполнения. Нужно понимать, если внутригородские муниципальные образования не имеют собственных источников наполнения местного бюджета, то о реальном местном самоуправлении не может быть и речи. Для обеспечения относительной финансовой самостоятельности муниципальных образований важно не только наличие у них собственных налоговых доходов, но и их объем в общей структуре доходов местных бюджетов. В этой связи необходимо создать условия оптимизации налоговых поступлений муниципальных образований. В настоящее время нет соответствующего финансирования переданных ВМО государственных полномочий, фонд оплаты труда не соответствует законодательству, увеличить тот же НДФЛ, нужно пересмотреть и привести в соответствие с 53-ЗС. Отсутствуют эффективная система коммуникаций ГУПС с ВМО. Поэтому, сегодня внутригородские муниципальные образования активно и настойчиво должны заниматься решением проблемы поиска и узаконивания создания доходных местных бюджетов через увеличение собственных доходных источников. Доходы местных бюджетов обычно складываются из четырех основных частей: налогов, неналоговых доходов, субсидий и дотаций из центрального бюджета и займов. Помимо земельного налога и налога на имущество физических лиц в местный бюджет должны перечисляться: налоги на малый бизнес; налог на транспортные средства, принадлежащие физическим лицам, доходы от которого аккумулировались бы в муниципальных дорожных фондах с последующими их расходованием на обустройство дорог местного значения и внутридворовых дорожек и тротуаров; сборы на рекламу; курортных сборов и др. Следует признать, что с освоением средств бюджета муниципалитетами Севастополя ситуация постепенно выравнивается. На то были и серьезные сложности. Ведь дополнительные государственные полномочия начали распределять муниципалам с первого апреля позапрошлого года, а это не полный финансовый год. По сути было мало времени, чтобы урегулировать эти вопросы. Иначе говоря, муниципалитеты готовы и способны учиться и делать выводы. По оценке Правительства, в среднем на 10 % повысился процент освоения средств в «проблемных» муниципалитетах. Показатели в Гагаринском увеличились до 29,7 % (прирост 11 %). Кроме того, там завершены торги на 32 %. В процессе проведения торговых процедур находится 25 % от объема выделенной субвенции. При этом Ленинский район показывает к середине ноября прошлого года прирост только 8,2 %, что в итоге дает освоение 44,8% от плана. В этом случае завершены торги по 49 % от объема выделенной субвенции. Еще один аутсайдер – Терновский муниципалитет – улучшил показатели на 3,4 % (в итоге выполнил 30 % программы). В процессе проведения торговых процедур находится 68 % от объема выделенной субвенции. В целом по состоянию на конец прошлого года доля освоения средств бюджета муниципалитетов Севастополя по исполнению переданных государственных полномочий составляет 59,7 %, что составляет более 92,5 млн руб. Кроме того, с учетом проведенных торгов данный показатель превышает 75 % от объема выделенных субвенций. Иначе говоря, проблем немало, и с каждым годом их будет только прибавляться... И первая проблема, с которой столкнулись на местах муниципалы, это грамотность и оперативность проведения госзакупок по 44-ФЗ, ведь, по сути, с 44-ФЗ муниципалитеты начали работать впервые. Практика показала, что в большинстве муниципалитетов не успели вовремя сориентироваться и подготовить специалистов, способных оперативно работать с системой контрактов, но работа в этом направлении во всех муниципальных округах успешно продолжается.

6. Формирование муниципальной собственности. В настоящий момент у ВМО отсутствует муниципальная собственность. ВМО переданы помещения, где расположены местные администрации и Советы, в безвозмездное пользование и то не в полном объеме, которых явно не хватает, особенно для приема граждан депутатами ВМО. Процесс формирования муниципальной собственности должен включать в себя следующие действия: передачу некоторых хозяйственно-экономических объектов из государственной в муниципальную собственность; формирование муниципальных унитарных предприятий и управление ими; получение продукции, доходов в результате использования муниципальной собственности. Отсутствует единая база данных объектов собственности (каждый объект собственности ведется отдельно в каждой базе). И начать процесс следует, прежде всего, с немалого количества бесхозяйного имущества в муниципальных округах. Там много заброшенных зданий бывших магазинов, домов быта, коровников, теплиц и прочего движимого и недвижимого имущества, и все это нужно передать в собственность муниципальным образованиям Севастополя. Формально муниципалитетам Правительство уже передало примерно 420 таких объектов. Создана межведомственная рабочая группа по передаче таких объектов муниципалитетам. Правительство обещает, что их список будет готов, а передача имущества должна была произойти еще весной 2018 года. Как показала практика, свои обещания прежнее Правительство не выполнило.

Нужно учиться практике в других регионах РФ. Так, к примеру, в большей части регионов в муниципальную собственность переданы сотни предприятий, объектов торговли, общественного питания, здравоохранения, культуры, образования и др. В бюджеты городов и районов зачисляется значительная часть федеральных налогов – НДС, налога на прибыль, подоходного налога с физических лиц, акцизы и платежи за пользование природными ресурсами, благоустройство их территорий и мн. другое. В местные бюджеты некоторых регионов поступает большая часть налога на имущество предприятий и налога на нужды образовательных учреждений. Для сельских и поселковых местных администраций приобретает большое количество автомашин, выделяются средства на благоустройство населенных пунктов, на материальную поддержку сельских старост.

В принципе, местная казна может иметь несколько источников: местные налоги и сборы (если это будет предусмотрено в законах Севастополя), прибыль муниципальных предприятий, доходы от муниципального имущества. Нужно понимать: если муниципальные образования не имеют собственного бюджета, то о реальном местном самоуправлении не может быть и речи. Поэтому сегодня муниципальные образования активно и настойчиво должны заниматься созданием местных бюджетов через увеличение собственных доходных источников. Одним из наиболее важных источников доходов местных бюджетов являются налоги, которые составляют от 10 % ресурсов местных бюджетов в Италии и Ирландии до 40 % в Дании и Франции. Менее значительную роль в местных бюджетах играют неналоговые доходы. К ним относятся доходы от собственности, принадлежащей местным органам власти, от коммунальных услуг, коммерческой деятельности, продажи недвижимости, штрафов, денежных сборов. Они колеблются от 10 % до 25% поступлений в местные бюджеты.

7. Развитие территориального общественного самоуправления. Территориальное общественное самоуправление – эффективный инструмент решения населением вопросов местного значения (далее ТОС). ТОС, как форма самоорганизации граждан, имеет высокий потенциал в контексте транслирования проблем населения многих муниципальных округов города Севастополя органам местного самоуправления и органам государственной власти города Севастополь. Актуальность темы заключается в том, что развитие института ТОС аккумулирует население с активной гражданской позицией и именно по средствам активного вовлечения граждан в разрешение вопросов местного значения способствует разрешению социально-значимых проблем отдельно взятых муниципальных образований (в т. ч. путем привлечения ресурсов внебюджетного характера). Несомненно, «ядром» и центральным направлением деятельности территориального общественного самоуправления остается вопрос благоустройства: именно в этой связи вопрос развития ТОС в городе федерального значения Севастополь приобретает особую значимость.

На сегодняшний момент, только на территории Ленинского муниципального округа зарегистрировано 22 ТОС. На диаграмме (Рис.2) представлена структура ТОС в ранжировании по количеству домов, входящих в один ТОС. Данный показатель может представлять интерес как индикатор готовности граждан к совместному решению вопросов местного значения из тех соображений, что уровень понимания общей ответственности в разрешении злободневных проблем той или иной территории прямо пропорционален фактической вовлеченности граждан в деятельность территориального общественного самоуправления.

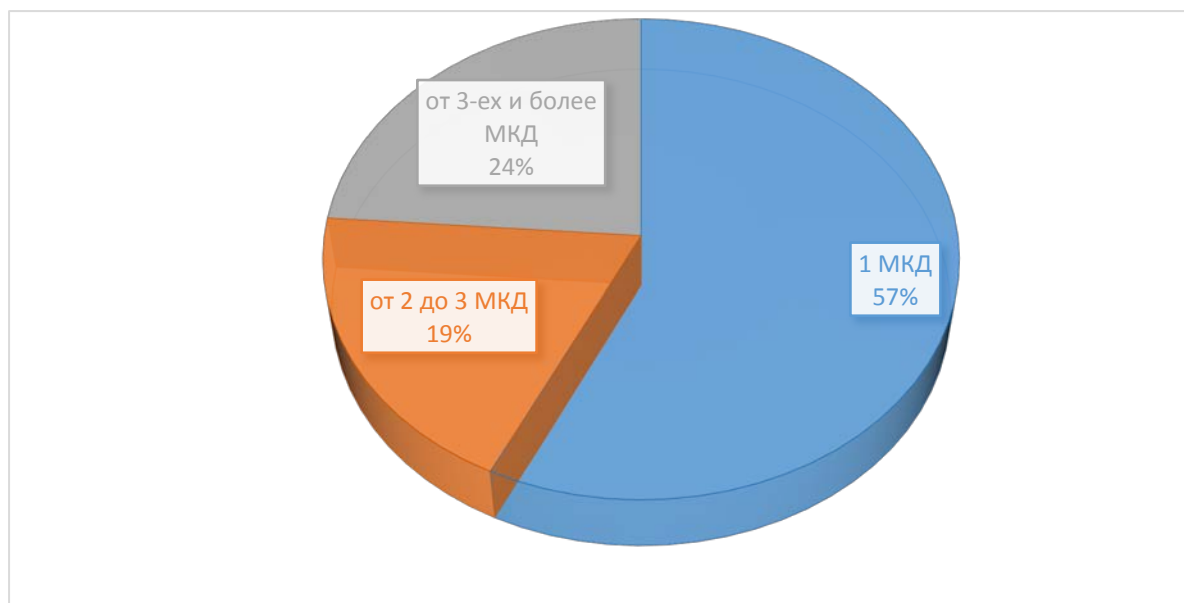

Рис. 1. Структура территориальных общественных самоуправлений Ленинского муниципального округа г. Севастополя по количеству многоквартирных домов, входящих в один ТОС.

Проблемы, например, есть, и подавляющее большинство территориальных общественных самоуправлений включают в себя один многоквартирный дом. Данная ситуация объяснима тем, что, создавая ТОС, население нацелено на решение вопросов благоустройства двора отдельного взятого дома. Однако, четверть из территориальных общественных самоуправлений ЛМО г. Севастополя включают в себя от двух до трех домов.

Основополагающая цель создания ТОС для населения г. Севастополя – благоустройство придомовых и внутридворовых территорий. Об этом свидетельствуют результаты конкурса: согласно распоряжению Правительства Севастополя от 06.12.2019 №248-РПб ТОС, расположенных на территории только Ленинского муниципального округа города Севастополя получили грантовую поддержку в форме субсидий, являясь победителями вышеуказанного конкурса на общую сумму 6991188,00 рублей. Итак, работа с территориальными общественными самоуправлениями во внутригородском муниципальном образовании города Севастополя – муниципальных округах работе с территориальными общественными самоуправлениями была нацелена, в первую очередь, на претворение в жизнь идей и стремлений населения района благоустройства внутридворовых и придомовых территорий. В то же время, цели объединения жителей в территориальные общественные самоуправления могут быть разнообразны по своей природе: к ним может относиться содействие органам социальной защиты в выявлении и оказании адресной помощи ветеранам, инвалидам, пенсионерам, малообеспеченным и многодетным семьям, организация культурно-просветительной, спортивно-массовой работы среди жителей соответствующей территории и другое [2, с. 232].

Задача органов местного самоуправления, как в 2019 году, так и в настоящем, заключается в оказании содействия гражданам в процессе создания ТОС, объединения вокруг общих целей [1, с. 3]. Направления деятельности работы во внутригородских муниципальных образованиях города Севастополя можно представить, как тесное взаимодействие условных групп (Рис. 2)

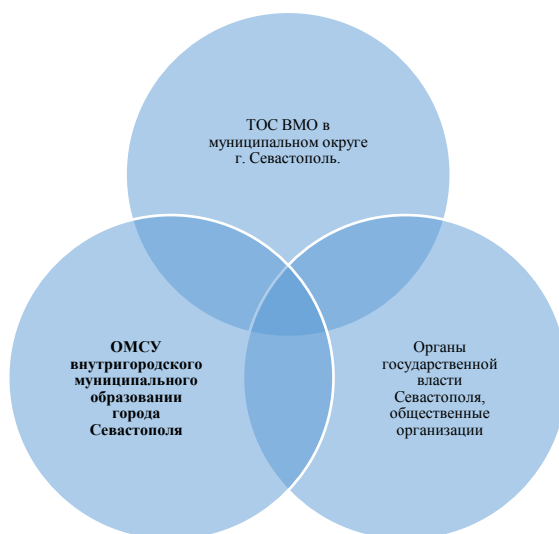

Рис.2. ТОС ВМО г. Севастополя в контексте взаимодействия с политико-правовыми институтами по решению вопросов местного значения

Важно отметить, что работа органов местного самоуправления не должна быть сосредоточена лишь на повышении количественных показателей, то есть увеличения числа ТОС в округе. Не менее важной задачей для органов местного самоуправления является поддержка уже зарегистрированных ТОС, оказание организационной помощи при разрешении вопросов местного значения. Иными словами, считаем тождественно важным как работу по созданию новых ТОСов в муниципальных округах г. Севастополь, так и поддержку существующих ТОС. Недопустимо выстраивать работу с ТОС по фрагментарной модели взаимодействия. В противном случае, потенциал ТОС, как инструмента решения вопросов местного значения, не будет использован в должном объеме. Итак, из всех городов федерального значения в России, полномочия внутригородских муниципальных образований Севастополя минималистичны. Ясно, что население города с высоким уровнем гражданской активности озадачено поисками высокоэффективных инструментов включенности в политическую жизнь города, в целом, муниципального образования, в частности. Именно деятельность территориального общественного самоуправления в таковых условиях является «проводником» потребностей граждан как социально-экономического, так и политического характера.

8. Межмуниципальное сотрудничество. Несмотря на то, что опыт Севастополя уникален, наше местное самоуправление существует не изолированно от внешнего мира. Подтверждение тому – активное межмуниципальное сотрудничество между органами местного самоуправления Севастополя и Москвы, Санкт-Петербурга, Ямало-Ненецкого автономного округа и других регионов России. Муниципалы в полной мере используют возможность обмена опытом, которую предоставляют коллеги из других регионов. И это действительно необходимо, ведь становление местного самоуправления – это многоэтапный и динамичный процесс, требующий не только исключительного энтузиазма, но и опыта, специальных знаний и навыков.

События пары прошлых лет показывают, что в центре системы местного самоуправления начали ставить интересы человека, условия для человеческого развития, качества жизни людей, их удовлетворенность жизнью. С реформированием нового Правительства, возникает надежда, что политическая, социальная и экономическая ситуация в городе федерального значения Севастополе сейчас предоставляет уникальный шанс для того, чтобы придать местному самоуправлению реальные возможности для укрепления политической, административной и финансово-экономической самостоятельности местных сообществ, повышения эффективности и качества предоставляемых услуг, направленных на всестороннее человеческое развитие.

9. Управление рисками в развитии местного самоуправления г. Севастополя

Наименование возможного риска	Возможные последствия в случае непринятия мер по управлению рисками	Мероприятия по управлению рисками
Внешние		
1. Снижение уровня социального оптимизма у населения области.	Проявления протестных настроений.	Разработка комплексных планов по противодействию негативных тенденций в социальной сфере.
2. Несоответствие приоритетов местных исполнительных органов целям и задачам Стратегического плана государственного органа.	Недостижение индикаторов целей и показателей задач Стратегического плана.	Разработка мер, направленных на усиление межотраслевой и межведомственной координации.
3. Несоответствие существующих НПА, регламентирующих деятельность местных исполнительных органов в отношении СМИ, рекламных предприятий потребностям участников информационно- го пространства.	Снижение функциональных возможностей средств массовой информации. Несоблюдение средствами массовой информации законодательства в области средств массовой информации. Неопределенность в разграничении полномочий между центрными и местными исполнительными органами.	Внесение, в результате обсуждения на различных диалоговых площадках, общественных слушаниях, предложений в законодательную нормативно-правовую базу.
4. Повышение стоимости полиграфических услуг, услуг по доставке почты.	Повышение себестоимости продукции средства массовой информации приведет к повышению ее стоимости. Ограничению средств редакций, направленных на улучшение материально-технической базы.	Организация конкурсного отбора альтернативных поставщиков полиграфических услуг, доставки почты.
5. Отказ населения от просмотра традиционных средств массовой информации.	Снижение уровня информированности населения о государственной политике. Сужение информационного пространства.	Развитие областных Интернет-ресурсов, увеличение количества Интернет-ресурсов СМИ. Применение СМИ новых подходов в подаче информации.
Внутренние		
6. Невыполнение показателей в информационной, молодежной и общественно-политической сферах, направленных на укрепление внутривластной ситуации в регионе.	Дестабилизация общественно-политической обстановки в регионе.	1. Внедрение системы мониторинга и контроля работы государственных органов в сфере внутренней политики. 2. Подписание Меморандумов о сотрудничестве с институтами гражданского общества

7. Неэффективная реализация государственной внутренней политики на местном уровне.	Дестабилизация общественно-политической обстановки в регионе.	Внедрение системы мониторинга и контроля работы государственных органов в сфере внутренней политики.
8. Неэффективная работа отделов управления, отделов внутренней политики городов и районов.	Дестабилизация общественно-политической обстановки в регионе.	Усиление системы мониторинга и контроля работы отделов.
9. Отток кадров из подведомственных организаций.	Резкое снижение профессиональных возможностей.	1. Создание механизма карьерного роста и мотивации сотрудников. 2. Эффективное межсекторальное взаимодействие с профильными министерствами в рамках подготовки профессиональных кадров.
10. Нехватка технических средств для мониторинга СМИ в целях проведения эффективной государственной информационной политики.	Снижение возможностей по исполнению поручения уполномоченных органов в области СМИ по организации ежедневного мониторинга СМИ.	Внутреннее перераспределение средств бюджета, выделяемых на материально-техническое обеспечение деятельности Управления.
11. Технологическая отсталость медийной инфраструктуры, в частности ограниченность радиочастотного спектра как препятствие для дальнейшего развития отечественного телерадиовещания и его тематической дифференциации. 12. Тенденция массированного проникновения зарубежной медиа-продукции.	Снижение уровня популярности отечественных производителей медиа-продукции. Снижение уровня информированности населения об основных направлениях государственной политики Севастополя.	Увеличение республиканского бюджетного финансирования информационной политики как приоритетного направления и законодательное регулирование учета и распространения иностранных СМИ на территории области.

Список литературы

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.) (с изм. и доп.). – URL: <http://home.garant.ru/#/document/70670880/paragraph/1:6> (дата обращения: 15.12.2020)
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ. – URL: <http://home.garant.ru/#/document/12124624/paragraph/2941446:7> (дата обращения: 15.12.2020)

Статья поступила в редакцию 19.12.2020

Bunetsky, L. L. Modernization of Local Self-Government in the Federal City of Sevastopol: Features and New Priorities

The article considers some problems and features of modernization of the institute of LSG as the main form in the sphere of the implementation of democracy in the federal city of Sevastopol. Some author's conclusions, suggestions and possible risks for the modernization of the local self-government bodies, ensuring inter-municipal cooperation in the federal city of Sevastopol are formulated.

Keywords: municipal government, municipal administration, municipal property, municipal budget, inter-municipal cooperation..

УДК 061.1/.2:342.7(100+470)

В статье исследуется современное состояние системы международных и национальных правозащитных учреждений, их роль и ресурсы в условиях нынешних вызовов. Анализируются национальные, региональные и международные правозащитные системы, их отдельные элементы. В частности, институт адвокатуры рассматривается в качестве эффективного правозащитного института гражданского общества и активного проводника принципов правового государства. На основе проведенного анализа констатируется, что данный вопрос в отечественном научном дискурсе является недостаточно изученным. В связи с этим отмечено, что дальнейшее изучение правозащитного движения, его структуры позволит в будущем выявить перспективы его развития, определить направления совершенствования правозащитной деятельности общественных структур с учетом современных социально-политических реалий.

Ключевые слова: правозащитные системы, права и свободы человека, неправительственные организации, институт адвокатуры, защита прав, международные инстанции.

Е. В. Скребец, доцент, д-р полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: l_skrebec@mail.ru

Л. Н. Гарас, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: garas_ln@mail.ru

СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОЗАЩИТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Масштабная повестка дня в области прав человека на XXI век диктует необходимость всестороннего содействия реализации общепризнанных прав и свобод человека как со стороны отдельных государств, так и со стороны представителей гражданского общества. Изменения, которые произошли на протяжении последнего года, участвовавшие прецеденты нарушений прав человека, в том числе связанные с реализацией мер по охране здоровья населения на фоне борьбы с пандемией COVID-19, которыми были введены значительные ограничения, закономерно привлекают внимание к правозащитной деятельности.

Отдельные общетеоретические вопросы, связанные с проблематикой проводимого исследования, в частности, системный подход и его использование для изучения защиты права человека, нашли свое отражение в трудах таких ученых, как П. В. Анисимов, Л. И. Глухарева, В. Л. Казаков, К. Б. Толкачев, Т. Б. Шубина и др. Однако в отечественной науке недостаточно полно проводится общетеоретический анализ системы защиты прав и свобод человека и особенностей функционирования составляющих ее элементов; формирования публичных и непубличных институтов, осуществляющих правозащитную деятельность; классификации правозащитных организаций.

Правозащитные системы разных уровней включают в себя совокупность правозащитных норм, субъектов и институтов, которые взаимодействуют между собой с единой целевой установкой. Согласно классификации, приведенной в издании Организаций Объединенных Наций «Национальные правозащитные учреждения. История, принципы, роль и функции», посвященном национальным правозащитным учреждениям как звеньям связи между государствами и международной правозащитной системой, к правозащитным системам отнесены следующие:

1. Организация Объединенных Наций, которая устанавливает международные нормы и проводит широкий круг мероприятий в области общественной информации и технического сотрудничества для оказания государствам практической помощи в их усилиях по поощрению и защите прав человека.

2. Региональные правозащитные механизмы, разрабатывающие виды практики, программы и прецедентное право, которые переносят международные стандарты в области прав человека в контекст конкретных социальных, исторических и политических традиций и региональных реалий.

3. Неправительственные органы, играющие ведущую роль в содействии созданию универсальной культуры прав человека;

4. Правительства отдельных государств, которые должны принимать всевозможные меры, включая законодательные, для обеспечения реализации прав человека на уровне государства.

5. Региональные сети (Сеть африканских национальных правозащитных учреждений; Сеть национальных учреждений по поощрению и защите прав человека в Северной и Южной Америке; Европейская группа национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека и др.) [3].

Деятельность Организации Объединенных Наций, согласно уставных целей, направлена на осуществление международного сотрудничества в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии (ст. 1 Устава Организации Объединенных Наций) [5]. Последовательным функционированием системы Организации Объединенных Наций на протяжении второй половины XX в. была создана целостная правовая база правозащитной деятельности, состоящая из более чем двух сотен нормативных документов (деклараций, конвенций, соглашений, пактов, дополнительных протоколов). Международные нормы, установленные Организацией Объединенных Наций, реализуются во всех сферах человеческой деятельности, а сама организация оказывает странам всестороннюю практическую помощь в сфере защиты прав человека.

Органы Организации Объединенных Наций по правам человека предпринимают усилия по возможному предупреждению и предотвращению вооруженных и иных конфликтов; ее миссии по поддержанию мира осуществляются в настоящее время в нескольких десятках стран, способствуя укреплению глобальной правозащитной системы. Формирование и последующая институционализация системы Организации Объединенных Наций дали толчок к появлению крупных международных неправительственных правозащитных учреждений, которые стали активно с ней сотрудничать (таких как Всемирная федерация профсоюзов, Международная конфедерация свободных профсоюзов, Международный союз студентов и проч.).

Межправительственный орган – Совет по правам человека, решение о создании которого было принято на 60-й сессии Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке в сентябре 2005 г., проводит открытые заседания в целях рассмотрения проблем соблюдения прав человека государствами и принятия новых международных стандартов прав человека. Совет по правам человека назначает независимых экспертов («специальных докладчиков») для представления докладов о происходящих в мире нарушениях прав человека или для исследования соответствующей ситуации. С системой Организации Объединенных Наций сотрудничают сотни правозащитных неправительственных правозащитных учреждений, выступая в качестве независимых консультантов и участвуя в работе ее конвенционных органов. Примером такой деятельности является практика консультаций с представителями неправительственных организаций, которые приглашаются на заседания комитетов для обсуждения правительственных докладов.

Правозащитные неправительственные организации, которые специализируются в отдельных вопросах из компетенции Экономического и Социального Совета (Армия спасения, Международная лига прав человека и др.) имеют консультативный статус при Экономическом и Социальном Совете. Широко распространенной практикой является представление неправительственными организациями на рассмотрение конвенционных органов «альтернативных докладов», в которых на конкретных примерах демонстрируются нарушения странами собственных международных обязательств и несоответствия в официальных отчетах государств.

Основополагающим регулятором функционирования правозащитных организаций являются положения Устава ООН и международных документов о свободе ассоциаций (ст. 20 Всеобщей Декларации прав человека, ст. 22 Международного Пакта о гражданских и политических правах, ст. 8 Международного Пакта об экономических, социальных и культурных правах, ст. 8 Международной Конвенции о защите всех форм расовой дискриминации и др.). Международной неправительственной организацией признается любая международная организация, учрежденная не на основании межправительственного соглашения. Деятельность таких организаций ограждена от вмешательства любых государств, даже если в состав организации входят представители официальной власти. Это особого рода институты глобального гражданского общества, функционирование которых выходит за пределы государственных границ.

Неправительственные организации относятся к некоммерческим организациям, которые финансируются за счет средств их членов или добровольных взносов. Они не должны участвовать в освободительных движениях, поддерживать восставшие стороны, содержать в себе вооруженные группировки и в целом принимать участие в политической деятельности с целью достижения власти.

Методы, которые используют неправительственные организации, не могут допускать или пропагандировать насилие.

Крупные международные неправительственные организации с общим статусом занимаются практически всеми вопросами, входящими в повестку дня Экономического и Социального Совета, являющегося главной платформой проведения обсуждений, способствующей развитию инновационного мышления и координации усилий по достижению международно-согласованных целей. Самыми известными организациями являются Международная конфедерация профсоюзов, Международный совет женщин, Лига обществ Красного Креста, Международная федерация по правам человека. Известнейшими неправительственными организациями России являются Московская Хельсинская Группа, Российский Красный Крест, Союз женщин России, Федерация независимых профсоюзов и др.

Характерным элементом современной международной системы стало функционирование региональных и субрегиональных сетей и объединений национальных правозащитных учреждений. Правозащитные механизмы регионального уровня активно функционируют в Европе и Азии, Африке, Центральной и Южной Америке. Региональные сети национальных правозащитных учреждений принимают участие в работе Совета по правам человека в качестве наблюдателей и взаимодействуют с его механизмами. Подобным образом работает Сеть африканских национальных правозащитных учреждений; Национальные учреждения по поощрению и защите прав человека в Северной и Южной Америке; Азиатско-Тихоокеанский форум национальных правозащитных учреждений; Европейская группа национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека и др., что позволяет оценивать правозащитное движение в качестве реально действующего субъекта современной мировой политики.

Декларация о правозащитниках, принятая в 1998 г., признаёт право личности на защиту прав человека. Сами государства добровольно берут на себя обязательства признавать и, в случае необходимости, вставать на защиту тех, кто защищает права человека. Ратификация государствами международных договоров в сфере обеспечения прав человека влечет их обязанность формировать эффективные механизмы защиты и реализации прав человека.

Национальная правозащитная система представляет собой единый комплекс взаимосвязанных государственных и негосударственных организаций, отдельных лиц (правозащитников) и юридических явлений (права, правосознания, правовой культуры, разнообразных видов юридической практики и т. д.), с помощью которых эффективно и качественно должна осуществляться защита (охрана и т. п.) прав и законных интересов людей и их объединений [2, с. 12]. Центральным элементом национальных правозащитных систем выступают правозащитные учреждения. Их основными функциями являются обеспечение соответствия внутреннего законодательства актуальной международно-правовой практике, общепринятым международным принципам и нормам в области прав человека; оказание национальным правительствам помощи в применении вышеуказанных принципов и норм; осуществление мониторинга обеспечения прав и свобод человека в конкретном государстве или регионе.

Национальные правозащитные системы имеют свою специфику в каждой стране, так как сущность и формы деятельности неправительственных организаций часто определяются социальными условиями, включая их политические, экономические, национальные, культурные и прочие аспекты, которые формируют их конкретную содержательную модель. Из разнообразия видов деятельности, закреплённых во внутренних документах и наиболее эффективно способствующих достижению поставленных целей и задач, большинству правозащитных организаций характерно предоставление правовой помощи малоимущим, прежде всего, судебная защита и экспертное консультирование.

Правозащитные организации представляют собой один из видов общественных объединений. Термин «неправительственные организации» активно используется в общественно-политической и международно-правовой лексике, однако в российском законодательстве практически не применяется. Неправительственные правозащитные организации характеризуются как «добровольные, самостоятельные, самоуправляемые, некоммерческие формирования неполитического характера национального, регионального и международного уровней, не учреждённые государственным органом, а образовавшиеся в результате свободного волеизъявления и по инициативе индивидуумов, объединившихся на основе общности интересов для совместной деятельности во имя защиты общепризнанных гражданских, экономических, социальных и культурных прав» [1, с. 45].

Неправительственные организации не входят в структуру органов государственного управления и являются субъектами правоотношений в сфере реализации прав и свобод граждан, их защиты и самозащиты. Они представляют собой добровольные некоммерческие объединения граждан на местном, государственном или международном уровне. Задачами неправительственных организаций также является участие в доведении до сведения правительств интересов и проблем отдельных граждан и их групп; осуществление публичного контроля за деятельностью правоохранительных органов; обеспечение агрегации, артикуляции интересов и проблем отдельных граждан и их групп в сфере прав и свобод человека, непосредственного вовлечения общества в политическую жизнь на локальном уровне в решении вопросов культуры, окружающей среды и здравоохранения. Их характерные признаки – независимость и гибкость, которые позволяют им предпринимать более радикальные меры и действовать свободно, в отличие от правительственных структур или международных организаций. Еще одной чертой правозащитных организаций выступает их неполитизированность. Правозащитные неправительственные организации не должны принимать участия в поддержке политических партий или политических движений.

Правовой статус правозащитных организаций в правовой системе России определяется Федеральными законами «О некоммерческих организациях», «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», «О свободе совести и о религиозных объединениях». Российским законодательством определены организационно-правовые формы подобных организаций. Правозащитные организации принято делить на общероссийские, межрегиональные, региональные и местные [6, с. 55]. Так, общероссийские правозащитные организации функционируют на территории более половины субъектов Российской Федерации и имеют там свои структурные подразделения (организации, отделения, филиалы и представительства) в соответствии с уставными целями. Межрегиональные правозащитные организации осуществляют свою деятельность на территории менее половины субъектов Российской Федерации (и также имеют свои структурные подразделения) в соответствии с уставными целями. Региональные правозащитные организации – это объединения, деятельность которых осуществляется в пределах территории одного субъекта Российской Федерации в соответствии с уставными целями. Под местными правозащитными организациями подразумеваются объединения, деятельность которых осуществляется в пределах территории органа местного самоуправления в соответствии с уставными целями.

Традиционно правозащитная деятельность связывается не с государственными структурами, а с общественными институтами или отдельными представителями социума. Осуществляемая институтами гражданского общества, она состоит в оказании социально-правовой помощи пострадавшим и характеризуется преимущественным использованием правовых средств и способов защиты прав и законных интересов граждан.

К профессиональным субъектам правозащитной деятельности национального уровня принято относить институт адвокатуры. **Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека по итогам специального заседания на тему «О роли адвокатуры в правозащитной деятельности», состоявшегося 31 марта 2015 г. в резюмирующих рекомендациях констатировал органическую связь адвокатуры как правозаступничества с правозащитным движением.** Институт адвокатуры в «Рекомендациях», направленных на реформирование профессиональной адвокатской деятельности, рассматривается как «общественное служение»: правозащитная деятельность, лишенная адвокатского соучастия в судьбах людей, не может быть подкреплена юридической аргументацией, точной правовой квалификацией фактов и профессиональной процессуальной поддержкой [4]. В тексте «Рекомендаций» указывается, что статус адвокатуры как правозащитного института гражданского общества и профессиональной саморегулируемой организации, исключает установление ведомственного контроля или надзора за осуществлением профессиональной адвокатской деятельности по оказанию квалифицированной правовой помощи. Соответственно, регулирование адвокатской деятельности должно осуществляться преимущественно самим адвокатским сообществом при минимально необходимом участии государства там, где это требуется для обеспечения законодательных гарантий этой деятельности.

Реализация гарантий соблюдения прав и свобод человека требует их обеспечения со стороны правительств отдельных государств, эффективно действующей системы национальных правозащитных учреждений, а также их сотрудничества с международным сообществом. Важнейшую роль в развитии универсальных принципов и культуры прав человека в современном мире продолжают играть институты гражданского общества. Правозащитная деятельность международными, региональными, национальными правозащитными системами осуществляется с целью достижения состояния полной правовой защищенности личности в конкретном государстве на

данном этапе развития. Изменяющиеся условия, которые включают напряженное, кризисное состояние общества, прежде всего в области таких прав и свобод граждан как право не подвергаться дискриминации, право на уважение человеческого достоинства, требуют переоценки опыта деятельности правозащитных неправительственных организаций. Очевидна необходимость дальнейших научных изысканий в данной сфере, прежде всего, для определения направлений совершенствования правовой активности отдельных институтов гражданского общества, осуществляющих правозащитную деятельность.

Функционирование системы правозащитного движения России демонстрирует множество проблем и требует формулирования рекомендаций уполномоченным государственным органам, которые могут способствовать повышению эффективности правозащитной деятельности. Изменение общественных отношений, законодательства и практики его применения не должно отражаться на состоянии защищенности личности, соответственно, задачей государства является формирование полноценной правозащитной системы, структурированной, иерархически выстроенной, которая будет эффективно функционировать в изменяющихся условиях. Потребность обеспечивать быстрое и эффективное реагирование в кризисной ситуации дезорганизации и нарушения привычного уклада общественной жизни и купировать негативные последствия, связанные с введением избыточно широких ограничений, диктуют необходимость использовать этот ресурс гражданского общества путем создания необходимых организационных условий и стабилизации взаимоотношений между соответствующими институтами и властью.

Список литературы

1. Головин, А. Ю. К вопросу о деятельности неправительственных правозащитных организаций по обеспечению культурных прав граждан и их взаимодействию с органами внутренних дел / А. Ю. Головин, А. Н. Морозова // Известия Тульского государственного университета. – Вып. 2. – Ч. II. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. – С. 45-62.
2. Карташов, В. Н. Правозащитная система: понятие, основные типы и принципы / В. Н. Карташов // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации: Сб. статей / Под ред. В.М. Баранова. – Н.Новгород: Издательство «Открытое общество» – 2003. – 329 с.
3. Национальные правозащитные учреждения История, принципы, роль и функции / Организация Объединенных Наций. Серия документов по вопросам профессиональной подготовки. № 4. (Rev.1). – Нью-Йорк, Женева. 2010. – URL: https://www.ohchr.org/Documents/Publications/PTS-4Rev1-NHRI_ru.pdf (дата обращения: 12.11.2020).
4. Рекомендации Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека по итогам специального заседания «О роли адвокатуры в правозащитной деятельности» от 31 марта 2015 г. / Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека: сайт. – URL: <http://president-sovet.ru/documents/read/384/> (дата обращения: 12.11.2020).
5. Устав ООН / Организация Объединенных Наций: сайт. – URL: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/> (дата обращения: 12.11.2020).
6. Шалаева, А. А., Правозащитные организации: понятие и проблемы классификации / А. А. Шалаева, И. С. Алёхина // Управленческое консультирование. – 2018. – № 5. – С. 53-58.

Статья поступила в редакцию 15.12.2020

Skrebets, E.V. Garas, L.N. *The System of International and National Human Rights Institutions in the Context of Modern Challenges*

The article examines the current state of the system of international and national human rights institutions, their role and resources in the face of current challenges. National, regional and international human rights systems and their individual elements are analyzed. In particular, the institute of advocacy is considered as an effective human rights institution of civil society and an active promoter of the principles of the rule of law. On the basis of the conducted analysis, it is stated that this issue in the domestic scientific discourse is insufficiently studied. In this regard, it is noted that further study of the human rights movement and its structure will allow to identify prospects for its development, to determine the directions for improving the human rights activities of public structures, taking into account modern socio-political realities.

Keywords: human rights systems, human rights and freedoms, non-governmental organizations, institute of advocacy, protection of rights, international institutions.

УДК [316.77:351]:[81'276.6:32]

Проанализированы вопросы роли языка политики и диапазон его возможностей в государственном управлении как особой формы управленческой деятельности по регулированию политического процесса, согласованию, координации и реализации различных интересов в обществе. Предложена методология, которая позволяет глубже исследовать значение языка политики как системы коммуникативных средств кодирования политической информации, провоцирования политических действий и управления ими. Определены особенности применения языка политики при консолидации граждан в политической коммуникации.

Ключевые слова: государственное управление, язык политики, политическая коммуникация, манипуляция, консолидирующая функция языка политики, языковая социализация.

Е. Ю. Шавардова, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: lenash_72@mail.ru

ДИАПАЗОН ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЯЗЫКА ПОЛИТИКИ КАК СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Коммуникативные процессы в государственном управлении играют чрезвычайно важную роль во время подготовки и принятия управленческих решений. На современном этапе политическая коммуникация является одним из главных компонентов ведения политической борьбы, основным механизмом развития действующего политического процесса, ведущим инструментом легитимации власти и ее решений. Обозначена необходимость анализа вербальной объективации манипулятивной стратегии, которая способствует определенному коммуникативному направлению сознания, мышления (интенции) и поведения людей. И поэтому целесообразность изучения роли языка политики в политическом взаимодействии, будет способствовать более глубокому пониманию его содержания, функционирования в политической коммуникации, сделает явным общее направление политического управления, где роль языка политики становится все более значимой и актуальной.

В западной государственно-управленческой и философско-исторической традиции проблематика осмысления и концептуализации вопросов государственного управления становилась объектом внимания Р. Дарендорфа, Д. Кетли, С. Хантингтона, К. Худ, В. Вильсона, Дж. Бостона, Д. Осборна и др. Изучение феномена государственного управления превращается в мейнстрим научных исследований отечественных ученых, среди которых целесообразно отметить разработки А. С. Автономова, А. В. Пикулькина, В. Г. Шустрова, Л. Г. Матвеева, А. В. Чаплинского, Я. Я. Кайля и др.

Теоретико-методологические основы языка политики как составляющей политической коммуникации изучались многими исследователями. Среди научных трудов по теории коммуникации выделяются труды Г. Г. Почепцова, Л. Г. Викулова, М. Ю. Коноваленко, Ф. И. Шаркова, А. К. Болотова, И. П. Яковлева, А. В. Назарчук, Д. П. Гавра. Проблемы политической коммуникации анализируются на различных теоретических уровнях: как социокультурный феномен (И. Ю. Абелева, С. В. Бориснев, О. Я. Гойхман, В. И. Беликов, В. Г. Зинченко, Е. В. Клюев, М. С. Вершинин, М. Ю. Гончаров); в связи с исследованием функционирования политического языка как дискурсивной практики в сфере политической коммуникации (М. Н. Грачев, Ю. В. Рождественский, В. В. Латынов, Е. Л. Доценко, Е. Г. Морозова, М. М. Назаров, Р. М. Блакара, С. А. Виноградова), в контексте изучения политических языковых практик в публичной сфере общества (П. Бурдые).

К вопросам использования языка в политике обращались в своих работах Т. Г. Грушевицкая, В. Г. Костомаров, А. Н. Щукин, Г. В. Якушев и др. Рассмотрению языка в качестве объекта манипулирования посвящены публикации Л. Г. Навасартяна, Е. Л. Доценко, Т. В. Булыгина и др. Предметом изучения роли языка были также исследования С. Кара-Мурзы, Н. Б. Мечковской, И. И. Формановской, В. Воробьева, К. К. Колина и др. Они по-разному раскрывали идеологическую сущность языка, которая заключалась в том, что выразительные возможности языка обеспечивают высказыванию нужную значимость, а нацеленность языковых единиц на воздействие является обязательным условием их применения в любом виде коммуникации.

В данное время происходит определенное переосмысливание укоренившихся подходов к методам осуществления политической коммуникации в их классической форме в направлении приведения их в соответствие с реальным положением дел в этой сфере. В политике эффективность государственного (публичного) управления (public administration) – это эффективность принятия и реализации политических решений, основанных на результативности использования политической коммуникации, ориентированной на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан общества и побуждение их к

политическим действиям, принятию и обоснованию социально – политических решений. Политическая коммуникация является социальным взаимодействием через сообщение, касающееся управления и осуществления власти в обществе.

Современное общество нуждается в адекватном реагировании на динамичность изменений в любой сфере жизнедеятельности, в том числе и в сфере государственного управления. Недалековидность управления характеризует политическую элиту как слабую в области долгосрочного стратегического мышления, устанавливает истинные приоритеты развития общества и экономики [1, с.182].

Очевидно, реальная практика обустройства государства вынуждает нас объективно переосмыслить место и роль общенационального управления в контексте политического процесса, идеологии государственного управления, логики реформаторских движений, кадрового, научного обеспечения указанных процессов [2, с. 24]. Внедрение результативного управления в данный момент является ключевым элементом для повышения эффективности государственного управления.

Государственное управление, как объект научного познания является сложным и многоплановым образованием, основой которого является концепция, вытекающая из тесной взаимосвязи политики и права, управления и власти, политической системы и общества в целом [3, с. 50].

В связи с возрастанием роли информационного воздействия в современной политической практике, где язык – важнейшее средство передачи оповещений, в нынешней политической науке наблюдается рост научного интереса к проблеме языка политики, ибо язык не является лишь средством взаимопонимания и обмена информацией в политической коммуникации, он дает ключ прежде всего к пониманию сознания субъектов политического процесса. Совокупность проблем языка расширяет свое присутствие в политической науке, внедряясь в ее теоретические, методологические, аналитические, научные, прикладные аспекты. Современное политологическое знание в своей существенной части ориентировано на осмысление языковых составляющих своего предметно-тематического пространства.

Важно отметить, что под политическим языком понимают не какой-то специализированный язык, а определенным образом «организованный» общий язык или часть общего языка – прежде всего его лексическую (терминологическую) часть, которая активно используется в политических текстах. По своей онтологической сущности язык политики – составляющая политической коммуникации. Проникновение термина «коммуникация» в политическую науку обусловлено демократизацией политических процессов в мире во второй половине XX в., возникновением и ростом роли новых информационных технологий, а феномен политико-языковых процессов, их теоретическое осмысление и аналитическое освоение предполагает бытовую абстрактную модель как совокупность взаимодействий между социальными и политическими функциями, в рамках которых происходит обмен информацией, волевыми установками, когнитивными позициями, знаково-языковыми практиками, символическими стратегиями, результатами деятельности и другими объектами [5, с. 32]. Отношения подобного рода складываются не только по поводу языка как такового, но и по взаимопроникновению языка и политики.

Общеизвестный факт, что сущность политики заключается в дискуссии между определенными принципами и теориями общества. Политическое явление превращается в нечто доступное для обсуждения только в тех случаях, когда оно выражено в словах, поэтому базовые понятия языка политики, политические формулы и клише в значительной степени определяют способ восприятия политической действительности. Следовательно, язык для политики – важная и неотъемлемая составная часть. Восприятие политических реалий в значительной степени определено структурой и эмоциональной силой языка. Слова не только характеризуют определенную политику, но и сами являются частью этой политики.

Безусловно, язык служит для легитимации (узакониванию) отношений организованной властной силы, которая, в свою очередь, артикулирует отношения власти, в результате чего и становится возможной их институционализация. Легитимация в сущности означает признание того или иного общественного образования в определенной господствующей иерархии. Основа конституционных форм управления в современном демократическом правовом государстве заключается в том, что политическое господство нуждается в одобрении и в этой связи - в обосновании. Как одобрение, так и обоснования реализуются через политическую коммуникацию. Категория легитимации может существовать только в условиях демократической конституции и демократической системы ценностей [6, с. 87].

Язык политики выступает в качестве важнейшего средства политической коммуникации. Язык политики - это основной фактор политической коммуникации, его движущая сила, которая обуславливает и определяет его характер и связь с политикой и состоит в возможности согласования интересов определенной группы людей или, наоборот, выражения недовольства с действиями другой группы. Как утверждает А. П. Чудинов [8, с. 26], язык политики отражает существующую политическую реальность, которая меняет его, и одновременно участвует в его создании и изменении. Также язык в политической коммуникации выступает в качестве средства воздействия на когнитивную систему реципиента. Исходя из этого язык, по мнению автора статьи, должен быть достаточно доходчивым и понятным широкой общественности и одновременно функционально обусловленным необходимостью быть на уровне

современного политического знания и потому усложненным по строению, форме, характеру составляющих частей, особенным по построению фраз, академичности стиля и т. п. Его отличие от обычного языка заключается в определенной «завуалированности», политические потребности часто вызывают эзопову манеру высказывания, рассчитанную на «чтение между строк». В результате язык по своей сути направлен на достижение коммуникативного эффекта, что может и затруднять процесс понимания и его восприятия.

Язык политики, как язык общественный, подвергается постоянным семантическим мутациям благодаря непрерывной артикуляции агентов политического поля. Тем самым, из-за активности субъектов действия, подверженных воздействию политических идей и идеологий, которые находят отражение в языке политики, усиливается динамика политических процессов [4]. Политика находит новые способы получения и обмена информацией. Политическая коммуникация является срезом контактного процесса, которому присущи собственные специфические функциональные, структурные, стилевые, дискурсивные качества.

Главная же цель языка политики в политической коммуникации – борьба за политическую власть, осуществление определенных интересов и намерений на основе использования коммуникативной деятельности, поскольку традиционно власть относится к числу высших социальных ценностей. Политическая коммуникация призвана оказывать прямое или косвенное воздействие на распределение власти (путем выборов, назначений, создания общественного мнения и др.) и ее использование (принятие законов, издание указов, постановлений и др.) с помощью современной политической речи.

Среди основных функций языка политики: информативная, коммуникативная, интерпретативно-оценочная, функции формирования политического сознания, убеждения и контроля, а также манипуляционная и консолидирующая функции. Следует обратить особое внимание на консолидирующую функцию языка политики. Эта функция является одной из важнейших, поскольку консолидация позволяет гражданину ориентироваться в социально-политических проблемах, она обеспечивает единство воли и направленность действий большого количества людей, отделенных друг от друга.

В демократической политической коммуникации язык политики объединяет граждан через:

- имидж общей политической действительности СМИ посредством языка политики и всеобъемлющее информирование, потому что фактически СМИ обеспечивают политическую коммуникацию, осуществляют открытое информационное взаимодействие между обществом и государством и представляют собой влиятельный субъект политики, формирующий общественное мнение, общественное сознание. В процессе политической коммуникации не просто осуществляется информирование адресата, но и меняются, формируются его политические взгляды и позиции, которые и консолидируют граждан вокруг общей идеи;

- возможность получения определенного типа представлений, потому что язык политики отражает политическую реальность в сознании. Интерсубъективное знание определяется как общее субъективное понимание, которое становится одинаковым для разных людей. Подобная осведомленность и консолидирует общественность для определенной сознательной цели;

- формирование политической культуры, которое происходит с помощью языковых средств, влияющих на политическое сознание и поведение граждан. Язык политики выступает особым символом политической культуры как система знаков, наделенных определенным значением, используемым для хранения, преобразования и передачи политической информации. Язык всегда влияет на общество через личность, способствует установлению социальных связей. Во время языковой социализации человек запоминает не только значение определенных символов, но и усваивает их социальную оценку. Язык политики превращается в средство политической социализации, которая является важной составляющей процесса демократической консолидации (приобретение и усвоение индивидом демократических норм, ценностей, представлений, то есть демократической политической культуры);

- выстраивание общественного мнения в публичной сфере, с помощью языка политики можно воздействовать на аудиторию и создавать атмосферу восприятия или невосприятия новых общественных явлений, то есть публично формировать общественное мнение [7].

Консолидирующая функция языка политики в иерархической политической коммуникации реализуется пропагандистскими языковыми средствами для формирования общих идеологических ценностей (например, в политическом сознании целенаправленно формируется представление о единстве власти и народа, забота власти о каждом гражданине государства и др.). Идеология стимулирует и направляет человеческое поведение, консолидируя при этом действия людей и общества. Цель идеологии – закрепить в сознании разных людей определенное мировоззрение, классово-политическое восприятие действительности. С помощью идеологии политики управляют людьми, что приводит к стандартизации, стереотипности мышления, сознания, прогнозированию поведения аудитории, что обеспечивает консолидацию общества, единение его с политической властью. Используется объединяющая функция языка политики в иерархической политической коммуникации для стабилизации имеющегося

политического порядка, политической и общественной жизни. Итак, благодаря политической коммуникации язык политики становится одним из важных факторов консолидации общества [9, с. 13].

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что роль языка политики выражается через его функции в политической коммуникации. Язык политики объединяет людей, регулирует их социальное взаимодействие, побуждает к определенным политическим действиям, координирует практическую политическую деятельность, формирует политическое мировоззрение, обеспечивает хранение информации и т. п.

Язык политики через проявление своих функций принимает разнообразные качественные формы при различных политических режимах, при этом динамика процесса консолидации и манипулирования имеет стратегическую и тактическую структуры. Язык отражает политические процессы, сформированные политическим режимом, он является фактором политического давления, средством объединения или манипуляции, поскольку язык политики имеет масштабный целенаправленный эффект воздействия на чувства и мысли людей, на их сознание, а определение функций языка в политике зависит от задачи и цели и ситуации общения.

Главенствующее значение языка политики как фактора, инструмента и сферы реализации политики в государственном управлении, многократное использование этой приоритетности в условиях информационного общества, требует соответствующего новым коммуникационным возможностям лингвистического обеспечения политики. Противоречивость последствий глобализации, медиатизации и виртуализации политического процесса для функционирования языка выдвигают по большому счету глубокие исследовательские задачи перед политической наукой.

Список литературы

1. Алексеева, С. И. Основные этапы развития аппарата государственного управления в России / Политическая история России // С. И. Алексеева, О. В. Егоренкова, Т. Н. Захарова. Ч1. IX - начало XX вв. – СПб, 2005. – С. 182-281.
2. Андреева, Л. А. Местное управление и самоуправление в России: вызовы и возможности / Л. А. Андреева // Научные труды Северо-Западного института управления. РАНХиГС. – 2018. – Т9. Вып №4(36). – С. 22-25.
3. Белов, Л. П. Кадровая политика государственного управления сильного государства: теоретико-политические основания / Л. П. Белов // Научные труды Северо-Западного института управления. РАНХиГС. – 2018. – Т 9. – Вып. №4(36). – С. 44-51.
4. Ван Дейк, Т. А. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. Ван Дейк. – М.: Либроком. 2013. – 344 с.
5. Золян, С. Т. Язык политики или язык в политической функции? / С. Т. Золян // Полития. – 2018. – №3(90). – С. 31-49.
6. Меньшиков, П. В. Коммуникация как управленческая функция современного государства / П. В. Меньшиков // Право и управление XXI век : проблемы и перспективы. – 2017. – №3(44). – С. 81-90.
7. Почепцов, Г. Г. Коммуникативные технологии XX века / Г. Г. Почепцов. – М.: «Рефл-Бук»: 2000. – 352 с.
8. Современная политическая коммуникация / Под общ. ред. А. П. Чудинова. – Екатеринбург, УрГПУ. 2009. – 292 с.
9. Шавардова, Е. Ю. Консолидирующая функция политического языка в политической коммуникации для формирования речевого имиджа / Е. Ю. Шавардова. // Гуманитарный трактат. –2020. – Вып. №76. – С.11-14.

Статья поступила в редакцию 15.11.2020

Shavardova, E. Yu. Range of Possibilities of the Language of Politics as a Means of Communication in Public Administration

The article deals with the role of the political language in public administration as a special form of administrative activity for regulating political processes, coordination and realization of various interests of the population. A methodology is proposed that allows deeper assessment of the meaning of the political language as a system of communicative means of encoding political information, provoking political actions and managing them. The author determines peculiarities of changes of the use of language of politics when consolidating citizens in political communication.

Keywords: public administration, political language, communication.

УДК 327(44+100):929Sarkozy

В статье рассматривается средиземноморское направление внешней политики Французской Республики в период президентства Н. Саркози. Авторами подробно анализируются основные этапы становления Союза для Средиземноморья и направления его деятельности. Особое внимание уделено основным этапам эволюции идеи новой организации в Средиземноморье и согласования проекта с другими государствами ЕС, в частности Германией. Делается вывод о наличии, как внешних, так и внутренних факторов, определяющих степень эффективности средиземноморской политики Франции в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Франция, Н. Саркози, Средиземноморский Союз, Союз для Средиземноморья, ЕС, Магриб.

А. В. Шопина, магистрант

Севастопольский государственный университет

E-mail: djullea13@mail.ru

Л. П. Нелина, доцент, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: larisanelina@gmail.com

А. А. Ковалевский, ст. преподаватель

Севастопольский государственный университет

E-mail: ilabian.org@gmail.com

СОЮЗ ДЛЯ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ: ЭТАПЫ И ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Средиземноморский регион играет важную роль в политике Франции, что обусловлено сложившимися исторически интересами этого государства в Южном и Восточном Средиземноморье. К началу Второй мировой войны под французским контролем находились Сирия, Египет, Ливан, Тунис, Алжир и Марокко в качестве колоний, подмандатных территорий и протекторатов, что подтверждало великодержавный статус Франции. Однако с установлением биполярности, СССР и США, стимулируя процесс деколонизации, постепенно вытеснили Францию из региона заняв стратегически важные позиции на африканском континенте.

После объединения в 1990 г. Германия потеснила позиции Франции и в ЕС, заняв положение экономического лидера объединения. В связи с масштабным расширением ЕС на Восток 2004 г. и 2007 г., а также с экономическим отставанием Франции от Германии во франко-германских отношениях стал проявляться дисбаланс. На передовые позиции как в экономическом, так и в политическом плане выдвинулась Германия, оттесняя Францию на второй план. Складывающееся положение не устраивало администрацию Пятой Республики, и она берёт курс на установление партнёрства со средиземноморскими странами, пытаясь восстановить бывшее влияние страны и занять более значимое место в мировой политике. Одним из французских политиков приоритеты внешнеполитического курса страны в этот период были обозначены следующим образом: «Африка и Средиземноморье – два региона, представляющие для Французской Республики предпочтительную ценность» [7, с. 60]. В определенной степени эта формулировка отражает попытку французских лидеров с 1990-х переформатировать свои подходы к региону и синтезировать сложившиеся к этому времени арабскую политику (двусторонние отношения Франции со странами Магриба и Ближнего Востока) и средиземноморскую политику как отношения с южноевропейскими странами и участие в инициативах ЕС в регионе [4, с. 29-30].

В отечественной литературе на протяжении длительного времени данный вектор политики Франции оказывается не востребованным. Однако активизация французской дипломатии на этом направлении приводит к оживлению интереса российских ученых. В этом плане следует отметить монографии Т. В. Зверевой, Е. О. Обичкиной, С. М. Федорова [1; 6; 12], которые полностью или в отдельных своих частях посвящены рассмотрению данного вопроса. Также эта тема поднимается отечественными учеными в ряде статей [2; 5; 7; 11]. Рост интереса ученых к теме свидетельствует о ее актуальности, особенно в свете ускорения трансформации системы международных отношений в направлении роста значимости региональных держав.

Впервые о необходимости создания в Средиземноморье новой организации кандидатом в президенты Франции от правоцентристской либерально-консервативной (неоголлистской) партии

«Союз за народное движение (UMP)» Н. Саркози было объявлено на партийном съезде 14 января 2007 г. В ходе выступления им было заявлено: «Я хочу быть президентом такой Франции, которая предложит объединить Средиземноморье, как когда-то она предложила объединить Европу, и которая впишет в перспективу этого единства отношения Европы и Турции, ее связи с арабским миром, поиск решения арабо-израильского конфликта, а также выборочную миграцию, обоюдное развитие, установление свободного обмена и борьбу за сохранение культурного разнообразия» [5, с. 6]. Несмотря на традиционность присутствия внешнеполитической повестки в программах голлистов, идея подобного союза в риторике Н. Саркози стала новой, поэтому ее возникновение связывают с именем его советника А. Гэно [11, с. 45]. Впоследствии план создания Средиземноморского союза активно использовался Н. Саркози в ходе предвыборной кампании. В ходе своих выступлений он акцентировал внимание на той его части, которая могла в наибольшей степени соответствовать интересам аудитории, перед которой выступал кандидат в президенты [5, с. 45].

В феврале 2007 г. в Тулоне во время выступления перед избирателями идея Средиземноморского Союза была конкретизирована. Данный проект объявлялся основой французской дипломатии в период пятилетнего срока пребывания Н. Саркози у власти (с 2007 г. по 2012 г.); были намечены четыре основных направления сотрудничества: управление миграционными потоками, очистка Средиземного моря, «совместное развитие» в вопросах экономики, образования и других сферах, борьба с коррупцией и терроризмом [11, с. 47]. При этом, первое, с учетом важности проблемы мигрантов для внутренней политики Франции, было наиболее детализированным и содержало перечень конкретных предложений. Несмотря на то, что впоследствии идея о Средиземноморском Союзе подавалась как попытка реанимации средиземноморской политики ЕС (Барселонский процесс), первоначально она была нацелена на усиление французских позиций в ЕС – осуществление посреднических функций между объединенной Европой и средиземноморскими государствами способствовало бы восстановлению влияния Франции в бывших колониях и утверждало ее в статусе регионального лидера Средиземноморья, что в конечном счете, создавало бы противовес влиянию Германии. Поэтому, кроме Франции, в состав союза планировалось включение только тех европейских государств, которые имеют выход к Средиземному морю: Португалии, Испании, Греции и Кипра [11, с. 43]. По мнению специалистов, значение, придаваемое Н. Саркози Средиземноморью, также объясняется тем, что данный регион является «источником энергоносителей, рынком сбыта современных вооружений, высоких технологий и оборудования для атомных электростанций; поэтому, активизация сотрудничества между прибрежными странами должна позволить Франции лучше контролировать процессы трудовой миграции и создать дополнительные совместные механизмы обеспечения безопасности и борьбы с терроризмом» [2, с. 43].

После избрания на президентский пост Н. Саркози продолжил продвижение данного проекта. Так, в августе 2007 г. на XV Конференции послов в присутствии большого количества французских официальных лиц и иностранных дипломатов создание Средиземноморского Союза было представлено им как «ответ на угрозу конфронтации между Исламом и Западом» [11, с. 51] и основными направлениями сотрудничества уже были определены окружающая среда, диалог культур, экономический рост, безопасность. Проблема миграции и вопрос о планируемом составе участников в ходе выступления не поднимались, однако было указано, что ЕС (в частности, Еврокомиссия) должен стать членом организации [11, с. 51]. Таким образом, после избрания Н. Саркози предлагает более компромиссный вариант Средиземноморского Союза.

В ходе официального визита в Марокко, в октябре 2007 г. Н. Саркози впервые представил свой проект на международном уровне, предварительно согласовав его с лидерами Алжира и Туниса. Апеллируя к общности историко-культурного наследия региона, французский президент предлагал включить в состав Средиземноморского Союза Францию, Португалию, Испанию, Италию, Грецию, Кипр, Мальту, Турцию, Израиль, Ливан, Египет, Тунис, Алжир и Марокко. В основу создания Союза закладывались четыре цели: контроль и управление миграционными потоками; защита окружающей среды; содействие совместному развитию стран Средиземноморья и Европы; борьба с коррупцией, организованной преступностью и терроризмом [11, с. 53]. Одновременное привлечение к участию в Союзе Ливана, Израиля и Египта создавала почву для французского влияния на урегулирование арабо-израильского конфликта. Привлечение же стран Магриба было нацелено на обеспечение благоприятных условий для французских инвестиций и контроль над миграцией. Особое место в проекте отводилось Алжиру, являющимся крупнейшим поставщиком газа, экспортируемого во Францию.

Отдельного внимания заслуживает видение Н. Саркози роли Турции в Средиземноморском союзе. Будучи противником её вступления в ЕС как полноправного члена, в виду отсутствия у

Турции какой-либо общности с Европой и ее ценностями [10], французский президент в качестве альтернативы отводил ей роль главного партнера Франции в Средиземноморском Союзе. Однако Турция не только отвергла это предложение, но и выступила против новой организации в целом. После отказа Турции ключевая роль в Союзе стала отводиться сначала Алжиру [11, с. 56], а впоследствии Египту. Турция дала свое согласие на участие в новом союзе только в мае 2008 г., после того как получила многосторонние заверения, что это не является альтернативой ее участия в ЕС.

Однако инициатива Н. Саркози в ее первоначальном виде вызвала резкое противодействие со стороны других членов ЕС. Поэтому с целью достижения консенсуса и обеспечения источников финансирования Союза проект был существенно трансформирован. Ключевая проблема заключалась в том, что проект не нашёл поддержки у канцлера ФРГ Ангелы Меркель [3, с.60]. Немецкое руководство небезосновательно видело в Средиземноморском Союзе угрозу положению Германии в ЕС. Реализация данного проекта усилила бы позиции Франции в Южной Европе, ограничив сферу влияния Германии Центральной и Восточной Европой. Это означало бы формирование двух центров силы на европейском континенте и угрожало бы расколом единства ЕС. Попытка достигнуть компромисса была предпринята в ходе 32-го франко-германского саммита 6 декабря 2007 г. в Париже. Н. Саркози, стремясь не обострять франко-германские противоречия и сохранить возможность финансирования проектов новой организации за счет ЕС, согласился на включение в организацию Германии и несредиземноморских государств. А. Меркель, в свою очередь, не могла игнорировать инициативу Н. Саркози с учетом той поддержки, которую она нашла среди африканских государств [11, с. 58-59].

В подтверждение твердости французских намерений Н. Саркози было инициировано франко-итало-испанское воззвание («Римское воззвание»), в котором содержался призыв к созданию новой организации в Средиземноморье. В этом документе организация получила новое название – Союз для Средиземноморья (СдС), а также было заявлено, что организация будет базироваться на принципе сотрудничества, а не интеграции и будет сосуществовать с уже реализующимися формами партнерства, т.е. снимался вопрос об альтернативности организации Барселонскому процессу [11, с. 59-61]. Хотя это воззвание и стало шагом назад для Франции в сравнении с заявленными в ходе тулонской речи целями, она получила поддержку Испании и Италии в процессе создания организации.

Впоследствии, в июле 2008 г. на саммите глав государств и правительств из 43 стран в Париже Союз для Средиземноморья был учрежден официально. Принципами функционирования организации были озвучены: 1) превращение Средиземноморья в зону мира; 2) установление демократии, сотрудничества, поддержание процветания региона; 3) проявление солидарности по выработке и принятию совместных решений [11, с. 60]. На основании этих принципов была подписана итоговая декларация Парижского саммита, согласно которой главными задачами организации являлись стабильность и безопасность в регионе, техническое и культурное развитие, сокращение числа бедного населения, повышение эффективности здравоохранения, отстаивание прав женщин в обществе, соблюдение прав меньшинств, а также борьба с расизмом [15].

В документе также указывалось, что основой евро-средиземноморских отношений остаётся средиземноморская политика ЕС, главные направления которой были обозначены в Барселонской декларации 1995 г. В первую очередь политика ЕС была направлена на безопасность, экономическое партнёрство, свободную торговлю и межкультурный диалог [13]. Другим программным документом данного направления политики ЕС стала 5-летняя Рабочая программа, принятая в 2005 г. на саммите в Барселоне [14]. Данная Рабочая программа стала попыткой интенсифицировать затухающий Барселонский процесс и предусматривала меры по улучшению межкультурного взаимопонимания посредством регулярного диалога, поощрения обменов и мобильности между арабским и европейским населением. Тем не менее и этот документ остался по большей части лишь декларацией. Во многом это обусловлено тем, что в Брюсселе ожидали от арабских стран демократизации общества, но страны Юга не были готовы к серьёзным реформам, а европейское структурирование для них было чуждо. Разрыв по экономическим показателям между Европой и странами Средиземноморья также стал камнем преткновения для достижения совместных целей. Но ключевой причиной торможения Барселонского процесса послужила неспособность справиться с региональными конфликтами. Сказывалось и негативное влияние внешних процессов, таких как реализация американского проекта «Большого Ближнего Востока», сопровождавшегося военными действиями США в Ираке и Афганистане, отсутствие согласованной позиции стран ЕС в вопросах безопасности; расширение Евросоюза на Восток; институциональный кризис ЕС [11, с. 43]. Поэтому

проект Н. Саркози, являясь альтернативой Барселонскому процессу, не мог быть принят в первоначальном виде, а только в качестве продолжения средиземноморской политики ЕС.

Стоит отметить, что Н. Саркози приложил максимум усилий для того, чтобы на учредительном саммите в Париже были представлены все участники будущего Союза, в том числе и Израиль, несмотря на его открыто напряженные отношения с большинством арабских государств. Однако саммит был проигнорирован М. Каддафи, который на фоне нового кризиса в арабо-израильских отношениях выступил с демаршем против СдС и заявил: «СдС имеет целью вновь поставить арабские страны под власть европейцев» [3]. Хотя на этапе согласования в декабре 2007 г. Каддафи одобрил проект в обмен на полноправное участие в нем Ливии [11, с. 56]. На начальных этапах участие в Союзе рассматривалось М. Каддафи как альтернатива участию в Барселонском процессе, к которому Ливия стремилась присоединиться с 2004 г., но в ноябре 2007 г. ей было отказано [4, с. 143].

Также на Парижском саммите встал вопрос по поводу источников финансирования Союза. Еврокомиссия приняла решение о том, что все проекты, осуществляемые в его рамках, должны субсидироваться за счёт общего бюджета ЕС, а также из бюджетов стран-участниц.

Следующая встреча состоялась в ноябре 2008 г. в Марселе на уровне министров иностранных дел СдС. Задачами данного мероприятия было определено учреждение органов руководства организацией и регламентов ее деятельности. В итоге сопредседателями организации были избраны Н. Саркози и Х. Мубарак. Также было решено создать секретариат, штаб-квартира которого располагалась бы в Барселоне и Совместный Постоянный комитет в Брюсселе. Функции последнего сводились к обеспечению возможности оперативных консультаций и координации действий участниками организации в случае возникновения такой необходимости [8, с.123]. Большим прогрессом стало то, что впервые в состав общего руководящего органа вошли представители Палестинской автономии и Израиля. ЛАГ получила статус наблюдателя, но впоследствии вошла в состав СдС.

В декабре 2008 г. израильскими вооруженными силами была осуществлена военная операция в Секторе Газа, что незамедлительно отразилось на дальнейшей судьбе Союза. Арабские страны заявили о своём нежелании сотрудничать с Израилем, все официальные встречи в рамках СдС, запланированные на 2009 г. были бойкотированы арабскими странами. Х. Мубарак был обвинён в бездействии и поддержке израильской агрессии. Особенно активными были призывы к бойкоту со стороны Ливии. Попытки Н. Саркози в ходе своего турне выступить посредником и уладить конфликт также оказались безрезультатны. Деятельность СдС оказалась парализованной, а возможность Франции стать гарантом региональной стабильности оказалась под сомнением. При этом именно Франция оставалась главным инвестором в регионе и на фоне экономического кризиса 2008 г. проявляла свою активную заинтересованность в регионе, где уровень развития банковской сети сильно отставал от европейского. Действия Франции в этот период концентрировались в двух основных направлениях: с одной стороны французская администрация всеми силами пыталась разблокировать политический процесс на уровне Союза, с другой – была развернута широкомасштабная программа помощи и инвестиций для отдельных участников объединения [4, с. 218-219].

СдС возобновил свою деятельность только в июне 2009 г., когда в Париже состоялось заседание министров экологии стран-участниц. В основном на переговорах обсуждались проекты по водному урегулированию в Египте и Секторе Газа. Но несмотря на возобновление работы, сохранялось много проблем организационного плана. В частности, у СдС еще даже не было устава. Определенные ожидания в этом плане высказывались архитекторами проекта в связи с избранием на пост Генерального секретаря СдС А. Моссадеха, занимавшего пост посла Иордании в Брюсселе. Однако в апреле 2010 г. работа организации снова была парализована по вине Израиля. Существенную роль сыграл и тот факт, что 7 мая 2009 г. официально стартовало «Восточное партнерство», являвшегося конкурентом СдС внутри ЕС в организационном и финансовом плане.

С началом «Арабской весны» в 2011 г. все взаимодействия в рамках СдС снова оказались замороженными, так как большинство партнеров Н. Саркози по Союзу в Южном и Восточном Средиземноморье сошли с политической арены своих государств. Особенно негативно на перспективах СдС отразилось свержение Х. Мубарака, выступавшего опорой Франции в организации. Заявленные цели Союза так и не были достигнуты. На сегодняшний день СдС существует в качестве одной из программ политики соседства ЕС без каких-либо особых предпочтений для Франции.

Таким образом, на примере СдС и деятельности Н. Саркози по его утверждению представляется возможным констатировать возрастание значимости средиземноморского направления во внешней

политике Франции в начале XXI в. При этом, вслед за Н. В. Татарчук можно согласиться, что одним из основных недостатков предложенного французским президентом проекта было отсутствие механизма урегулирования ближневосточного конфликта и ряда локальных конфликтов между участниками организации [11, с.65]. Несмотря на существенное экономическое влияние в странах Магриба, Франции, тем не менее, не хватило политического веса для выполнения функций арбитра в решении арабо-израильских противоречий. Предлагая амбициозный проект, который, в случае успешности привел бы к реформатированию регионального баланса сил в Средиземноморье и изменял бы положение Франции внутри ЕС, Н. Саркози и его командой не были учтены интересы внешних игроков, таких как Германия и США. При этом, вполне вероятно, что по мере дальнейшей регионализации международных отношений Париж может вернуться к этой идее впоследствии.

Список литературы

1. Зверева, Т. В. Внешняя политика современной Франции / Т. В. Зверева. – М.: Канон+ РООИ Реабилитация. – 2014. – 344 с.
2. Зверева, Т. В. Внешняя политика Франции после прихода к власти Николя Саркози / Т. В. Зверева // Мировая политика и международные отношения. – 2008. – №6. – С. 34 – 48.
3. Зверева, Т. В. Средиземноморский проект Парижа / Т. В. Зверева // Мировая политика и международные отношения. – 2014. – №8. – С. 56 – 66.
4. Карева, Д. О. Средиземноморская политика Франции в конце XX – начале XXI вв : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 – всеобщая история (соответствующего периода) / Д.О. Карева. – М., 2015. – 291 с.
5. Карева, Д. О. Проблемы средиземноморской политики Франции в президентской кампании Н. Саркози (2007 г.) // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (23) – С. 5–7.
6. Обичкина, Е. О. Франция в поисках внешнеполитических ориентиров в постбиполярном мире: монография / Е. О. Обичкина; МГИМО(У) МИД России. – М.: МГИМО, 2004. – 487 с.
7. Орлова, С. Ю. Геополитические и экономические интересы Франции в странах Магриба / С. Ю. Орлова // Актуальные проблемы современных международных отношений. – 2016. – №8. – С. 60 – 66.
8. Панюжева, М. М. Французская политика Николя Саркози (2007 — 2012 гг.) / М. М. Панюжева // Обозреватель–Observer. – 2013. – №11. – С. 118–127.
9. Пархалина, Т. Г. Франция и Средиземноморье. – М.: Наука, 1987. – 188 с.
10. Саркози: Турция – смерть ЕС, Европе нужна Россия. – URL: <https://riafan.ru/510100-sarkozi-turciya-smert-es-evrope-nuzhna-rossiya> (дата обращения 28.12.2020).
11. Татарчук, Н. В. Эволюция идеи Н. Саркози о создании Средиземноморского союза: от Тулонской речи к «Римскому договору» / Н. В. Татарчук // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2010. – №1. – С. 42–67.
12. Фёдоров, С. М. Франция в новых геополитических условиях Европы XXI века. – 2012. – 102 с.
13. Barcelona declaration 1995. – URL: https://ec.europa.eu/research/iscp/pdf/policy/barcelona_declaration.pdf (accessed: 9 November 2020).
14. First Euro-Mediterranean Summit in Barcelona. URL: <https://www.assemblee-nationale.fr/europe/Euromed/anglais/doc1.pdf> (accessed: 11 November 2020).
15. Henry, J. R. La Méditerranée de Sarkozy. – URL: <http://www.jfcconseilmed.fr/files/12-02-20---FSU--La-Mediterranee-de-Sarkozy--JRHenry.pdf> (accessed: 28 November 2020).
16. Joint Declaration of the Paris Summit for the Mediterranean. – URL: https://ec.europa.eu/policy/paris_declaration (accessed: 8 November 2020).

Статья поступила в редакцию 30.12.2020

Shopina, A. V., Nelina, L. P., Kovalevskiy, A. A. *Union for the Mediterranean: Stages and Challenges of Formation*

The article examines the Mediterranean direction of the foreign policy of the French Republic during the presidency of N. Sarkozy. The authors analyze in detail the main stages of the formation of the Union for the Mediterranean and the directions of its activities. Special attention is paid to the main stages of the evolution of the idea of a new organization in the Mediterranean and the coordination of the project with other EU states, in particular Germany. It is concluded that there are both external and internal factors that determine the degree of effectiveness of French Mediterranean policy in the period under review.

Keywords: France, N. Sarkozy, Union for the Mediterranean, EU, Maghreb.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

* * *

УДК 177(091):316.6

В статье рассматриваются философские основания, ставшие платформой для формирования моральной и политической теорий Т. Гоббса. Уделяется внимание взаимосвязи исторических событий и их интерпретации в гуманитарном знании Нового времени с помощью материалистических предпосылок. Акцент делается на структурном соотношении биологической природы человека и возможностей социальной коммуникации в ракурсе самосохранения и реализации естественных интересов индивида.

Ключевые слова: телесность, движение, общественный договор, страх, угроза существованию, эгоцентризм.

А. В. Миронов, доцент, д-р филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: andreyvmironov@gmail.com

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Мобильность государственной системы, обусловленная экономическими, социальными, политическими противоречиями, в условиях внешних вызовов XXI века представляет опасность общенациональному развитию. Внутренние конфликты разрушают общественную консолидацию и тем самым формируют условия кризисной ситуации, трансформирующейся в социальное противостояние. Исследование взаимосвязи философских тенденций и социальных потрясений, вызванных новыми идеологическими установками, представляет интерес в ракурсе исторических аналогий, поиска связующих парадигм теории и практики гуманитарного знания. Актуализация данной проблемы раскрывается в контекстах переходных периодов: смена ценностных эталонов, новые поведенческие мотивации в общественной сфере, появление неординарных потенциалов личностной идентификации. Переживаемые обществом изменения предполагают анализ мировоззренческих принципов, ставших основой кардинальных преобразований, затрагивающих все слои общества. Выбранный период европейской истории и место действия (XVII век – Англия) максимально отвечает поставленной задаче: соотнести компоненты социального движения с идеями истолкования человеческой сущности, форм гражданской активности, государственного устройства, аморальных проявлений.

Задачи исследования: 1) определить взаимодействие философских концептов с практикой социального применения в условиях общественных сдвигов; 2) обосновать выбор идейной основы теории Т. Гоббса в обстоятельствах английской буржуазной революции; 3) выделить истоки концепции «общественного договора» в противопоставлении идеалистического и материалистического векторов «философии истории».

В статье используется метод историко-сравнительного анализа, максимально отвечающий задачам исследования, а также системный метод, позволяющий раскрыть взаимосвязи социальных факторов с философской интерпретацией проблемы человеческого выбора в Новое время и построить схематизированную версию триады «человек» - «общество» - «государство».

Концепция Т. Гоббса, включающая этику, философию политики, доктрину государственного устройства опирается на материалистическую теорию, послужившую базисом его социальной системы. С ее помощью английский мыслитель предпринял попытку установить прочные взаимосвязи между миром природы и миром человека. В данный исторический период европейская наука стремилась выделить истинные причины моральных поступков через обращение к естественной сущности индивида. Данный подход опирался на качественно иные параметры, чем представленные в теологических учениях того времени (идея сверхъестественного и ее влияние на

спектры человеческого поведения). Т. Гоббс предлагает считать принцип телесности в качестве основы построения социальной теории, так как в нем представлена реальность, независимая от человеческого сознания, что позволяет использовать в конструировании моральных и политических схем объективные основания. Как отмечает Д. Джемс: «Тело, Человек, Общество составили всю его философию» [3, р.6].

Мир тел разделяется на тела физические, т. е. созданные природой и тела искусственные, созданные волей человека, к которым относятся мораль, общественные институты, государство. Телесность определяется конфигурацией материальных частиц и способностью к движению – посылке, подчиняющейся законам механистического детерминизма. Для Т. Гоббса движение «ключ» к пониманию реальности, методология, объединяющая природу и политику. Физические объекты, в том числе и человек, – это формы движения материи, на которые распространяются естественные законы. Установив закономерности в социальном пространстве, общество сможет использовать полученное знание для контроля всех сфер жизнедеятельности, не принимая в расчет эмоции, чувства, волеизъявления, а заменяя их естественными потребностями (сравнимые с физическими данностями), на которые можно опираться как на абсолютные посылки.

Т. Гоббс определяет природу человека исходя из его биологической сущности. Кровообращение, дыхание, питание, продолжение рода воспринимаются им как жизненное движение. На основе этих первичных функционирований человеческого тела формируются и этические понятия. По его мнению, проявления добра и зла находятся в прямой взаимосвязи с этими процессами. «Ощущение удовольствия и страдания возникает не из противодействия сердца, направленного наружу, а из движения, направляющегося от самой внешней части органа к сердцу... Если эти движения встречают поддержку в новом движении, то возникает удовольствие, если же они встречают противодействие с его стороны, то возникает неприятность, страдание, болезнь» [2, с. 200]. Гоббс считает, что добро и зло носят индивидуальный и относительный характер, где стремление к удовольствию выступает критерием оценки поступка, позволяющим выстраивать линию поведения и ориентироваться в предлагаемых обществом обстоятельствах. Физиологизм, доминирующий в понимании человека в XVII – XVIII, редуцирует высшие цели и предназначение индивида до примитивного удовлетворения природных потребностей. «Наслаждение же есть как бы конечная цель вещи, к которой мы стремимся» [2, с. 241]. Разумность, соотносимая с естественной гармонией телесной природы человека, полностью отвечала задаче построения моральной и политической схем, направленных к закреплению ценностных установок, выдвинутых новой социальной группой – буржуазией.

В английской моральной философии XX века проводят параллели между понятиями гедонизма у Эпикура и Гоббса. Эпикур рассматривал добро идентичным наслаждению, принимая в качестве посылки приоритет духовного над материальным. У Т. Гоббса фундаментальной страстью индивида является самосохранение, в котором раскрываются потенциалы всех наслаждений. Удовольствие – внешнее проявление, оно меньше по объему, чем движение как основа жизни. Признавая человека необщественным животным, подчеркивая его эгоистическую сущность, Т. Гоббс стремится найти компромиссное начало для соединения данных понятий: удовольствия и инстинкта самосохранения. Только в государстве человек может безбоязненно удовлетворить свои потребности, не опасаясь ни за свою жизнь, ни за свою собственность (в новых буржуазных условиях между этими понятиями можно было поставить знак равенства). Оно служит ему гарантией защиты от насилия и беззакония. «Таким образом, он (Гоббс – А. М.) становится создателем политического гедонизма, доктрины, которая революционизировала человеческую жизнь везде, никогда еще никакое учение не достигало такого результата» [5, р.3].

Натуралистическое направление в философии XVII века игнорировало социальные, культурно-исторические обоснования становления человека как уникальной личности. Абсолютизация механистической причинности как метода познания индивида и его биологической природы приводило к упрощенной схеме в объяснении человеческого сообщества. Редукция проявлений гражданина до инстинктивных импульсов формировала новый феномен взаимоотношений в социуме. Принцип движения, как движущая сила действительности утратил свое видовое многообразие и представлялся исключительно как способ существования тел в природе. Атак как не было выявлено специального вида движения для человека в социальной реальности, то из этого следовало, что не существует существенного различия между человеком и животным: качественная разница воспринималась исключительно в понятиях механистической специфики. Человек наделялся способностями поддерживать свою жизнедеятельность: есть, пить, размножаться, мыслить. «Эти

способности мы единодушно называем природными, и они содержатся в определении человека как одаренного разумом животного» [2, с. 442].

Сведение человеческого бытия до пределов самодвижения материи, дает Т. Гоббсу право доказывать, что продолжение движения является необходимостью для каждого индивида и возможностью обходиться без применения постулатов морального характера в конструировании собственной социальной модели. Выводом становится утверждение, что моральные ценности, права и обязанности были вызваны движением механизмов разного качественного характера. Так как движение – равная необходимость для любой системы, то и нравственность может быть выведена из этого атрибута. В его интерпретации мораль – то, что способствует развитию социальной системы с помощью ускоряющейся смены форм и темпов общественной коммуникации. Последовательное применение этого положения к человеку и социуму отразилось в картине «естественного состояния», «общественном договоре», формировании политических конструкций. Использование механистического детерминизма, доведенного до крайностей, представило человека как машину, приводимую в действие силой личных интересов, направленных к максимальному достижению ресурсов поддержания своей инстинктивной природы. Индивид оказывается в статусе промежуточного звена между естественностью и обществом, двигателем, наделенным способностью ощущений. Движение это носит хаотичный характер относительно других объектов, но его вектор сориентирован на единственный центр – собственное «Я». Он определяет все помыслы человека, его поступки, оберегает от опасностей. «Тяготение к себе» сравнимо с законами земного притяжения, это неуничтожимая сила и ничто не может заставить человека выйти за данные предначертания.

Принципы материальной телесности трансформируются в основное понятие, которым Т. Гоббс пользуется при создании своей общественной теории. Эгоизм, тождественный инстинкту самосохранения, воспринимается как универсальное основание, обладающее всеобъемлющим характером применения. Мыслители XVII века, ориентированные на натуралистическое понимание действительности, стремились найти способ объясняющий любые человеческие действия. Б. Спиноза называет это желанием существа сохраниться в своем существе. Т. Гоббс выдвигает идею доминирования материалистических приоритетов над всеми остальными, «жизнь» есть единственная ценность. На этом постулате базируется его теория страстей и через них обосновываются нравственные законы.

Три основных понятия составляют его теорию страстей, присущих каждому индивиду. Стремления, желания, отвращения определяют модуляции поведенческих стереотипов. Важно отметить, что все феномены морали и политики объясняет в категориях движения. Стремление – движение человеческого организма по направлению к внешним объектам или в обратную сторону, оно получает продолжение в желаниях (приближение) и отвращениях (движение назад) и, которые формируют аффекты, оказывающие влияние на социальную коммуникацию. «Причинами этих движений являются образы блага и зла, вызываемые в нашей душе вещами» [2, с. 248]. Т. Гоббс обращает внимание на аффекты, которые представлены в общественной жизни: любовь, ненависть, жестокость, страх, гордость, соперничество. Все они коренятся «в различных движениях крови и животных духов» [2, с. 248]. Если социум с помощью науки сможет выявить фундамент этих страстей, то появляется возможность взять их под контроль и использовать во благо всех граждан. Признание «жизненного движения» было необходимостью существования концепции в рамках механистической парадигмы, которая сталкиваясь с явлениями трудно объяснимыми в собственном диапазоне, прибегала к положениям схоластической философии.

Выстраивая иерархию эмоциональных состояний, Гоббс заключает ее категорией страха смерти в результате насилия. Смерть – «враг природы» и, соответственно, человека как ее составляющей: остановка всякого движения, с которым связано проявление жизни. «Гоббс первый из английских моралистов выдвинул инстинкт самосохранения, как могущественный фактор в процессе выработки этических норм и вообще в процессе моральной деятельности» [1, с. 59]. Логическая цепочка реализуется следующим образом: самая сильная страсть индивида раскрывается в постоянном стремлении к удовлетворению желаний (получение наслаждений). Цель не в том, чтобы насладиться раз и навсегда, а в том, чтобы обеспечить себе возможность постоянного перехода от одних чувственных наслаждений к другим. Данная ценностная установка осуществляется при условии, если жизнь индивида не подвергается опасности. Эту схему английский мыслитель укладывает в основание своей теории государственного регулирования в качестве первоначальной посылки. «Естественное состояние», в котором пребывает человек на ранних этапах исторического развития, характеризуется постоянной угрозой его существованию в самых различных аспектах: физическое насилие, посягательство на собственность со стороны других лиц, недоступность к формам комфорта

и благополучия в силу нестабильности ситуации, отсутствие гарантий получения удовольствия. Эта логическая импликация определяет исходное восприятие человеком собственной личности и повседневной реальности.

Все страсти индивида выводятся из желания добра себе при любых обстоятельствах. Исходя из этого, Гоббс выдвигает универсальный принцип социального взаимодействия: каждый человек стремится к самосохранению, «усилению» и возвышению, чтобы не потерять возможности реализации удовольствий, а в лучшем случае и приумножить их. Из этого можно сделать вывод: человек – эгоист по необходимости, не из тщеславия, не из жажды славы и почестей, а по своей физической природе. Поэтому влечение к первенству, позиционирование собственного могущества мотивировано соперничеством за средства удовлетворения инстинктов индивида, столь необходимых для выживания. Если допустить, что жизненная сила другого становится более мощной и противопоставляет себя другим, то между людьми возникает соперничество и, они становятся конкурентами. В этой дилемме стороны конфликта всеми способами мешают усилиям возвышения потенциальных врагов, тем самым, увеличивая собственную безопасность. Данный подход максимально соответствовал трансформационным процессам, происходящим в экономической и социальной сферах. Прежняя корпоративная культура хозяйствования освобождалась от устоявшихся традиций профессиональной солидарности: взаимответственности, поддержки, выполнения обязательств перед всеми членами сообщества. Буржуазные отношения предполагали жесткую конкуренцию, ориентированную на получение прибыли. В такой ситуации извлечение выгоды становилось основной мотивацией деятельности и совпадало с материалистической интерпретацией социального взаимодействия. Подменяя нравственные и политические аргументы социальных поступков физиологическими потребностями, Гоббс использует этот тезис, обосновывая «войну всех против всех», что максимально соответствовало объяснению жестокости и коварства, имевших место в английской истории первой половины XVII века.

Рассматривая самоинтерес как исходную позицию всех человеческих действий, Т. Гоббс низводит человеческую природу до примитивного механизма функционирования телесных органов. «Страсти как таковые составляют основу низменной точки зрения о человеческой природе, которая есть базис моральной и политической философии Гоббса» [3, p.115]. Современники обвиняли автора «Левиафана» в человеконенавистничестве, но его концепция являлась новаторским проектом: устройство государства и общества, объясняемое через принципы натурализма и рационализма, содержало потенциальное требование к совершенствованию структуры управления, т.е. к поиску баланса интересов между индивидом и обществом. Доверяя человеческому разуму, он выстраивает на основании научных фактов свою схему власти, обращаясь к физиологии индивида как прочной основе манипулирования стимулами мирного существования. Человек – разумное животное, которое способно обуздать свой эгоизм исходя из необходимости выживания. Способность личности к переориентации собственной выгоды на цели, сопряженные с общественным благом – самая существенная защита как отдельно взятого гражданина, так и всего сообщества от разрушительного воздействия агрессии. В ней раскрывается взаимная заинтересованность в создании условий, которые содействуют поддержанию своей телесной природы и собственности в целостности и безопасности. Т. Гоббс считал, что гражданские законы, должны отвечать человеческой естественности, т. е. представлять собой концентрированное выражение рациональных посылок с учетом природных инстинктов. Они способны предотвратить конфликты, войны, столкновения, влекущие массовое истребление человека человеком. Ценности разума как естественные качества индивида – основа подлинной морали и политики, отвечающие подлинной сущности человеческой особи. Идея общественного договора, абсолютизация монархической власти, перераспределение прав граждан, полномочия на определение добра и зла являлись следствием материалистической платформы, выдвигаемой Гоббсом в качестве детерминанты поведения в процессе социальной коммуникации.

Не менее важным фактором оправдания материалистических предпосылок Т. Гоббса следует считать соответствие упрощенных положений о человеке реалиям гражданской войны в Англии. Актуальность поиска исходных оснований социальной теории, переходящей в практику обосновывалась необходимостью подготовить почву для своего морального и политического учения, призванного нейтрализовать гражданские последствия, связанные с казнью короля Карла I, диктатурой Кромвеля, гражданским противостоянием. В прежних теологических положениях о богоизбранности монархии и царствующих особ, о богоподобии человека, христианских заповедях дать объяснение кровожадности, алчности, предательству, жестокости в понятных для большинства граждан положениях не представлялось возможным. Гоббс нуждался в рационализированном потенциале конструирования концепции гражданского единства, сфокусированной на сохранении

монархической формы правления с широкими правами, как средства установления социального мира и предотвращения возможных конфликтов. В материалистической парадигме действовал принцип унификации человеческой природы без поправок на происхождение, образование, достаток, общественный статус. Выдвигая «удовольствие», «неудовольствие», «страх смерти», «мир как благо» в качестве основных принципов мотивации поведения индивида, Т. Гоббс получал абсолютные компоненты (в рамках логического развертывания своей теории) социального взаимодействия, что позволяло сформировать действенную систему государственной мобильности.

Список литературы

1. Виноградов, В. Н. Философия Давида Юма в связи с важнейшими направлениями британскими морали XVII-XVIII вв. / В. Н. Виноградов. – М.: Типография Императорского Московского университета, 1911. – 157 с.
2. Гоббс, Т. Избранные произведения в 2-х т. Т.1 / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 1964. - 584 с.
3. James, D. G. The life of reason Hobbes, Locke, Bolingbroke / D. G. James. – Lnd, N-Y.: Longmans, Green, 1949. – 272 p.
4. Krook, D. Three traditions of moral thought / D. Krook. – Cambridge: Cambridge University Press, 1959. - 166 p.
5. Strauss, L. On the spirit of Hobbes s philosophy. Hobbes studies / L. Strauss. – Oxford.: Basil Blackwell, 1965. – 303 p.

Статья поступила в редакцию 4.12.2020

Mironov, A. V. Philosophical Foundations and Forms of Social Organization

The article examines the philosophical foundations that became the platform for the formation of T. Hobbes ' moral and political theories. Attention is paid to the relationship between historical events and their interpretation in the humanities of Modern history with the help of materialistic assumptions. The emphasis is placed on the structural relationship between the biological nature of a person and the possibilities of social communication in the perspective of self-preservation and the realization of the natural interests of the individual.

Keywords: corporeality, movement, social contract, fear, threat to the existence, self-centeredness.

Научное издание

ПАРАДИГМЫ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов
Выпуск 20
2020

Под общей редакцией *Е. Н. Максимовой*

Составление, верстка, оригинал-макет – *А. А. Ковалевский*

Адрес редакции:

299053, г. Севастополь, ул. Гагарина, д. 13,
каб. 3.7 E-mail: iorbook@sevsu.ru
URL: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=58369

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-64133 от 25.12.2015. Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Авторы опубликованных материалов несут полную ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, данных, имен собственных и прочих сведений.

Редакция не несет ответственности за нарушение авторами исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности третьих лиц. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с позицией авторов статей. При перепечатке материалов ссылка на сборник научных трудов «Парадигмы истории и общественного развития» обязательна

Подписано в печать 29.12.2020. Формат 60×84/8. Заказ № 51/20.
Усл. печ. л. 4,7. Уч.-изд. л. 4,6. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в
РИИЦМ ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
299015, г. Севастополь, ул. Курчатова, д. 7